

К Е Н

ФОЛЛЕТТ

ЗИМА МИРА

ТРИЛОГИЯ «XX ВЕК»

Век гигантов

Кен Фоллетт

Зима мира

«АСТ»

2012

УДК 821.111-311.6
ББК 84(4Вел)-44

Фоллетт К.

Зима мира / К. Фоллетт — «АСТ», 2012 — (Век гигантов)

ISBN 978-5-17-078992-4

Действие романа относится к первой половине XX века и охватывает события, происходившие в канун Второй мировой войны, а также военное и послевоенное время. Главные его герои — интеллектуалы и рабочие, аристократы, военные и политики России, Германии, Англии и США, чьи судьбы переплелись в затейливый и непредсказуемый узор. На их глазах рушится мир, к власти в Европе приходит Гитлер, ввергший континенты в войну, а их жизни вмещают в себя и эпохальные события, и неисчислимые беды, и тихие радости...

УДК 821.111-311.6
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-078992-4

© Фоллетт К., 2012
© АСТ, 2012

Содержание

Список действующих лиц	6
Часть первая	10
Глава первая	10
Глава вторая	60
Глава третья	105
Конец ознакомительного фрагмента.	151

Кен Фоллетт

Зима мира

*Посвящаю родителям моих родителей,
Тому и Минни Фоллетт,
Артуру и Бесси Эванс*

Серия «Ф.О.Л.Л.Е.Т.Т.»
Ken Follett
WINTER OF THE WORLD

Перевод с английского Е. Е. Гущинской
Компьютерный дизайн Я.Е. Половцевой

Печатается с разрешения автора и литературных агентств Writers House, LLC и Synopsis.

© Ken Follett, 2012
© Перевод. Е.Е. Гущинская, 2015
© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

Список действующих лиц

Американцы

Семейство Дьюаров:

Сенатор Гас Дьюар

Роза Дьюар, его жена

Вуди Дьюар, их старший сын

Чак Дьюар, их младший сын

Урсула Дьюар, мать Гаса

Семейство Пешковых:

Лев Пешков

Ольга Пешкова, его жена

Дейзи Пешкова, их дочь

Марга, любовница Льва

Грег Пешков, сын Льва и Марги

Глэдис Энджелус, кинозвезда, также любовница Льва

Семейство Рузрок:

Дейв Рузрок

Джоан Рузрок, его дочь

Представители высшего общества:

Дот Реншоу

Чарли Фаркуарсон

Другие:

Джо Брехунов, бандит

Брайан Холл, профсоюзный деятель

Джеки Джейкс, молодая киноактриса

Эдди Перри, флотский друг Чака

Капитан Вандермейер, начальник Чака

Маргарет Каудри, красавица и богатая наследница

Реальные исторические личности:

Президент **Ф.Д. Рузвельт**

Маргерит Мисси Лехэнд, его секретарша

Вице-президент **Гарри Трумэн**

Корделл Халл, госсекретарь

Самнер Уэллс, заместитель госсекретаря

Полковник Лесли Гровс, Инженерный корпус армии

Англичане

Семейство Фицгербертов:

Граф Фицгерберт, которого зовут Фиц
Графиня Би, его жена
«Ма лыш» Фицгерберт, виконт Эйбрауэнский, их старший сын
Энди, их младший сын

Семейство Леквиз-Уильямс:

Эте ль Леквиз (урожденная Уильямс), член парламента от Олдгейта
Берни Леквиз, муж Этель
Ллойд Уильямс, сын Этель, приемный сын Берни
Милли Леквиз, дочь Этель и Берни

Другие:

Руби Картер, приятельница Ллойда
Бинг Вестхэмптон, друг Фица
Линди и Лиззи Вестхэмптон, близнецы, дочери Бинга
Джимми Мюррей, сын генерала Мюррея
Мэй Мюррей, его сестра
Маркиз Лоутер, которого также зовут Лоути
Наоми Эвери, лучшая подруга Милли
Эйб Эвери, брат Наоми

Реальные исторические личности:

Эрнест Бевин, член парламента, министр иностранных дел

Немцы и австрийцы

Семейство фон Ульрихов:

Вальтер фон Ульрих
Мод, его жена (урожденная леди Мод Фицгерберт)
Эрих, их сын
Карла, их дочь
Ада Хемпель, их служанка
Курт, внебрачный сын Ады
Роберт фон Ульрих, двоюродный брат Вальтера
Йорг Шляйхер, партнер Роберта
Ребекка Розен, сирота

Семейство Франков:

Людвиг Франк
Моника, его жена (урожденная Моника фон дер Хельбард)
Вернер, их старший сын
Фрида, их дочь
Аксель, их младший сын
Риттер, шофер
Граф Конрад фон дер Хельбард, отец Моники

Семейство Ротманов:

Доктор Исаак Ротман
Ханнелор Ротман, его жена

Ева, их дочь
Руди, их сын
Семейство фон Кессель:
Готфрид фон Кессель
Генрих фон Кессель, его сын

Гестапо:
Комиссар Томас Маке
Инспектор **Крингеляйн**, начальник Маке
Райнхольд Вагнер
Клаус Рихтер
Гюнтер Шнайдер

Другие:
Герман Браун, лучший друг Эрика
Сержант Шваб, садовник
Вильгельм Фрунзе, ученый

Русские

Семейство Пешковых:
Григорий Пешков
Катерина, его жена
Владимир, которого обычно называют Володя, их сын
Аня, их дочь

Другие:
Зоя Воротынцева, физик
Илья Дворкин, офицер НКВД
Полковник **Лемитов**, начальник Володи
Полковник **Бобров**, офицер Красной Армии в Испании

Реальные исторические личности:
Лаврентий Берия, глава НКВД
Вячеслав Молотов, министр иностранных дел

Испанцы

Тереза, учительница испанского языка

Валлийцы

Семейство Уильямсов:
Дэй Уильямс, «дедушка»
Кара Уильямс, «бабушка»
Билли Уильямс, член парламента от Эйбрауэна
Дейв, старший сын Билли
Кейр, младший сын Билли

Семейство Гриффитсов:

Том ми Гриффитс, политический представитель Билли Уильямса

Ленни Гриффитс, сын Томми

Часть первая Подставь другую щеку

Глава первая 1933 год

I

Карла почувствовала, что родители – на грани ссоры. Войдя на кухню, она в ту же секунду ощутила напряжение, словно пробирающий до костей ледяной ветер, свистящий по улицам Берлина перед февральской бурей. Она едва не развернулась и не ушла обратно.

Ссориться им было не свойственно. Обычно они были друг с другом нежны, даже слишком. Карла морщилась, когда они целовались на глазах у посторонних. Ее друзья считали их чудными: их собственные родители так себя не вели. Однажды она сказала об этом матери. Та довольно рассмеялась и ответила:

– На следующий день после свадьбы нас разлучила Великая война¹. – Она была англичанкой, хотя по ней и не скажешь. – Я осталась в Лондоне, а он уехал в Германию и ушел на фронт. – Карла много раз слышала эту историю, но маме не надоедало говорить об этом. – Мы думали, что война продлится месяца три, не больше, но я увидела его вновь только через пять лет. Как я мечтала его обнять все это время! Так что теперь мне это никогда не надоедает.

Да и отец ответил не лучше.

– Я не встречал женщины умнее, чем твоя мама, – сказал он на этой же кухне всего несколько дней назад. – Вот поэтому я на ней и женился. И ни при чем здесь... – он не договаривал, и они с мамой хихикнули с таинственным видом, как будто Карла в свои одиннадцать лет ничего не знала о сексе. Ей стало неловко.

Но бывало, что ругались и они. Карла знала, как выглядят признаки приближающейся ссоры. И сейчас буря должна была вот-вот разразиться.

Они сидели друг напротив друга за кухонным столом. Отец был в мрачном темно-сером костюме, накрахмаленной белой сорочке с черным атласным галстуком. Он выглядел, как всегда, элегантно, несмотря на то что волосы у него уже редели, а жилет с золотой цепочкой часов немного выдавался округло вперед. На его лице застыло выражение деланного спокойствия. Карла уже видела его таким. Это бывало, если кто-то из домашних чем-то вызвал его гнев.

У него в руке был еженедельный журнал, который издавала мама, «Демократ». Она вела колонку политических и дипломатических новостей под именем «Леди Мод».

– Наш новый канцлер, – начал читать вслух отец, – господин Адольф Гитлер, начал свою карьеру в дипломатических кругах с работы в приемной президента Гинденбурга.

Карла знала, что президент – это глава государства. Его избирали, но он стоял выше будничных политических склок, выступая в качестве судьи. Главой правительства был канцлер. Хотя Гитлера сделали канцлером, его партия нацистов не имела в рейхстаге – парла-

¹ Название «Первая мировая война» утвердилось после Второй мировой войны. В период между войнами войну 1914–1918 гг. называли Великой.

менте Германии – подавляющего большинства, так что в настоящее время другие партии могли сдерживать ее.

В голосе отца звучало отвращение, словно ему пришлось упомянуть нечто мерзкое, например нечистоты.

– «В официальном фраке он выглядел неловко».

Мама Карлы пила кофе и смотрела в окно, словно ее заинтересовали спешащие на работу люди в шарфах и перчатках. Она тоже делала вид, что спокойна, но Карла знала, что она просто выжидает удобного момента.

Служанка Ада в передничке нарезала на боковом столике сыр. Она поставила перед отцом тарелку, но тот не обратил внимания.

– «Господин Гитлер, видимо, был очарован изысканной красотой Элизабет Черрути, супруги итальянского посла, явившейся в ярко-розовом бархатном платье, отороченном мехом соболя».

Мама всегда писала, какая на людях была одежда. Она говорила, что это помогает читателю их представить. У нее самой были очень красивые платья, но времена пошли тяжелые, и она уже много лет ничего нового себе не покупала. В это утро на ней было синее кашемировое платье, и она выглядела в нем стройной и элегантной. Платью, наверное, было столько же лет, сколько Карле.

– «Синьора Черрути, по национальности еврейка, пламенная сторонница фашизма, и они проговорили довольно долго. Может быть, она уговаривала Гитлера прекратить разжигание ненависти к евреям?» – отец звучно бросил газету на стол.

«Начинается», – подумала Карла.

– Ты понимаешь, что это разозлит нацистов? – сказал он.

– Надеюсь, – невозмутимо ответила мама. – Если настанет день, когда им понравится то, что я пишу, я брошу это дело.

– Их злить опасно.

Мамины глаза гневно вспыхнули.

– Вальтер, не смей говорить со мной свысока! Я знаю, что они опасны. Именно поэтому я и борюсь против них.

– Я просто не вижу смысла их раздражать.

– Но ты же нападаешь на них в рейхстаге! – Отец был парламентарием от Социал-демократической партии.

– Я участвую в аргументированных обсуждениях.

Как это типично для них, подумала Карла. Отец логичен, осмотрителен, законопослушен. А у мамы – стиль и юмор. Он идет к своей цели со спокойной настойчивостью, она использует очарование и нахальство. Им никогда не договориться.

– Я не довожу нацистов до белого каления, – добавил отец.

– Возможно, это потому, что вред от тебя небольшой.

Ее шпилька отца задела.

– Думаешь, ты им сильно вредишь своими шуточками? – сказал он уже громче.

– Я их высмеиваю.

– Вместо того чтобы спорить.

– Я думаю, нужно и то и другое.

– Но, Мод, как ты не понимаешь, – сказал отец еще более сердито, – что ты навлекаешь опасность на себя и на всю семью?

– Напротив. Настоящая опасность – это не смеяться над нацистами. Во что превратится жизнь наших детей, если Германия станет фашистским государством?

От таких разговоров Карле становилось не по себе. Было невыносимо слышать, что семье угрожает опасность. Жизнь должна идти своим чередом. Как бы ей хотелось целую

вечность сидеть утром на кухне и чтобы родители сидели друг напротив друга за длинным сосновым столом, Ада нарезала сыр, а наверху с топотом носился брат Карлы Эрик, снова опаздывая в школу. Почему что-то должно меняться?

Всю свою жизнь за завтраком она слушала разговоры о политике и думала, что понимает все, что делают родители, чтобы в Германии всем стало лучше жить. Но в последнее время они стали говорить о другом. Похоже, они считали, что приближается страшная опасность, но Карла не совсем понимала, какая именно.

Отец сказал:

– Господь мне свидетель, я делаю все возможное, чтобы сдержать Гитлера и его банду.

– И я тоже. Но когда это делаешь ты, это называется «разумный подход», – сказала мама с каменным от негодования лицом. – А когда это делаю я, то получаю обвинения, что подвергаю семью опасности.

– И на то есть серьезные основания, – сказал отец. Ссора только начиналась, но в этот момент спустился Эрик, гремя по лестнице, как конь, и ввалился в кухню с болтающейся через плечо сумкой. Ему было тринадцать, он был на два года старше Карлы, и на верхней губе уже пробивались некрасивые черные волоски. Когда они были маленькими, то всегда играли вместе; но те времена прошли, и теперь, став таким высоким, он всем своим видом показывал, что считает ее маленькой и глупой. На самом деле она была поумнее, чем он, и знала такие вещи, о которых он и понятия не имел – про женские циклы, например.

– А что это была за музыка – последнее, что ты играла? – спросил он маму.

По утрам их часто будили звуки рояля. У них был «Стейнвей», унаследованный, как и весь дом, от родителей отца. Мама играла по утрам, потому что, как она говорила, потом весь день она была слишком занята, а к вечеру слишком уставала. Этим утром она играла сонату Моцарта, а потом джазовую пьесу.

– Это «Тайгер рэг», – ответила она. – Сыр будешь?

– Джаз – это упадничество, – сказал Эрик.

– Не говори глупости.

Ада подала Эрику тарелку с нарезанной колбасой и сыром, и он сразу набил полный рот. «Что за ужасные у него манеры», – подумала Карла.

– Эрик, от кого ты набираешься такой чепухи? – сурово глядя на него, спросил отец.

– Герман Браун говорит, что джаз – это не музыка, а просто какофония, получающаяся, когда играют негры. – Герман был закадычным другом Эрика. Его отец был членом партии нацистов.

– Пусть твой Герман попробует его сыграть! – Отец взглянул на мать, и его лицо просветлело. Она улыбнулась в ответ. – Твоя мама, – продолжал он, – когда-то пыталась меня научить играть рэгтайм, много лет назад... Но ритм мне так и не дался.

– Это было все равно что учить жирафа кататься на роликовых коньках, – рассмеялась мама.

Ссора кончилась, поняла Карла с облегчением. Она воспрянула духом, взяла ломтик черного хлеба и обмакнула в молоко.

Но теперь принялся спорить Эрик.

– Негры – низшая раса, – сказал он вызывающе.

– Я в этом сомневаюсь, – терпеливо возразил отец. – Если негритянского мальчика поселить в большом красивом доме, полном книжек и картин, а потом послать учиться в дорогую школу с хорошими учителями, он вполне может оказаться поумнее тебя.

– Что за чушь! – возмутился Эрик.

– Не смей говорить отцу, что его слова – чушь, глупый мальчишка! – вставила мама, но получилось не сердито: весь жар она израсходовала на отца. Теперь ее голос звучал устало и расстроено. – Ты ничего не понимаешь в том, о чем болтаешь, и твой Герман Браун – тоже.

– Но ведь арийцы – высшая раса, мы правим миром!

– Твои приятели-нацисты не знают истории, – сказал отец. – Когда древние египтяне строили пирамиды, германцы еще жили в пещерах. В Средние века миром правили арабы, и мусульмане создавали алгебру, когда германские принцы еще собственного имени написать не могли. Так что от расы это не зависит.

– А от чего зависит? – спросила Карла, сосредоточенно сдвинув брови.

Отец ласково взглянул на нее.

– Вот это – очень хороший вопрос, и ты молодец, что его задала. – Услышав похвалу, она покраснела от удовольствия. – Цивилизации поднимаются и гибнут: китайская, ацтекская, римская, – но никто не знает почему.

– Давайте-ка доедайте и одевайтесь, – сказала мама. – Времени уже много.

Отец достал из кармана жилета часы и, взглянул, приподняв брови.

– Не так уж много...

– Я должна отвезти Карлу к Франкам, – сказала мама. – В женской школе занятий сегодня не будет, что-то с отоплением. Так что Карла проведет сегодня день у Фриды.

Фрида Франк была близкой подругой Карлы. Их мамы тоже были близкими подругами. На самом деле, когда они были молоды, мама Фриды, Моника, любила отца Карлы. Этот потрясающий факт однажды выдала бабушка Фриды, перебрав шампанского.

– А почему за Карлой не может приглядеть Ада? – спросил отец.

– Ада идет к врачу.

– Ясно.

Карла ждала, что отец спросит, зачем Аде к врачу, но он кивнул, словно уже все знал, и убрал часы. Карле хотелось спросить, но что-то ей подсказывало, что делать этого не следует. Она сказала себе, что спросит у мамы попозже. И тут же об этом забыла.

Первым ушел отец, надев длинный черный плащ. Потом Эрик натянул свою кепку, сдвинув ее как можно дальше на затылок, так что она едва не падала (такая уж была мода у его друзей), и вслед за отцом вышел из дома.

Карла с мамой помогли Аде убрать со стола. Карла любила Аду почти так же сильно, как маму. Когда Карла была маленькой, Ада присматривала за ней постоянно, пока она не подросла и не пошла в школу, потому что мама все время работала. Ада была еще не замужем. Ей было двадцать девять лет, и выглядела она простовато, хотя у нее была добрая, очаровательная улыбка. Летом у нее был роман с полицейским по имени Пауль Хуберт, но не очень продолжительный.

Карла с мамой стояли перед зеркалом в холле, надевали шляпки. Мама не спешила. Она выбрала темно-синюю фетровую шляпку с круглым верхом и узкими полями, какие носили все женщины вокруг. Но она надевала свою под другим углом и выглядела в ней шикарно. Интересно, подумала Карла, надевая свою вязаную шерстяную шапочку, будет ли у нее когда-нибудь такое чувство стиля, как у мамы. В этой шляпке мама была похожа на богиню войны, ее изящная шея, подбородок и высокие скулы были словно выточены из белого мрамора, и она была – прекрасной, но никак не хорошенькой. У Карлы были такие же темные волосы и зеленые глаза, но она скорее напоминала пухленькую куколку, а не статую. Однажды Карла случайно услышала, как бабушка сказала маме: «Вот увидишь, твой гадкий утенок еще превратится в лебедя!» И Карла все ждала, когда же это случится.

Когда мама собралась, они вышли. Их дом стоял в ряду величественных особняков в районе Митте, бывшем центре города, – подобные дома прежде строили для министров и военных высокого ранга, таких, как дед Карлы, работавший в расположенных совсем рядом правительственных зданиях.

Карла с мамой проехали в трамвае через Унтер-ден-Линден, потом от Фридрихштрассе доехали на поезде до станции «Зоо». Франки жили в юго-западном пригороде Шенберг.

Карла надеялась увидеть брата Фриды, четырнадцатилетнего Вернера. Он ей нравился. Иногда Карла и Фрида фантазировали, что вот они вырастут и выйдут замуж за братьев друг дружки, поселятся рядом и их дети будут лучшими друзьями. Для Фриды это была лишь игра, но Карла втайне относилась к этому серьезно. Вернер был красивый, взрослый и никогда не дурачился, в отличие от Эрика. В кукольном домике у Карлы в спальне маму и папу, спавших бок о бок на миниатюрной супружеской кровати, звали Карла и Вернер, но об этом никто не знал, даже Фрида.

У Фриды был еще один брат, семилетний Аксель, но он родился с расщеплением позвоночника и нуждался в постоянной медицинской помощи. Он жил в специализированной клинике в пригороде Берлина.

Всю дорогу у мамы был озабоченный вид.

– Надеюсь, все обойдется, – пробормотала она, словно говоря сама с собой.

– Ну конечно, все будет хорошо, – сказала Карла. – Мы с Фридой чудесно проведем время.

– Я не об этом. Я про свою статью о Гитлере.

– Нам что, угрожает опасность? Папа был прав?

– Обычно твой папа бывает прав.

– И что с нами будет, если нацисты на нас разозлятся?

Мама посмотрела на нее долгим странным взглядом и сказала:

– Господи боже, в какой же мир я вас привела...

И замолчала.

Пройдя еще десять минут пешком, они оказались перед огромным домом с большим садом. Франки были богаты. Отец Фриды Людвиг был владельцем завода, выпускавшего радиоприемники. Перед домом стояли две машины. Большой черный сияющий автомобиль принадлежал господину Франку. Мотор работал, от выхлопной трубы поднималось облачко голубого дыма. Шофер Риттер, в форменных брюках, заправленных в высокие сапоги, стоял с шапкой в руке у машины, готовый распахнуть дверцу. Он поклонился и сказал:

– Доброе утро, фрау фон Ульрих!

Вторая машина была зеленая, маленькая, двухместная. Из дома вышел седобородый приземистый человек с кожаным чемоданчиком в руке и, проходя к зеленому автомобилю, приложил руку к шляпе, приветствуя мать Карлы.

– Интересно, что делал здесь доктор Ротман так рано утром, – сказала мама взволнованно.

Очень скоро они это узнали. У дверей их встретила Моника, мать Фриды – высокая дама с пышными рыжими волосами. На ее бледном лице читалось волнение. Вместо того чтобы пригласить их в дом, она неподвижно встала в дверях, словно загораживая им вход.

– У Фриды корь! – сказала она.

– Бедняжка! – сказала мама. – Как она?

– Плохо. У нее жар и кашель. Но доктор Ротман говорит, что все будет хорошо. Однако нужно соблюдать карантин.

– Конечно. А вы корью болели?

– Да, в детстве.

– И Вернер тоже болел, я помню, у него была ужасная сыпь по всему телу. А ваш муж?

– Людвиг тоже переболел в детстве.

Женщины посмотрели на Карлу. У нее никогда не было кори. Она поняла, что это значит: сегодня ей не позволят остаться у Фриды.

Карла расстроилась, а мама была просто в отчаянии.

– На этой неделе выходит наш предвыборный номер журнала, я просто *не могу* не явиться! – расстроено воскликнула она. Все взрослые очень беспокоились по поводу пред-

стоящих в следующее воскресенье выборов. И мама и папа боялись, что нацисты получат достаточно голосов, чтобы полностью контролировать правительство.

– К тому же приезжает моя старая подруга из Лондона. Может быть, у меня получится уговорить Вальтера уйти с работы и посмотреть за Карлой?

– Почему бы вам не позвонить ему? – сказала Моника.

Мало у кого был дома телефон, но у Франков был, и Карла с мамой вошли в холл. Аппарат стоял на тонконогом столике у дверей. Мама сняла трубку и продиктовала номер телефона папиного кабинета в рейхстаге. Ее соединили, и она объяснила ему ситуацию. Послушав с минуту, она рассердилась.

– Мой журнал призовет сотни тысяч читателей голосовать за Социал-демократическую партию! – сказала она. – Неужели у тебя на сегодня запланировано что-то еще более важное?

Карла легко могла догадаться, чем закончится этот спор. Она знала, что папа ее очень любит, но за все одиннадцать лет ее жизни ни разу он не оставался с ней на целый день. Как и отцы всех ее подруг. Мужчины просто не занимаются такими вещами. Но мама иногда делала вид, что ей неизвестны эти правила, по которым жили все женщины.

– Что ж, тогда мне придется взять ее с собой на работу, – сказала мама в трубку. – Страшно подумать, что скажет Йохманн. – Господин Йохманн был мамин начальник. – Он и в хорошем расположении духа недолюбливает женщин... – Не попрощавшись, она вернула трубку на место.

Карла терпеть не могла, когда они ссорились, а ведь это уже второй раз за день! От этого весь ее мир казался ненадежным. Она гораздо больше боялась ссор, чем нацистов.

– Ну что, пойдём... – сказала мама, и она шагнула к двери. «Я даже не увижу Вернера», – огорченно подумала Карла.

Но тут в холле появился отец Фриды, розовощекий человек с маленькими черными усиками, энергичный и жизнерадостный. Он любезно приветствовал Мод, и она из вежливости остановилась перекинуться с ним несколькими фразами, пока Моника помогала ему надеть черное пальто с меховым воротником.

Он подошел к ведущей вверх лестнице и крикнул:

– Вернер! Я еду без тебя!

Потом надел серую фетровую шляпу и вышел.

– Я готов! Я готов! – Вернер сбежал по лестнице, как танцор. Он был высоким, как отец, и еще красивее, с чересчур длинными золотисто-рыжими волосами. Под мышкой он зажал кожаный ранец, по-видимому набитый книгами. В другой руке он держал пару коньков и клюшку. Рядом с Мод он остановился и очень вежливо сказал:

– Доброе утро, фрау фон Ульрих!

И потом менее официально:

– Привет, Карла. А у моей сестры корь.

Карла почувствовала, что краснеет, хотя никакой причины не было.

– Я знаю, – сказала она. Ей хотелось сказать что-нибудь милое и приятное, но в голову ничего не приходило. – У меня никогда не было кори, так что мне к ней нельзя.

– А я переболел в детстве, – сказал он так, словно это было давным-давно. – Я должен спешить, – добавил он извиняющимся тоном.

Карла не хотела так скоро с ним прощаться. Она вышла вслед за Вернером. Риттер держал заднюю дверь открытой.

– А как называется ваш автомобиль? – спросила она. Мальчишки всегда знают марки всех машин.

– Лимузин «Мерседес-Бенц W10».

– Судя по виду, он очень удобный, – сказала она и поймала взгляд матери, удивленный и чуть насмешливый.

– Может быть, вас подвезти? – сказал Вернер.

– Это было бы чудесно.

– Я спрошу отца. – Вернер сунул голову в машину и что-то сказал. Карла услышала, как господин Франк ответил:

– Хорошо, только поскорее!

Она повернулась к матери.

– Мы можем поехать на машине!

Мод заколебалась лишь на миг. Она не одобряла политики господина Франка – он давал деньги нацистам, – но не собиралась в холодное утро отказываться от поездки в теплом автомобиле.

– Вы очень добры, Людвиг, – сказала она.

Они сели. На заднем сиденье было достаточно места для четырех человек. Риттер мягко тронул машину с места.

– Я полагаю, вы направляетесь на Кох-штрассе? – спросил господин Франк. На этой улице в районе Кройцберг располагалось много газетных и книжных издательств.

– Пожалуйста, не меняйте из-за нас свой маршрут. Нас вполне устроит и Лейпциг-штрассе.

– Я был бы рад доставить вас к самым дверям... но, полагаю, вам не хочется, чтобы ваши левые коллеги видели, что вы выходите из машины разжиревшего плутократа. – В его веселом тоне появился намек на враждебность.

Мать подарила ему очаровательную улыбку.

– Вовсе вы не разжиревший, Людвиг, а совсем чуть-чуть полноватый, – сказала она, похлопывая его по груди. Он рассмеялся.

– Ну, сам напросился, – сказал он. Напряжение спало. Господин Франк взял микрофон и отдал Риттеру распоряжения.

Карла была счастлива, что едет в машине с Вернером, и ей хотелось использовать время для разговора с ним наилучшим образом, но сначала она не могла придумать, о чем поговорить. На самом деле ей хотелось сказать: «Как ты думаешь, не захочется ли тебе, когда вырастешь, жениться на одной девочке с темными волосами и зелеными глазами, которая на три года младше тебя, но достаточно умна?» Наконец она спросила, указав на коньки:

– У тебя сегодня матч?

– Нет, просто тренировка после школы.

– А на какой позиции ты играешь? – Она ничего не знала о хоккее, но в командных играх игрокам всегда отводились разные роли.

– Я на правом фланге.

– Это, наверное, довольно опасный вид спорта?

– Да нет, если двигаться быстро.

– Ты, должно быть, отлично катаешься на коньках?

– Неплохо, – скромно сказал он.

И снова Карла заметила, что мама смотрит на нее с загадочной легкой улыбкой. Не догадалась ли мама о ее отношении к Вернеру? Карла вновь почувствовала, что начинает краснеть.

Тут автомобиль подъехал к стоянке возле школы, и Вернер вышел.

– Всем – до свидания! – сказал он и через ворота вбежал во двор.

Риттер повел машину дальше – вдоль южного берега Ландвейр-канала. Карла смотрела на груженные углем баржи, заметенные снегом, как горы. Она была разочарована. Она так

старалась побыть с Вернером подольше, намекнула, чтобы их подвезли, – а потом потратила время впустую, на разговор о хоккее.

А о чем бы ей хотелось с ним поговорить? Она не знала.

Господин Франк сказал маме:

– Я читал вашу колонку в «Демократе».

– Надеюсь, вам понравилось?

– Мне было прискорбно видеть, что вы пишете о нашем канцлере столь непочтительно.

– А вы считаете, что журналисты должны писать о политиках почтительно? – оживилась мама. – Какой радикализм! Тогда нацистской прессе тоже пришлось бы отзываться о моем муже почтительно! И это им не понравилось бы.

– Разумеется, я не имел в виду всех политиков, – раздраженно сказал Франк.

Они пересекли площадь Потсдамер-плац. Там было плотное движение. В беспорядочной толчее автомобили и трамваи соперничали с пешеходами и экипажами.

– Разве не лучше, когда пресса может критиковать всех одинаково? – сказала мама.

– Прекрасная идея, – сказал он. – Но вы, социалисты, живете в мире иллюзий. А мы, практичные люди, знаем, что Германии не прожить на одних идеях. Людям требуется хлеб, обувь, уголь.

– Я с вами полностью согласна, – сказала мама. – Я бы и сама рада иметь побольше угля... Но я хочу, чтобы Карла и Эрик выросли гражданами свободной страны.

– Вы слишком высоко ставите свободу. Не она делает людей счастливыми. Им нужнее сильное руководство. Я хочу, чтобы Вернер, Фрида и бедняжка Аксель выросли в стране гордой, дисциплинированной и объединенной.

– А чтобы стать объединенными, нам обязательно нужно, чтобы ваши головорезы в коричневых рубашках избивали старых евреев-лавочников?

– Политика груба. С этим ничего не поделаешь.

– Как раз наоборот. И вы, и я – лидеры, Людвиг, каждый по-своему. И именно мы в ответе за то, чтобы политика стала не такой грубой – более честной, более разумной, менее жестокой. Если мы этого не сделаем – мы не выполним свой долг патриотов.

Господин Франк ошетинился.

Карла мало знала о мужчинах, но и она понимала, что они терпеть не могут, когда женщины им указывают, что именно является их долгом патриотов. Похоже, сегодня утром мама забыла нажать на кнопку своего очарования. Впрочем, сейчас нервничали все. Из-за предстоящих выборов все были на грани срыва.

Машина выехала на Лейпцигер-плац.

– Где вас лучше высадить? – холодно спросил господин Франк.

– Вот здесь будет вполне удобно, – сказала мама.

Господин Франк постучал по стеклу, отделяющему их от водителя. Риттер остановил автомобиль и поспешил открыть дверь.

– Я очень надеюсь, что Фрида скоро поправится, – сказала мама.

– Благодарю вас.

Они вышли, и Риттер закрыл дверь.

До маминой редакции нужно было идти пешком еще несколько минут, но стало ясно, что мама не хочет больше оставаться в машине. Карла надеялась, что мама не все время будет ссориться с господином Франком, ведь это может помешать ей видаться с Фридой и Вернером. Это было бы ужасно.

Они быстро двинулись вперед.

– Постарайся у меня на работе вести себя получше, – сказала мама. В ее голосе зазвучали жалобные нотки. Карла почувствовала стыд, что мама из-за нее так волнуется, и решила вести себя идеально.

По дороге мама поздоровалась с несколькими прохожими: она вела свою колонку, сколько Карла себя помнила, и ее хорошо знали в журналистских кругах. Все звали ее на английский манер, «Леди Мод».

Возле здания, в котором располагалась редакция «Демократа», они увидели старого знакомого: сержанта Шваба. Во время войны он сражался вместе с папой и до сих пор стригся ужасно коротко, по-военному. Когда война кончилась, он работал садовником – сначала у деда Карлы, а потом у ее отца; но он украл деньги из маминого кошелька, и папа его уволил. Теперь на нем была уродливая военная форма штурмовиков, «коричневорубашечников», которые были не солдаты, а нацисты, получившие полномочия полицейских.

– Доброе утро, фрау фон Ульрих! – громко сказал Шваб, словно совсем не стыдясь того, что он вор. И даже не притронулся к шапке.

Мама холодно кивнула и прошла мимо.

– Интересно, что он здесь делает, – нервно пробормотала она, когда они входили в здание.

Мамин журнал занимал второй этаж современного здания. Карла знала, что появление детей здесь не приветствуется, и надеялась, что они смогут добраться до маминого кабинета незамеченными. Но на лестнице они встретились с господином Йохманном. Это был тучный человек в очках с толстыми стеклами.

– Это что такое! – процедил он, не вынимая изо рта сигареты. – У нас что, открылся детский сад?

Мама не отреагировала на грубость.

– Я тут вспоминала, как вы на днях говорили, – произнесла она, – что молодежь считает работу журналистов эффектной профессией, не понимая, сколько тяжелого труда она требует.

Он нахмурился.

– Я так говорил? Ну да, и это чистая правда.

– Вот я и привела свою дочь, чтобы она посмотрела, как работа журналиста выглядит на самом деле. Мне кажется, это будет полезно для ее образования, особенно если она станет писательницей. Она хочет выступить перед своим классом с докладом об этом посещении. Я была уверена, что вы согласитесь.

Мама выдумывала на ходу, но звучало это убедительно, подумала Карла. Она сама готова была поверить. Наконец-то мама нажала на кнопку своего очарования.

– Но вроде бы сегодня к вам приезжает важный гость из Лондона? – сказал Йохманн.

– Да, Этель Леквиз, но она моя давняя подруга... Она знает Карлу с пеленок.

Господин Йохманн несколько смягчился.

– Хм-м... Ну что же. Через пять минут у нас редакционное совещание, я только схожу за сигаретами.

– Карла сбегает для вас за сигаретами! – Мама повернулась к Карле. – Иди в сторону центра, через три дома – табачная лавка. Господин Йохманн предпочитает марку «Ротхендл».

– Ну что же, тогда мне ходить не придется.

Господин Йохманн дал Карле монету достоинством в одну марку.

– Когда вернешься, – сказала ей мама, – найдешь меня на последнем этаже, в комнате рядом с рубильником пожарной тревоги. – Она повернулась к Йохманну и доверительно взяла его под руку. – Мне кажется, лучше номера, чем последний, у нас еще не было, – сказала она, и они пошли вверх по лестнице.

Карла выбежала на улицу. Мама добила своего, смешав, как это было ей свойственно, дерзость с обаянием. Она порой говорила: «Нам, женщинам, приходится применять все средства, что у нас есть». Подумав об этом, Карла поняла, что воспользовалась маминой

тактикой, чтобы господин Франк их подвез. Может быть, в конце концов, она и похожа на маму. Может быть, именно поэтому мама и улыбнулась той странной легкой улыбкой: она узнала себя тридцать лет назад.

В лавке была очередь. Казалось, здесь запасалась сигаретами на весь день половина берлинских журналистов. Наконец Карла купила пачку «Рот-хендл» и вернулась в здание редакции. Рубильник пожарной тревоги она нашла легко – это была большая ручка, прикрепленная к стене, – но мамы в кабинете не было. Ну конечно, она же на редакционном собрании.

Карла пошла по коридору. Все двери были настежь, и в большинстве комнат было пусто, не считая нескольких женщин – по-видимому, машинисток и секретарш. В конце коридора, за поворотом, Карла увидела закрытую дверь с табличкой «Зал заседаний». Оттуда раздавались сердитые мужские голоса. Карла постучала в дверь, но никто не ответил. Она постояла в нерешительности, потом повернула ручку и вошла.

Комната была полна табачного дыма. За длинным столом сидело человек восемь, а может, десять. Женщина была одна – ее мама. Все замолчали – по-видимому, удивившись, – когда Карла прошла вдоль стола к сидевшему во главе Йохманну и подала ему сигареты и сдачу. От этого молчания ей подумалось, что она поступила неправильно, войдя сюда. Но господин Йохманн лишь сказал:

– Спасибо.

– Не за что, господин Йохманн, – ответила она, почему-то с легким поклоном.

Люди за столом засмеялись.

– У вас новая помощница, Йохманн? – сказал один, и она поняла, что все в порядке.

Она быстро вышла из комнаты и вернулась в мамин кабинет. Раздеваться она не стала – в редакции было холодно. Она огляделась. На столе был телефон, пишущая машинка и пачка листов бумаги и копирки.

Рядом с телефоном стояла фотография в рамке – Карла и Эрик с папой. Снимок был сделан пару лет назад солнечным днем на берегу озера Ванзее в пятнадцати милях от центра Берлина. Папа был в шортах. Все смеялись. Это было, когда Эрик еще не строил из себя крутого парня.

Кроме этой, в комнате была еще лишь одна фотография, она висела на стене: мама с героем социал-демократов Фридрихом Эбертом, который после войны стал первым президентом Германии. Это фото было сделано лет десять назад. Карла улыбнулась, рассматривая мамино бесформенное платье с низкой талией и мальчишескую стрижку: должно быть, в то время это было модно.

На книжной полке стояли адресные справочники, телефонные книжки, несколько словарей и атласы, а почитать было нечего. В ящике стола лежали карандаши, несколько новых пар форменных перчаток, все еще в оберточной бумаге, пачка салфеток и блокнот с именами и телефонами.

Карла установила на календаре сегодняшнее число, 27 февраля 1933 года. Потом вставила в пишущую машинку листок бумаги. Она напечатала свое полное имя: Хайке Карла фон Ульрих. В возрасте пяти лет она объявила, что имя Хайке ей не нравится и она хочет, чтобы все называли ее вторым именем, – и, к некоторому ее удивлению, родные согласились.

При нажатии каждой клавиши пишущей машинки в воздух поднимался металлический стержень и бил по листу бумаги через чернильную ленту, отпечатывая букву. Когда нечаянно она нажала сразу две буквы, стержни зацепились друг за друга. Она попыталась их расцепить, но не смогла. Нажала на другую клавишу, но это не помогло: теперь застряли три стержня. Она застонала: вот у нее уже и неприятности.

Ее отвлек шум на улице. Она подошла к окну. Дюжина коричневорубашечников маршировала по середине улицы, выкрикивая лозунги: «Смерть евреям! Всех евреев – в ад!»

Карла не понимала, за что они так разозлились на евреев, которые вроде бы ничем не отличались от остальных – кроме веры. Увидев среди марширующих сержанта Шваба, она испугалась. Ей было жалко его, когда его увольняли, потому что она знала, что найти новую работу ему будет нелегко. В Германии искали работу миллионы. Папа сказал, это называется «депрессия». Но мама сказала: «Как можно держать в доме человека, который ворует?»

Их речевка изменилась. «Громи еврейские газеты!» – закричали они в такт. Один взмахнул рукой, и о дверь редакции государственной газеты разбился гнилой помидор. Потом, к ужасу Карлы, они направились к зданию, в котором была она.

Она отпрянула и стала глядеть из-за края оконной рамы, надеясь, что ее не видно. Они остановились перед домом, все еще скандируя. Один бросил камень. Он ударился о стекло окна, у которого стояла Карла, – не разбив его, но все равно она вскрикнула от страха. Тут же появилась одна из машинисток, молодая женщина в красном берете.

– Что случилось? – воскликнула она и выглянула в окно. – Ах, черт!

Коричневорубашечники вошли в здание, и Карла услышала топот на лестнице. Она пришла в ужас: что они собираются делать?

В мамин кабинет вошел сержант Шваб. Он заколебался, увидев женщину и девочку, но потом, похоже, собрался с духом. Он поднял машинку и выбросил ее в окно, разбив стекло. И Карла, и машинистка закричали.

В дверях показались новые коричневорубашечники, выкрикивающие лозунги.

Шваб схватил машинистку за руку и сказал:

– А ну-ка, крошка, где у вас здесь касса?

– В архиве! – дрожащим от страха голосом сказала она.

– Показывай.

– Сию секунду.

Он вывел ее из комнаты.

Карла заплакала, потом заставила себя прекратить.

Она подумала, не спрятаться ли под стол, но медлила. Ей не хотелось показывать им, как ей страшно. Что-то внутри требовало, чтобы она сопротивлялась.

Но что же ей делать? Она решила предупредить маму.

Она шагнула к двери и выглянула в коридор. Коричневорубашечники ходили по кабинетам, но до дальнего конца коридора еще не добрались. Карла не знала, слышен ли весь этот шум в зале заседаний. Она изо всех сил помчалась по коридору, но остановилась, услышав отчаянный крик. Заглянув в комнату, она увидела, что Шваб трясет машинистку в красном берете и орет:

– Где ключ?

– Я не знаю! Клянусь, я говорю правду! – кричала машинистка.

Карла пришла в бешенство. Как смел Шваб так обращаться с женщиной!

Она закричала:

– Шваб, а ну оставь ее, ворюга!

Шваб обернулся к ней с ненавистью во взгляде, и вдруг ей стало в десять раз страшнее.

Потом его взгляд переместился дальше, на кого-то за ее спиной, и он сказал:

– Уберите ребенка к чертям из-под ног!

Сзади ее схватили.

– Это что же, евреечка? – сказал мужской голос. – По виду похожа, волосы темные...

От этих слов она пришла в ужас.

– Я не еврейка! – взвизгнула она.

Коричневорубашечник оттащил ее назад по коридору и поставил на ноги в мамин кабинет. Она оступилась и упала на пол.

– Сиди здесь, – сказал он и ушел.

Карла вскочила. Она была цела и невредима. Теперь в коридоре полно коричневорубашечников, и к маме ей не попасть. Но она должна позвать на помощь.

Она посмотрела в разбитое окно. На улице собиралась кучка народу. Среди зевак стояли, болтая, двое полицейских.

– Помогите! Помогите! Полиция! – закричала им Карла.

Они увидели ее и засмеялись. Это ее взбесило, и от злости она даже стала меньше бояться. Она снова выглянула в коридор. Ее взгляд упал на пожарный рычаг на стене. Она подбежала и схватилась за рукоятку.

И остановилась в нерешительности. Нельзя поднимать пожарную тревогу, если нет пожара, и надпись на стене предупреждала о строгих санкциях.

Но все равно она дернула ручку.

В первое мгновение ничего не произошло. Может быть, эта штука не работает.

Потом раздался громкий, хриплый звук сирены – то высокий, то низкий, он наполнял все здание.

Почти мгновенно из комнаты в конце коридора высыпали люди. Первым появился Йохманн.

– Что, черт возьми, здесь творится? – крикнул он через рев сирены.

Один из коричневорубашечников ответил:

– Ваша еврейско-коммунистическая подстилка оскорбила нашего вождя, и мы ее закрываем!

– Убирайтесь вон из моей редакции!

Коричневорубашечник не обратил на него внимания и вошел в подсобку. В следующий миг оттуда раздался женский вопль и звук падающего металлического стола.

Йохманн повернулся к кому-то из подчиненных:

– Шнайдер! Немедленно вызывайте полицию!

Карла знала, что толку не будет. Полиция уже здесь, да только ничего не делает.

По коридору, пробиваясь через толпу, к ней бежала мама.

– Как ты? – воскликнула она и крепко обняла Карлу.

Карла не хотела, чтобы ее успокаивали, как ребенка.

– Я в порядке, не волнуйся, – сказала она, отстраняясь.

Мама оглядела кабинет.

– Моя машинка! – ахнула она.

– Они выбросили ее в окно.

Карла подумала, что теперь ей не влетит за то, что она ее испортила.

– Надо отсюда выбираться... – Мама схватила со стола фотографию, взяла Карлу за руку, и они выбежали из комнаты.

Никто не пытался их остановить, когда они бежали по лестнице. Перед ними крепко сбитый парень – возможно, из журналистов – тащил вон из здания коричневорубашечника, держа его сзади за голову и шею. Карла с мамой шли за ними к выходу. Следом шел еще один штурмовик.

Журналист, все так же волоча коричневорубашечника, подошел к тем самым полицейским.

– Арестуйте этого человека, – сказал он. – Я застал его за разграблением редакции. У него в кармане вы найдете украденную банку кофе.

– Отпустите его, пожалуйста, – сказал старший.

Журналист неохотно подчинился.

Тут второй коричневорубашечник подошел к коллеге.

– Можно узнать ваше имя? – спросил журналиста полицейский.

– Я Рудольф Шмидт, ведущий корреспондент «Демократа» в парламенте.

– Рудольф Шмидт, я арестую вас по обвинению в нападении на полицию.

– Но это же нелепо! Я поймал этого человека на воровстве!

Полицейский кивнул обоим коричневорубашечникам.

– Ведите его в участок.

Они схватили Шмидта за руки. Тот, похоже, собрался сопротивляться, но передумал.

– Все подробности этого инцидента появятся в следующем номере «Демократа»! – сказал он.

– Следующего номера не будет, – сказал полицейский. – Ведите его.

Прибыла пожарная машина, и из нее выскочило с полдюжины пожарных.

– Мы должны очистить здание, – без особых церемоний заявил их начальник полицейским.

– Отправляйтесь в свою пожарную часть, никакого пожара нет, – сказал старший полицейский. – Просто штурмовики закрывают коммунистический журнал.

– А это мне без разницы, – сказал пожарный. – Раз прозвучала сирена, в первую очередь мы обязаны вывести всех из здания, и штурмовиков и кого угодно. Обойдемся и без вашей помощи.

И он повел своих людей в дом.

– Какой ужас! – услышала Карла мамин голос. Она обернулась и увидела, что мама смотрит на свою пишущую машинку, лежавшую на тротуаре, там, где упала. Металлическая крышка отлетела, обнажив место соединения клавиш со стержнями. Клавиатура была искорежена, один конец валика отлетел, а колокольчик, оповещавший о конце строки, сиротливо валялся на земле. Пишущая машинка была не настолько ценная вещь, но мама, казалось, готова была заплакать.

Из здания вышли коричневорубашечники и персонал редакции, их подгоняли пожарные. Сержант Шваб упирался, сердито выкрикивая: «Да нет же никакого пожара!» Но пожарные просто вытолкнули его на улицу.

Вышедший Йохманн сказал маме:

– Времени у них было немного, и особого вреда они причинить не успели – пожарные помешали. Кем бы ни был включивший пожарную тревогу, он оказал нам огромную услугу!

Карла до сих пор беспокоила, не накажут ли ее за ложный вызов. Теперь она поняла, что сделала как раз то, что следовало.

Она взяла маму за руку. Это вывело Мод из минутного отчаяния. Она вытерла глаза рукавом – что было для нее необычно и показало, насколько она потрясена. Если бы это сделала Карла, ей бы сказали, что надо достать платок.

– Что же нам теперь делать?

Мама никогда так не говорила: она всегда знала, что надо делать.

Карла заметила, что поблизости от них стоят двое. Она подняла голову. Женщина была примерно одного возраста с мамой, очень симпатичная, у нее был вид уверенного в себе человека. Карла ее знала, но не могла вспомнить, кто это. Человек, стоявший с ней рядом, был достаточно молод, чтобы годиться ей в сыновья. Он был подтянут, не очень высок, но выглядел как кинозвезда. У него было красивое лицо – чересчур красивое, если бы не плоский, неправильной формы нос. Только что подошедшие смотрели с ужасом, а молодой человек был бледен от ярости.

Женщина заговорила первой, и говорила она по-английски.

– Здравствуй, Мод! – сказала она, и ее голос показался Карле отдаленно знакомым. – Ты меня не узнаешь? Это же я, Эт Леквиз, а это – Ллойд.

II

Ллойд Уильямс нашел в Берлине боксерский клуб, где можно было тренироваться всего за несколько пенни в час. Клуб находился в районе с названием Веддинг, где жили рабочие, к северу от центра города. Ллойд тренировался с индийскими булавами и с набивным мячом, бил по груше, прыгал через веревку, а потом надевал шлем и проводил пять раундов на ринге. Тренер клуба нашел ему партнера для спарринга – немца такого же возраста и веса (у Ллойда был полусредний вес). Удар у немецкого мальчишки был отличный, быстрый, словно из ниоткуда, несколько раз он попал в цель – но потом Ллойд провел хук левой рукой и отправил его в нокдаун.

Ллойд рос в суровом районе – в лондонском Ист-Энде. В двенадцатилетнем возрасте над ним начали издеваться в школе.

– Со мной тоже так было, – сказал ему отчим, Берни Леквиз. – Если ты самый умный мальчик в школе, к тебе обязательно прицепится какой-нибудь классный шламмер... – Отчим был евреем, а его мать говорила только на идиш. Он-то и привел Ллойда в Олдгейтский боксерский клуб. Этель была против, но Берни все же настоял на своем, что случилось нечасто.

Ллойд научился быстро двигаться и наносить сильные удары – и приставать к нему прекратили. Еще ему расквасили нос, и теперь он не выглядел таким смазливый мальчиком. У него обнаружился талант. Оказалось, что у него быстрая реакция и имеется боевой дух, он начал получать призы на ринге. И когда он решил ехать в Кембридж – вместо того, чтобы стать профессиональным боксером, – тренер был очень разочарован.

Ллойд принял душ, снова надел костюм и отправился в бар для рабочих, взял кружку бочкового пива и сел писать письмо своей сводной сестре Милли об этой стычке с коричневорубашечниками. Милли завидовала ему, что мама взяла его с собой в эту поездку, и он пообещал часто писать ей обо всем происходящем.

Эта утренняя стычка Ллойда потрясла. Для него политика была частью обычной жизни: мама была парламентарием, отец – член муниципального совета, сам он был председателем лондонского комитета Лейбористской лиги молодежи. Но политическая борьба всегда представляла собой дебаты и голосование – до сегодняшнего дня. Никогда прежде он не видел, чтобы в учреждение вламывались погромщики, а полицейские смотрели на это и улыбались. Он увидел политику без белых перчаток, и это его потрясло.

«Как ты думаешь, Милли, могло ли такое случиться в Лондоне?» – писал он. У него самого первой мыслью было – что нет. Но среди английских предпринимателей и владельцев газет тоже встречались почитатели Гитлера. Лишь несколько месяцев назад скандально известный член парламента сэр Освальд Мослей основал Британский союз фашистов. Как и нацисты, они любили разгуливать в военной форме. Что же будет дальше?

Он дописал письмо, сложил и отправился на поезде «С» в центр города. Они с мамой договорились встретиться и пообедать с Вальтером и Мод фон Ульрих. Ллойд всю свою жизнь слышал рассказы о Мод. У мамы была с ней странная дружба: Этель начала свою трудовую жизнь горничной в большом доме, принадлежавшем семье Мод. Потом они вместе участвовали в движении суфражисток, боролись за избирательное право для женщин. Во время войны они выпускали газету феминисток «Жена солдата». Потом они поссорились из-за различий во взглядах на тактику политической борьбы и отдалились друг от друга.

Ллойд прекрасно помнил, как в 1925 году фон Ульрихи приехали в Лондон. Ему тогда было десять, он был достаточно большой, чтобы запомнить, как неловко ему было оттого, что он по-немецки не говорит, а пятилетний Эрик и трехлетняя Карла знают два языка. А Этель и Мод тогда помирились.

Он добрался до бистро «Роберт». Ресторан был обставлен в стиле «арт-деко», с непростоительно прямоугольными стульями и столами, с причудливыми железными светильниками под абажурами цветного стекла; но крахмальные белые салфетки, стоящие наготове возле тарелок, ему понравились.

Все уже сидели за столом. Подойдя, он увидел, что женщины выглядят просто потрясающе: обе держались с достоинством, были изысканно одеты, красивы и уверены в себе. Сидевшие за другими столиками бросали на них восхищенные взгляды. Интересно, подумалось ему, насколько на мамино чувство стиля повлияла ее подруга-аристократка.

После того как они сделали заказ, Этель рассказала о цели их поездки.

– В тридцать первом году я потеряла место в парламенте, – говорила она. – После следующих выборов я надеюсь туда вернуться, но пока что мне надо зарабатывать на жизнь. К счастью, Мод, ты научила меня журналистике.

– Не очень-то я и учила, – сказала Мод. – У тебя природный дар.

– Я пишу для «Ньюс Кроникл» цикл статей о нацистах и еще заключила контракт на книгу с издателем по имени Виктор Голланц. А Ллойда я взяла с собой как переводчика: он изучает французский и немецкий.

Увидев мамину гордую улыбку, Ллойд подумал, что не заслуживает ее.

– Мне пока почти не приходилось демонстрировать свои познания переводчика, – сказал он. – Пока что мы общались только с людьми вроде вас, которые прекрасно говорят по-английски.

Ллойд заказал телятину в сухарях – блюдо, которого никогда в Англии не пробовал, – и она ему очень понравилась. За едой Вальтер его спросил:

– А разве вы не должны сейчас ходить в школу?

– Мама решила, что так изучение немецкого пойдет лучше, и в школе с этим согласилась.

– А вы не хотите поработать немного у меня в рейхстаге? Боюсь, что безвозмездно, но вы будете целые дни говорить по-немецки.

Ллойд пришел в восторг.

– Я был бы счастлив. Какая прекрасная возможность!

– Если Этель сможет без вас обойтись, – добавил Вальтер.

Она улыбнулась.

– Ну, может быть, если очень понадобится, я смогу иногда его забирать?

– Разумеется!

Этель протянула руку через стол и коснулась руки Вальтера. Так ведут себя лишь с родными, и Ллойд понял, что эти трое – очень близкие друг другу люди.

– Спасибо вам, Вальтер, – сказала она.

– Да не за что. Я всегда могу найти дело для молодого умного помощника, который разбирается в политике.

– А я вот, кажется, перестала разбираться в политике, – сказала Этель. – Что у вас тут такое творится в Германии?

– В середине двадцатых годов все было в порядке, – сказала Мод. – У нас было демократическое правительство и рост экономики. Но все рухнуло после биржевого краха двадцать девятого года. И теперь страна переживает глубокую депрессию... – ее голос задрожал от волнения и боли. – Стоит появиться сообщению, что есть работа для одного человека, как в очередь выстраиваются сотни. Люди в отчаянии. Они не представляют себе, как прокормить детей. А теперь нацисты дают им надежду, и они спрашивают себя: «А что мне терять?»

Вальтер, должно быть, подумал, что она сгущает краски. Преувеличенно бодро он сказал:

– К счастью, Гитлеру не удалось завоевать симпатии большинства населения Германии. На последних выборах нацисты получили треть голосов. Тем не менее это самая большая из партий, но Гитлер стоит во главе правительства меньшинства.

– И поэтому он потребовал новых выборов, – встала Мод.

– И добьется их? – спросила Этель.

– Нет, – сказал Вальтер.

– Да, – сказала Мод.

– Никогда не поверю, что народ Германии проголосует за диктатуру! – заявил Вальтер.

– Но это же будут нечестные выборы! – гневно воскликнула Мод. – Посмотри, что стало сегодня с моей редакцией! Любой, кто критикует нацистов, подвергается опасности. К тому же они повсюду развернули свою пропаганду.

– И, похоже, никто не дает им отпора! – сказал Ллойд. Он жалел, что не подошел к «Демократу» на несколько минут раньше и не навалил хоть несколько кирпичиков. Он заметил, что рука сжимается в кулак, и заставил себя разжать его. Но возмущение не проходило. – Почему бы левым не устроить погромы в журналах нацистов? – сказал он. – Пусть сами попробуют, каково это!

– Мы не должны отвечать насилием на насилие, – твердо сказала Мод. – Гитлер только и ждет повода закрутить гайки: он введет чрезвычайное положение, наплюет на гражданские права, а своих противников отправит за решетку. Мы не должны давать ему повода к этому... – в ее голосе зазвучали умоляющие нотки, – как бы это ни было тяжело!

Они закончили ужин. Ресторан пустел. Когда они перешли к кофе, к ним присоединились троюродный брат Вальтера Роберт и шеф-повар Йорг. Перед Великой войной Роберт был в Лондоне дипломатом в австрийском посольстве, а Вальтер – в германском. Тогда он и встретил Мод.

Роберт был похож на Вальтера, но более ярко одевался: у него в галстук была золотая булавка, брелоки на цепочке часов, а волосы густо намажены. Йорг был моложе, со светлыми волосами, тонкими чертами лица и жизнерадостной улыбкой. Они с Робертом были вместе в плену в России. Теперь они жили в квартире над рестораном.

Вспоминали о свадьбе Вальтера с Мод, произошедшей в самый канун войны в глубоком секрете. Гостей не было, только Роберт и Этель как свидетели жениха и невесты.

– Мы выпили в гостинице шампанского, – сказала Этель, – потом я тактично заметила, что нам с Робертом лучше уйти, а Вальтер... – она сдержалась, чтобы не расхохотаться, – Вальтер говорит: «А я думал, мы пообедаем вместе!»

Мод рассмеялась.

– Можете себе представить, как я была рада это слышать!

Ллойд скованно уставился в свою чашку. Ему было восемнадцать, он был девственником и от шуток на тему медового месяца чувствовал себя неловко.

Уже не так весело Этель спросила Мод:

– А с Фицем вы сейчас общаетесь?

Ллойд знал, что тайный брак привел к разрыву отношений Мод с братом, графом Фицгербертом. Из-за того, что она не пошла к нему как к главе семьи и не спросила разрешения выйти замуж, Фиц лишил ее содержания.

Мод печально покачала головой.

– В тот раз, когда мы приехали в Лондон, я написала ему, но он даже не пожелал со мной увидеться. Когда я вышла за Вальтера, ничего ему не сказав, я ранила его гордость. Боюсь, что такие, как мой брат, этого не прощают.

Этель заплатила по счету. В Германии все было дешево – если только у вас есть иностранная валюта. Они уже собирались встать и уйти, но вдруг к их столику подошел незна-

комец и без приглашения придвинул стул и сел. Это был здоровяк с маленькими усиками в середине круглого лица.

Он был в форме штурмовиков.

Роберт холодно спросил:

– Чем могу служить?

– Я комиссар криминальной полиции Томас Маке. – Он ухватил за руку пробежавшего официанта и сказал: – Принесите кофе.

Официант вопросительно взглянул на Роберта, тот кивнул.

– Я работаю в политическом отделе Прусской полиции, – продолжал Маке. – Я возглавляю в Берлине отдел разведки.

Ллойд тихо перевел маме его слова.

– Однако, – сказал Маке, – я хотел бы поговорить с владельцем ресторана по личному вопросу.

– А где вы работали месяц назад? – спросил Роберт.

Неожиданный вопрос застал Маке врасплох, и тот ответил сразу:

– В полицейском участке Кройцберга.

– И что входило в ваши обязанности?

– Я отвечал за документацию. А почему вы спрашиваете?

Роберт кивнул, словно чего-то в этом роде он и ожидал.

– Значит, вы были секретарем, а стали главой берлинского отдела разведки. Какой стремительный взлет, поздравляю! – он повернулся к Этель. – Когда в конце января Гитлер стал канцлером, его сторонника Германа Геринга сделали министром внутренних дел Пруссии – он возглавил самую большую армию полицейских в мире. С тех пор Геринг повсюду увольняет полицейских и ставит на их место нацистов. – Он снова обернулся к Маке и насмешливо сказал: – Однако в случае нашего неожиданного гостя я уверен, что это продвижение произошло исключительно благодаря его заслугам.

Маке вспыхнул, но сдержался.

– Как я уже сказал, я желаю говорить с владельцем по личному делу.

– Пожалуйста, вы можете прийти ко мне утром. В десять часов – вас устроит?

Маке не обратил внимания на это предложение.

– Мой брат занимается ресторанным бизнесом, – гнул он свое.

– Да? Может быть, мы и знакомы. Он тоже Маке? А что у него?

– Небольшое заведение для рабочих во Фридрихсхайне.

– А... Ну тогда вряд ли мы встречались.

Ллойд подумал, что, наверное, не стоило Роберту говорить так язвительно. Маке вел себя грубо и не заслуживал любезного отношения, но наверняка мог доставить серьезные неприятности.

Маке продолжал:

– Мой брат хотел бы купить этот ресторан.

– Ваш брат хочет так же стремительно подняться в обществе, как и вы.

– Мы готовы предложить вам двадцать тысяч марок, в рассрочку, с тем чтобы выплатить их в течение двух лет.

Йорг расхохотался.

– Позвольте, я вам кое-что объясню, комиссар, – сказал Роберт. – Я австрийский граф. Двадцать лет назад у меня был замок и обширное поместье в Венгрии, там жили мои мать и сестра. Во время войны я потерял и свою семью, и замок, и земли, и даже страну, которая... значительно уменьшилась в размерах. – В его тоне уже не было насмешливого удивления, голос зазвучал хрипло от волнения. – Когда я прибыл в Берлин, у меня не было ничего, только адрес Вальтера фон Ульриха, моего троюродного брата. И тем не менее мне удалось открыть

этот ресторан... – Он откашлялся. – Это все, что у меня есть. – Он остановился и сделал несколько глотков кофе. Все за столом сидели молча. К нему вернулось самообладание, и его голос снова звучал несколько снисходительно. – Даже если бы вы пришли ко мне с щедрым предложением – а это не так, – я бы все равно отказался, потому что это значило бы продать мою жизнь. У меня нет желания быть грубым по отношению к вам, хоть вы вели себя и не лучшим образом. Но мой ресторан не продается ни за какие деньги. – Он поднялся и протянул руку. – Доброй ночи, комиссар Маке.

Маке машинально пожал ему руку и, по-видимому, тут же пожалел об этом. Он встал – было очевидно, что он рассержен. Его жирное лицо побагровело.

– Мы еще поговорим об этом, – сказал он и ушел.

– Ну и мужлан, – сказал Йорг.

– Вот видите, что нам приходится терпеть? – сказал Вальтер, обращаясь к Этель. – Лишь потому, что на нем эта форма, он может делать все, что хочет!

А Ллойда беспокоила уверенность Маке. Казалось, он был уверен, что может купить ресторан за названную им цену. На отказ Роберта он отреагировал так, словно это было лишь временное препятствие. Неужели нацисты уже обладают такой властью?

Именно к этому стремился и Освальд Мосли со своими британскими нацистами: чтобы в стране царила власть не закона, а угроз и грубой силы. Как же люди могут быть такими дураками?

Они надели пальто и попрощались с Робертом и Йоргом. Как только они вышли за порог, Ллойд почувствовал запах дыма – не табачного, какого-то другого. Они сели вчетвером в машину Вальтера – «БМВ Дикси 3/15» (Ллойд знал, что так называется «Остин-7», который производят в Германии).

Когда они ехали через парк Тиргартен, их с громким звоном обогнали две пожарные машины.

– Интересно, где пожар, – сказал Вальтер.

Тут же они увидели через деревья отсветы пламени.

– Кажется, это около рейхстага, – сказала Мод.

У Вальтера даже голос изменился.

– Давайте-ка посмотрим, – обеспокоенно сказал он и резко повернул.

Запах дыма становился все сильнее. Из-за верхушек деревьев Ллойд увидел поднимающиеся к небу языки пламени.

– Там большой пожар! – сказал он.

Они выехали из парка на Кенигсплац, широкую площадь между зданиями рейхстага и Кролль-оперы напротив. Рейхстаг был охвачен пламенем. В рядах классических окон плясали красные и желтые языки. Огонь и дым рвались вверх через центральный купол.

– О господи, нет! – услышал Ллойд голос Вальтера, и в голосе этом звучал ужас и отчаяние. – Боже милостивый, только не это!

Он остановил машину, и все вышли.

– Это же катастрофа! – сказал Вальтер.

– Какое прекрасное старинное здание... – произнесла Этель.

– Дело не в здании, – неожиданно сказал Вальтер. – Это горит наша демократия.

С расстояния ярдов в пятьдесят за пожаром наблюдала небольшая толпа. Перед зданием выстроились пожарные машины, их шланги уже воевали с пламенем, вода устремлялась внутрь через выбитые стекла. Горстка полицейских стояла вокруг, ничего не предпринимая.

– Я депутат рейхстага, – обратился Вальтер к одному из них. – Когда это началось?

– Час назад, – ответил полицейский. – Мы поймали одного из тех, кто это сделал – в одних штанах, остальную одежду он поджег, чтобы устроить пожар.

– Нужно установить веревочные ограждения, – распорядился Вальтер. – Держите людей на безопасном расстоянии.

– Слушаюсь, – сказал полицейский и ушел.

Ллойд незаметно отошел от остальных и приблизился к зданию. Пожарники побежали пламя: уже стало меньше огня и больше дыма. Ллойд прошел мимо пожарных машин и заглянул в окно. Похоже, особой опасности не было; к тому же его любопытство оказалось сильнее чувства самосохранения – впрочем, как всегда.

Стоя у окна, он рассмотрел, что разрушения серьезны: стены и потолки обрушились на пол и высились горами обломков. Кроме пожарных он увидел людей в костюмах – по-видимому, это были чиновники рейхстага. Они ходили среди обломков, оценивая ущерб. Ллойд направился ко входу и поднялся по лестнице.

Тут к зданию мимо устанавливающей ограждения полиции с ревом подлетели два «мерседеса». Из второго выскочил человек в светлой шинели и мягкой черной шляпе. У него под носом Ллойд заметил узкую полоску усов. Он сообразил, что видит нового канцлера Германии Адольфа Гитлера.

За Гитлером следовал другой человек, повыше, в черной форме СС – его личный телохранитель. За ними, хромая, шел министр пропаганды, юдофоб Йозеф Геббельс. Ллойд узнал их, так как видел фотографии в газете. Было настолько невероятно увидеть их так близко, что он даже забыл испугаться.

Гитлер взбежал по лестнице, перешагивая через ступеньку, прямо в сторону Ллойда. Повинуясь внезапному побуждению, Ллойд распахнул перед канцлером массивную дверь и замер. Тот, кивнув, вошел, а за ним – его свита.

Ллойд последовал за ними. Никто ничего ему не сказал: люди Гитлера думали, что он из служащих рейхстага, а те – наоборот.

Повсюду стоял ужасный запах мокрой золы. Гитлер и его сопровождающие перешагивали через обгоревшие балки и шланги, осторожно ступали по лужам грязи. В вестибюле стоял Герман Геринг, огромный живот обтягивало пальто из верблюжьей шерсти, переднее поле шляпы по потсдамской моде загнуто вверх. «Это тот самый, который вместо полицейских набрал нацистов», – подумал Ллойд, вспомнив разговор в ресторане.

Едва увидев Гитлера, Геринг воскликнул:

– Это начало коммунистического восстания! Они вот-вот нанесут удар! Нельзя терять ни минуты!

У Ллойда появилось дикое ощущение, словно он сидит в театре, а перед ним – актеры, исполняющие роли этих могущественных людей.

Гитлер вел себя еще более театрально.

– Теперь пощады не будет! – вскричал он. Он вел себя так, словно обращался к целому стадиону зрителей. – Любой, кто встанет у нас на пути, будет растоптан! – Он уже привел себя в такую ярость, что весь дрожал. – Каждого коммунистического функционера мы будем расстреливать на месте. Депутатов рейхстага от коммунистов следует повесить сегодня же ночью! – У него был такой вид, будто он сейчас лопнет от злости.

Вот только во всем этом чувствовалась какая-то фальшь. Ненависть Гитлера, похоже, была настоящей, а вот ее проявление казалось представлением, исполняемым для окружающих, и своих, и чужих. Это был актер, испытывающий настоящие чувства, но усиливающий их перед зрителями. И Ллойд видел, что это действовало: все, кто его слышал, заворуженно замерли.

– Мой фюрер, – сказал Геринг. – Это – мой начальник политической полиции, Рудольф Дильс. – Он указал на худого, темноволосого человека, стоящего рядом с ним. – Он уже арестовал одного из виновников пожара.

Дильс истериком не был. Он спокойно произнес:

– Это Маринус ванн дер Люббе, каменщик из Голландии.

– И – коммунист! – торжествующе провозгласил Геринг.

– Исключенный из Голландской коммунистической партии за поджоги, – сказал Дильс.

– Так я и знал! – воскликнул Гитлер.

Ллойд понял, что Гитлер готов обвинять коммунистов, не обращая внимания на факты.

– Проведя первый допрос этого человека, я должен сказать, – почтительно заметил Дильс, – что, по всей видимости, это сумасшедший и действует в одиночку.

– Чепуха! – крикнул Гитлер. – Это было давно спланировано! Но они просчитались. Они не понимают, что народ – на нашей стороне.

Геринг повернулся к Дильсу.

– С настоящего момента полиция переводится в режим чрезвычайного положения, – сказал он. – У нас есть списки коммунистов – депутатов рейхстага, выборные представители в местных органах власти, руководители и активисты коммунистической партии. Арестуйте всех, этой же ночью! Огнестрельное оружие – применять без пощады! На допросах – никакой жалости!

– Слушаюсь, господин министр, – сказал Дильс.

Ллойд понял, что правильно Вальтер волновался. Вот он, повод, который искали нацисты. И кто бы ни говорил им, что поджог устроил псих-одиночка, – они не станут слушать. Им нужен коммунистический сценарий, чтобы закрутить гайки.

Геринг с отвращением посмотрел на месиво под ногами.

– Мой фюрер, в двух шагах отсюда находится моя официальная резиденция. Может быть, нам перебраться туда?

– Да, нам нужно многое обсудить.

Ллойд распахнул дверь, и они вышли. Когда они уехали, он вышел за полицейское оцепление и вернулся к маме и фон Ульрихам.

– Ллойд! – воскликнула Этель. – Где ты был? Я так волновалась, что мне плохо стало!

– Я зашел внутрь, – сказал он.

– Что?.. Как?!

– Никто меня не остановил. Там хаос и неразбериха.

– Ну никакого чувства самосохранения! – воскликнула его мама, всплеснув руками.

– Я видел Адольфа Гитлера.

– Он что-нибудь говорил? – спросил Вальтер.

– Он считает, что в пожаре виноваты коммунисты. Будет чистка.

– Боже, помоги нам... – сказал Вальтер.

III

Томаса Маке все еще мучили воспоминания о насмешке Роберта фон Ульриха. «Ваш брат хочет подняться в обществе, как поднялись вы», – сказал фон Ульрих.

Маке жалел теперь, что не ответил: «А почему бы и нет? Мы ничуть не хуже тебя, надменный хлыщ!» И он жаждал мести. Но последние несколько дней он был слишком занят, чтобы заниматься этим.

Главное управление тайной полиции Пруссии располагалось в правительственном квартале, в большом, величественном здании классического стиля под номером восемь по улице Принц-Альбрехт-штрассе. Каждый раз, переступая его порог, Маке чувствовал гордость.

Время было горячее. Не прошло и суток с пожара в рейхстаге, как было арестовано четыре тысячи коммунистов, и каждый час продолжали сгонять новых. Германию избавляли от этой чумы, уже сейчас воздух Берлина казался Маке чище.

Однако данные в полицейских картотеках устарели. Люди переезжали, побеждали и проигрывали на выборах, старики умирали, на их место приходили молодые. Маке возглавлял отдел, занимавшийся обновлением данных, поисками новых имен и адресов.

У него это получалось прекрасно. Ему нравилось работать с журналами регистрации, справочниками, картами города, газетными вырезками, всевозможными списками. В Кройцберге его талантов не ценили, в их полицейском участке подозреваемых просто избивали, пока они не назовут имена. Он надеялся, что здесь его оценят по достоинству.

И не то чтобы ему не нравилось, что подозреваемых избивают. Из своего кабинета в тыльной части здания он слышал крики мужчин и женщин, которых пытали в подвале, но ему это не мешало. Это были субъекты, ведущие подрывную деятельность, предатели, революционеры. Они разрушили Германию своими забастовками и сделали бы еще больше зла, если бы получили такую возможность. У него не было к ним сочувствия. Он лишь жалел, что нет среди них Роберта фон Ульриха, что он не стонет от боли и не молит о пощаде.

Он получил возможность проверить Роберта лишь в четверг второго марта в восемь часов вечера.

Он отправил подчиненных по домам и отнес кипу обновленных списков своему начальнику, инспектору уголовной полиции Крингеляйну. И вернулся к картотеке.

Домой он не спешил. Он жил один. Его жена, женщина недисциплинированная, сказала, что хочет быть свободной, и сбежала с кельнером из заведения его брата. Детей у них не было.

Он начал просматривать записи.

Еще раньше он установил, что Роберт фон Ульрих вступил в Национал-социалистическую рабочую партию Германии в 1923 году, а через два года вышел из нее. Само по себе это значило не много. Маке нужно было больше.

Система картотеки была не так логична, как ему бы хотелось. По большому счету, он был разочарован в полиции Пруссии. Ходили слухи, что Геринг был о ней тоже невысокого мнения и планировал отделить разведку и политическую полицию от обычной и сформировать новую, более эффективную тайную полицию. Маке считал, что это хорошая идея.

Пока же ему не удалось найти Роберта фон Ульриха ни в одной из обычных папок. Может быть, это и не признак неэффективной работы. Он мог оказаться безупречным. Раз он австрийский граф, то вряд ли он мог оказаться среди коммунистов или евреев. Кажется, самое плохое, что можно было о нем сказать, – это что его родственник Вальтер является социал-демократом. Но это не преступление, пока еще нет.

Маке понял теперь, что ему следовало провести это исследование прежде, чем общаться с этим человеком. А он пошел напролом, не имея полной информации. Мог бы и сообразить, что так нельзя. В результате ему пришлось стерпеть надменный тон и насмешки. Он чувствовал себя оскорбленным. Но он своего добьется.

Он начал просматривать папки с документами разной тематики в пыльном шкафу в дальнем углу комнаты.

Там имя фон Ульриха тоже не появилось, но одной папки не хватало.

Судя по списку, прикрепленному ко внутренней стороне дверцы шкафа, должна быть еще папка, 117 страниц, озаглавленная «Порочные заведения» – по-видимому, обзор ночных клубов Берлина. Маке мог предположить, почему ее здесь нет. Должно быть, ею недавно пользовались: с тех пор как Гитлер стал канцлером, закрывали все больше значных мест.

Маке снова поднялся к начальнику. Крингеляйн инструктировал полицейских в форме, которые должны были отправиться в рейд по адресам коммунистов и их приспешников из новых списков, составленных Маке.

Маке перебил начальника безо всякого стеснения. Крингеляйн не был нацистом, а значит, побоится делать замечание штурмовику.

– Я ищу папку «Порочные заведения», – сказал Маке.

Крингеляйн сделал недовольное лицо, но возражать не стал.

– Там, на журнальном столике, – сказал он. – Возьмите, пожалуйста.

Маке взял папку и вернулся в свой кабинет. Обзор был пятилетней давности. В нем перечислялись существовавшие тогда клубы и подробно указывалось, какого именно рода деятельностью они занимались: азартные игры, стриптиз, проституция, торговля наркотиками, гомосексуализм и другие порочные деяния. В обзоре давались имена владельцев и инвесторов, членов клубов и персонала. Маке терпеливо просматривал каждую запись: может быть, Роберт фон Ульрих принимал наркотики или пользовался услугами проститутки.

Берлин был известен своими клубами гомосексуалистов. Маке с трудом читал мерзкий отчет о «Розовом тапочке», где мужчины танцевали с мужчинами, а в шоу пели трансвеститы. Порой, думал он, его работа бывает просто отвратительна.

Ведя пальцем вниз по списку членов, он нашел Роберта фон Ульриха.

Он удовлетворенно вздохнул.

Просматривая список дальше, он увидел имя Йорга Шляйхера.

– Так-так, – сказал он. – Посмотрим, как вы теперь посмеетесь.

IV

Когда Ллойд снова встретился с фон Ульрихами, они были в состоянии еще большего гнева и страха.

Это было в следующую субботу, 4 марта, накануне выборов. Этель с Ллойдом пришли к фон Ульрихам домой, в Митте, на ланч, и потом собирались отправиться вместе с ними на организованное Вальтером собрание Социал-демократической партии.

Фон Ульрихи жили в доме девятнадцатого века, с просторными комнатами и большими окнами, – правда, с потертой, выдавшей виды мебелью.

Еда была простая: свиные отбивные с картошкой и капустой, но вино к ним было подано хорошее. Вальтер и Мод считали себя бедняками, и, без сомнения, жили они намного проще, чем их родители, но все равно – голодными они не ходили.

Но им было страшно.

После поджога рейхстага Гитлер заставил стареющего президента Германии Пауля фон Гинденбурга одобрить декрет, давший нацистам право на действия, которые они уже вели против своих политических противников, подвергая их избиениям и пыткам.

– С ночи понедельника арестовали двадцать тысяч! – с дрожью в голосе сказал Вальтер. – Арестовывают не только коммунистов, но и тех, кого нацисты называют «сочувствующими».

– Что означает – всех, кто им не угоден, – вставила Мод.

– Но как же можно проводить сейчас демократические выборы? – сказала Этель.

– Мы должны сделать все, что в наших силах, – сказал Вальтер. – Если мы не примем участия, то это лишь поможет нацистам.

Ллойд с досадой воскликнул:

– Когда же вы перестанете это терпеть и начнете сопротивляться! Неужели вы до сих пор считаете, что нельзя отвечать насилием на насилие?

– Именно так, – ответила Мод. – Наша единственная надежда – в мирном сопротивлении.

– У Социал-демократической партии в рейхстаге есть военизированное крыло, «Рейхс-баннер», – сказал Вальтер, – но оно слабое. Маленькая группа социал-демократов выдвинула предложение дать нацистам суровый отпор, но оказалась в меньшинстве.

– Не забывайте, Ллойд, на стороне нацистов – полиция и армия, – сказала Мод. Вальтер посмотрел на карманные часы.

– Нам пора.

Мод вдруг сказала:

– Вальтер, а может быть, отменить?

– Продано семьсот билетов! – сказал он, удивленно глядя на нее.

– Да наплевать на билеты! – воскликнула Мод. – Я боюсь за тебя!

– Не бойся. Билеты продавали избирательно, только своим, никаких хулиганов в зале быть не должно.

Ллойд подумал, что Вальтер в этом не так уверен, как делает вид.

– К тому же, – продолжал Вальтер, – я не могу обмануть ожидания людей, которые до сих пор хотят посещать политические митинги демократов. На них – наша последняя надежда.

– Ты прав, – сказала Мод. Она посмотрела на Этель. – Но, может быть, вам с Ллойдом лучше не ходить? Что бы ни говорил Вальтер, а это опасно. И, в конце концов, это не ваша страна.

– Социализм интернационален, – твердо сказала Этель. – Я, как и твой муж, ценю твою заботу, но я сюда приехала, чтобы быть свидетелем событий, происходящих в политике Германии, и это событие я не пропущу.

– Однако детям идти нельзя, – заявила Мод.

– А я и не хочу, – сказал ее сын Эрик.

Карла, по-видимому, расстроилась, но ничего не сказала.

Вальтер, Мод, Этель и Ллойд сели в маленький автомобильчик Вальтера. Ллойд чувствовал беспокойство, но и радостное волнение тоже. Здесь перед ним разворачивалась такая картина политической борьбы, какую ни один из его друзей не увидит дома. И если придется драться – он не боится.

Они направились на восток, пересекли Александер-плац и оказались в районе бедных домов и мелких лавочек, на некоторых попадались надписи на идиш. Партия социал-демократов была рабочей партией, но, как и у британской партии лейбористов, у нее было и несколько богатых сторонников. Таких, как Вальтер фон Ульрих, представителей высшего класса, в ней было совсем мало.

Автомобиль остановился перед шатром, на котором было написано: «Народный театр». Их уже ждали. Вальтер, проходя от машины к двери, помахал толпе встречающих, раздались приветственные крики. Следом за ним вошли Ллойд и Мод с Этель.

Вальтер пожал руку серьезному молодому человеку лет восемнадцати.

– Это Вильгельм Фрунзе, секретарь местной ячейки нашей партии.

Фрунзе относился к тем юношам, которые, кажется, с детства выглядят постаревшими. Он был в куртке с карманами на пуговицах, которые вышли из моды лет десять назад.

Фрунзе показал Вальтеру, как запираются двери театра изнутри.

– Когда слушатели сядут по местам, мы запрем двери, чтобы никакие нарушители порядка не проникли, – сказал он.

– Отлично, – сказал Вальтер. – Молодцы!

Фрунзе ввел их в зал. Вальтер поднялся на сцену и приветствовал других пришедших кандидатов. Начали заходить и занимать свои места слушатели. Фрунзе проводил Мод и Этель с Ллойдом к оставленным для них местам в первом ряду.

К ним подошли двое юношей. Младшему было лет четырнадцать, но он был повыше Ллойда; он приветствовал Мод, демонстрируя изысканные манеры и сопровождая свои слова легким поклоном. Мод обернулась к Этель и сказала:

– Это Вернер Франк, сын моей подруги Моники.

Потом спросила Вернера:

– А ваш отец знает, что вы здесь?

– Да, он сказал, что мне следует самому решать, как относиться к социал-демократам.

– Ваш отец – человек очень широких взглядов для нациста.

Ллойд подумал, что это слишком жесткая линия поведения с четырнадцатилетним мальчиком. Но Вернер ответил вполне адекватно:

– На самом деле мой отец не вполне согласен с нацизмом, но он считает, что сейчас Германии нужен Гитлер.

Вильгельм Фрунзе возмущенно сказал:

– Как может быть нужно Германии, чтобы тысячи людей оказались за решеткой? Даже не говоря о том, что это несправедливо, – они же не могут работать!

– Я с вами согласен, – сказал Вернер. – И все же народ поддерживает суровые меры Гитлера.

– Народ думает, что это спасет его от коммунистического переворота, – сказал Фрунзе. – Газеты нацистов убедили их, что коммунисты вот-вот начнут убивать, поджигать и отравлять воду в каждом городе и деревне.

Мальчик, подошедший вместе с Вернером, не такой высокий, но постарше, сказал:

– Однако не коммунисты, а штурмовики волокут людей в подвалы и ломают дубинками кости.

Он говорил по-немецки бегло, но с легким акцентом, по которому Ллойд не мог определить его национальность.

– Прошу прощения, – сказал Вернер, – я забыл представить Владимира Пешкова. Он учится вместе со мной в Берлинской мужской академии. Все называют его Володя.

Ллойд встал и пожал ему руку. Володя был одного с ним возраста, потрясающий парень с искренним взглядом голубых глаз.

– Я знаю Володю Пешкова, – сказал Фрунзе. – Я тоже хожу в академию.

– Вильгельм Фрунзе – наш школьный гений, – сказал Володя, – и по физике, и по химии, и по математике у него самые лучшие отметки.

– Это правда, – сказал Вернер.

Мод пристально посмотрела на Володю.

– Пешков? – переспросила она. – Вашего отца зовут Григорий?

– Да, фрау фон Ульрих. Он военный атташе в советском посольстве.

Значит, Володя русский. Ллойд с легкой завистью подумал, что по-немецки он говорит свободно. Конечно, это потому, что он живет здесь.

– Я хорошо знаю ваших родителей, – сказала Володе Мод. Ллойд уже было известно, что она знакома со всеми дипломатами в Берлине. Это было нужно ей по работе.

– Пора начинать, – сказал Фрунзе, взглянув на часы. Он поднялся на сцену и попросил тишины.

Театр затих.

Фрунзе объявил, что каждый кандидат будет произносить речь, а потом отвечать на вопросы зала. Билеты распространялись только среди членов Социал-демократической партии, добавил он, и двери уже закрыты, так что все могут говорить свободно, зная, что находятся среди своих.

«Словно тайное общество», – подумал Ллойд. В его представлении это мало напоминало демократию.

Первым говорил Вальтер. Вот кто далек от демагогии, заметил Ллойд. В его речи не было риторических красот. Но он польстил слушателям, сказав, что они – здравомыслящие, хорошо информированные люди, понимающие сложность политических проблем.

Он говорил всего несколько минут. И тут на сцену вышел коричневорубашечник.

Ллойд выругался. Как он сюда попал? Он вышел из-за кулис: должно быть, кто-то открыл дверь за сценой.

Это был здоровенный громила с армейской стрижкой. Он вышел на авансцену и заорал:

– Это – противозаконное собрание! Коммунисты и подстрекатели сегодняшней Германии не нужны! Собрание закрыто!

Его надменная уверенность разозлила Ллойда. Попался бы ему этот увалень на ринге!

Вильгельм Фрунзе вскочил на ноги, встал перед нарушителем спокойствия и сердито крикнул:

– Убирайся отсюда, мордоворот!

Тот с силой толкнул его в грудь. Фрунзе покачнулся, оступился и упал навзничь.

Все вскочили с мест, кто яростно возмущаясь, кто крича от страха.

Из-за кулис появились другие коричневорубашечники.

Ллойд понял, что эти ублюдки все спланировали заранее.

Тот, который толкнул Фрунзе, закричал:

– Пошли вон!

Остальные коричневорубашечники подхватили:

– Пошли вон! Пошли вон! Пошли вон!

Их было уже человек двадцать, и появлялись все новые. В руках они держали кто полицейские жезлы, кто подвернувшиеся под руку палки. У одного Ллойд заметил клюшку, у другого – деревянную киянку, у третьего даже ножку от стула. Они с важным видом расхаживали туда-сюда по сцене, зловеще ухмылялись и, скандируя, поигрывали своими орудиями, и Ллойд не сомневался, что им не терпится пустить их в ход.

Он вскочил с места. Не раздумывая, они с Вернером и Володей встали так, чтобы заслонить собой Этель и Мод.

Половина собрания бросилась к выходу, другая половина кричала и грозила кулаками вторгшимся. Те, кто пытался выбраться, расталкивали остальных, местами начались небольшие потасовки. Кричали и плакали женщины.

Вальтер, схватившись за ораторскую кафедру, крикнул:

– Прошу всех сохранять спокойствие! Ни к чему устраивать беспорядок!

Большинство его не слышало, остальные не обратили внимания.

Коричневорубашечники начали прыгивать со сцены и вклиниваться в толпу. Ллойд взял под руку маму, а Вернер – Мод. Все вместе они направились к ближайшему выходу. Но у всех дверей уже были пробки, созданные людьми, в панике пытающимися поскорее выбраться из зала. Однако коричневорубашечникам было все равно, они продолжали орать: «Пошли вон!»

Нападавшие были в основном крепкого телосложения, а на собрание пришли и женщины, и старики. Ллойду хотелось дать отпор, но сейчас этого делать было нельзя.

В него врезался плечом дядька в военной каске, он не удержался и налетел на идущую впереди Этель. Ллойд подавил искушение обернуться и врезать: сейчас главным было – защитить маму.

Прыщеватый мальчишка с полицейской дубинкой уперся рукой в спину Вернеру и сильно толкнул с воплем: «Пошли вон, пошли вон!» Вернер круто развернулся и шагнул к нему. «Не прикасайся ко мне, фашистская свинья», – сказал он. Мальчишка остановился как вкопанный, с испуганным лицом: по-видимому, он не ожидал сопротивления.

Вернер отвернулся. Для него, как и для Ллойда, важнее всего было помочь благополучно выбраться Этель и Мод. Но услышавший его слова здоровый детина заорал: «Ты кого назвал свиньей?» – и ударил его кулаком по голове. Удар вышел неловкий, скользящий, но Вернер вскрикнул и качнулся вперед.

Между ними шагнул Володя и ударил здоровяка два раза подряд в лицо. Ллойд восхитился его быстрым двойным ударом, но вернулся к своей задаче. Через несколько секунд они вчетвером были уже у дверей, и Ллойд с Вернером помогли Этель и Мод выбраться в фойе. Здесь напор ослабевал и давка исчезала: в фойе штурмовиков не было.

Видя, что женщины в безопасности, Ллойд и Вернер посмотрели в зал.

Володя храбро сражался со здоровяком, но ему приходилось туго. Он продолжал наносить удары в лицо и корпус, но толку от них было мало: здоровяк мотал головой, словно отмахиваясь от назойливой мошки. Штурмовик шагал неловко и двигался медленно, но вот он ударил Володю в грудь, а потом в голову, и Володя покачнулся. Здоровяк отвел кулак для нового мощного удара. Ллойд со страхом подумал, что он может убить Володю.

Но тут со сцены на спину здоровяку огромным прыжком бросился Вальтер. Ллойд чуть не завопил от восторга. В мелькании рук и ног они покатались по полу, и Володя был на время спасен.

Прыщавый мальчишка, толкнувший Вернера, теперь преследовал пытающихся пробиться к выходу – бил их по спинам и головам своей полицейской дубинкой.

– Ах ты, трусливая мразь! – вскричал Ллойд, бросаясь к нему. Но Вернер успел раньше. Оттолкнув Ллойда, он схватился за дубинку, пытаясь вырвать ее у мальчишки из рук.

Тут ввязался дядька в стальной каске и ударил Вернера рукояткой киркомотыги. Ллойд шагнул вперед и встретил дядьку прямым правым. Удар пришелся тому точно под левый глаз.

Но это был ветеран войны, и отделаться от него было не так легко. Развернувшись, он замахнулся своей палкой на Ллойда. Тот легко уклонился и сам ударил дважды, целя туда же, под глаз, рассекая кожу. Но ему мешала каска, защищавшая голову дядьки, и он не мог применить свой коронный удар, левый хук. Он пригнулся под рукояткой киркомотыги и снова ударил дядьку в лицо, и тот попятился, из рассеченной скулы потекла кровь.

Ллойд огляделся. Он увидел, что социал-демократы отбиваются, и почувствовал вспышку дикой радости. Большинство зрителей уже вышли, в зале остались в основном молодые ребята, они, пробираясь среди театральных кресел, шли навстречу штурмовикам.

Сзади что-то ударило его по голове, так сильно, что он взревел от боли. Он обернулся и увидел мальчишку своего возраста со здоровым колом в руках. Тот поднимал его, чтобы снова ударить. Ллойд шагнул к нему и нанес два сильных удара в солнечное сплетение, сначала правым кулаком, потом левым. Мальчишка попытался вдохнуть и уронил кол. Ллойд выдал ему апперкот в челюсть, и тот вырубился.

Ллойд потерял затылок. Болело зверски, но крови не было.

Он заметил, что кожа на костяшках сбита и кровоточит. Он нагнулся и поднял вырванный мальчишкой кол.

Когда он снова посмотрел вокруг, то, к своему восторгу, заметил, что коричневорубашечники понемногу отступают, стягиваются к сцене и исчезают за кулисами – по-видимому, чтобы уйти через ту же дверь за сценой, через которую вошли.

Громила, который все это начал, лежал на полу. Он стонал, держась за колено, – по-видимому, повредил что-то. А над ним стоял Вильгельм Фрунзе и снова и снова бил его деревянным черенком от лопаты, пронзительно крича слова, которыми он начал погром:

– Сегодняшней! Германии! Не! Нужны!

Громила беспомощно катался по полу, пытаясь увернуться от ударов, но Фрунзе преследовал его, пока двое других штурмовиков не схватили своего за руки и не утащили прочь.

Фрунзе дал им уйти.

«Неужели мы победили? – с растущим ликованием подумал Ллойд. – Похоже, что так».

Несколько ребят помоложе гнались за своими противниками до самой сцены, но там остановились, довольствуясь тем, что кричали оскорбления вслед исчезающим коричневорубашечникам.

Ллойд посмотрел на остальных. У Володи лицо распухло, один глаз не открывался. У Вернера была изодрана куртка, один большой лоскут свисал вниз. Вальтер сидел на первом ряду, тяжело дыша и потирая локоть, но улыбался. Фрунзе метнул свою лопату над рядами пустых кресел в конец зала.

Вернер, которому было всего четырнадцать, был вне себя от восторга.

– Дали мы им жару, правда?

– Еще как дали! – усмехнулся Ллойд.

Володя положил руку на плечо Фрунзе:

– Неплохо для горстки школьников, а?

– Но собрание они нам сорвали, – сказал Вальтер.

Ребята устали на него, возмущенные тем, что он омрачает их триумф.

– Мальчики, подумайте серьезно, – с досадой сказал Вальтер. – Пришедшие к нам на собрание в ужасе разбежались. Сколько времени пройдет, прежде чем все эти люди снова решатся пойти на политическое собрание? Нацисты своего добились. Сейчас опасно даже слушать выступления членов любой другой партии. И главный пострадавший сегодня – это Германия.

– Ненавижу этих чертовых коричневорубашечников, – сказал Володе Вернер. – Я думаю, не присоединиться ли к вам, коммунистам.

Володя пристально посмотрел на него внимательными голубыми глазами и тихо сказал:

– Если ты серьезно хочешь бороться с нацистами, то, может быть, для тебя найдется более существенное дело.

«Интересно, – подумал Ллойд, – что Володя имеет в виду?»

Тут в зал вбежали Мод и Этель, обе говорили одновременно, плакали и смеялись от облегчения; и Ллойд забыл о словах Володи и больше не вспоминал.

V

Через четыре дня Эрик фон Ульрих пришел домой в форме юных гитлеровцев.

Вид у него был торжествующий.

Он был в коричневой рубашке, совсем как у штурмовиков, со всякими нашивками и нарукавной повязкой со свастикой. Еще у него был черный галстук установленного образца и черные шорты. Он был солдат-патриот и стремился служить своей стране. И наконец, теперь у него было свое общество.

Это было даже лучше, чем болеть за «Херту», любимую футбольную команду берлинцев. Иногда Эрика водили на матчи – по субботам, если отцу не надо было идти на собрание. Тогда он испытывал такое же ощущение принадлежности к большой группе людей, захваченных общим чувством.

Но «Херта» иногда проигрывала, и он возвращался домой безутешным.

Нацисты были победителями.

Он содрогался от ужаса при мысли о том, что скажет отец.

Его злило то, что родители все время стремились идти не в ногу со всеми. В ряды юных гитлеровцев вступили все мальчишки. У них были спортивные состязания, песни и приключения в лесах и полях за городом. Они были brave и подтянутые, верные и надежные.

Эрика очень беспокоила мысль, что когда-нибудь, возможно, ему придется воевать – ведь воевал и его отец, и его дед, – и он хотел быть к этому готовым, хотел быть натренированным и закаленным, дисциплинированным и боевым.

Нацисты ненавидели коммунистов – но и родители тоже их ненавидели. Нацисты ненавидели и евреев – ну так что же? Фон Ульрихи – не евреи, так какая им разница? Но мама и отец упрямо отказывались вступать в партию. Ладно, Эрик сыт по горло стоянием в стороне – и решил бросить им вызов.

И умирал от страха.

Как обычно, когда Эрик и Карла вернулись из школы, ни мамы, ни отца дома не было. Ада неодобрительно скривила губы, подавая чай, но лишь сказала:

– Вам придется убрать со стола самим: у меня страшно болит спина, я пойду прилягу. Карла забеспокоилась.

– Ты из-за этого ходила к врачу?

Ада помедлила, но потом ответила:

– Да, из-за этого.

Она явно что-то скрывала. При мысли, что Ада может заболеть – и лгать об этом, – Эрику стало неудобно. Он никогда бы не зашел так далеко, как Карла, и не сказал, что он любит Аду, но всю жизнь она была добра к нему, и он был привязан к ней больше, чем готов был признать.

– Надеюсь, тебе скоро станет лучше, – все так же обеспокоенно сказала Карла.

В последнее время, к своему замешательству, Эрик стал замечать, что Карла повзрослела. Хотя он был на два года старше, но по-прежнему чувствовал себя ребенком, а вот она частенько вела себя как взрослая.

– Все будет в порядке, мне просто надо немного отдохнуть, – успокаивающе сказала Ада.

Эрик сунул в рот кусок хлеба. Когда Ада вышла из комнаты, он, прожевав, сказал:

– Пока я среди младших, но, как только мне исполнится четырнадцать, я начну продвигаться.

– Ты спятил? – сказала Карла. – Папа будет рвать и метать!

– Господин Липман сказал, что, если отец попытается заставить меня выйти из «Гитлерюгенд», у него будут неприятности.

– Замечательно, – сказала Карла. Она научилась говорить с такой едкой насмешкой, что порой это больно задевало Эрика. – Значит, по твоей милости у папы будут неприятности с нацистами. Какая отличная мысль! Какая польза для всей семьи!

Эрик оторопел. С этой точки зрения он ситуацию не обдумывал.

– Но все мальчишки в моем классе – вступили, – сказал он возмущенно. – Все, кроме француза Фонтейна и еврейчика Ротмана.

Карла намазывала на хлеб рыбный паштет.

– А зачем тебе вести себя как все? – спросила она. – Большинство из них – дураки. Ты же сам мне говорил, что Руди Ротман у вас в классе самый умный.

– Да не хочу я быть как француз и Руди! – выкрикнул Эрик и, к своему стыду, почувствовал, что на глаза наворачиваются слезы. – Почему я должен играть с теми, кого никто не любит? – именно это дало ему смелость поступить против воли отца: он больше не мог выходить из школы вместе с евреями и иностранцами, когда все немецкие мальчики в форменной одежде маршируют по школьной площадке.

И вдруг они услышали крик.

– Что это? – сказал Эрик, глядя на Карлу. Та встревоженно нахмурилась.

– По-моему, это кричала Ада.

Они снова услышали, уже более отчетливо:

– Помогите!

Эрик вскочил, но Карла его опередила. Он побежал за ней. Комната Ады была внизу. Они сбежали по лестнице и ворвались в маленькую спальню.

У стены стояла узкая односпальная кровать. На ней лежала Ада с искаженным от боли лицом. У нее был мокрый подол, на полу – лужа. Эрик не верил своим глазам. Она что, описалась? Ему стало страшно. Больше взрослых в доме не было, и он не знал, что делать.

Карла тоже испугалась – Эрик видел это по ее лицу, – но не поддавалась панике.

– Ада, что случилось? – сказала она странно спокойным голосом.

– У меня отошли воды, – сказала Ада.

Эрик не имел ни малейшего понятия, о чем речь.

Карла – тоже.

– Не поняла, – сказала она.

– Я рожая.

– Ты что, беременна? – изумленно воскликнула Карла.

– Но ты же не замужем! – сказал Эрик.

– Эрик, заткнись! – яростно крикнула Карла. – Вообще ничего не понимаешь?

Он понимал, конечно, что иногда женщины рожают и не замужем – но не Ада же!

– Ты поэтому ходила к врачу на той неделе? – спросила Карла.

Ада кивнула.

Эрик все еще привыкал к этой мысли.

– Как ты думаешь, мама и папа знают?

– Конечно, знают. Просто нам не говорили. Принеси полотенце.

– Откуда?

– Из сушильного шкафа на втором этаже.

– Чистое?

– Ну конечно, чистое!

Эрик взбежал по лестнице, вынул из шкафа маленькое белое полотенце и вернулся.

– Толку от него немного, – сказала Карла, но взяла полотенце и вытерла Аде ноги.

– Я чувствую, ребенок скоро родится, – сказала Ада. – Но не знаю, что мне делать.

И она заплакала.

Эрик смотрел на Карлу. Сейчас она была главной. И неважно, что он старше, он ждал ее распоряжений. Она рассуждала здраво и вела себя спокойно, но он видел, что она в ужасе и ее самообладание висит на волоске. Который может в любой момент оборваться, подумал он.

Карла снова повернулась к Эрику.

– Пойди приведи доктора Ротмана, – сказала она. – Ты знаешь, где его дом.

Эрик почувствовал огромное облегчение, получив задание, с которым мог справиться. Но тут же испугался неудачи.

– А если его не будет?

– Тогда спросишь у миссис Ротман, где он! Идиот... – сказала Карла. – Шевелись, бегом!

Эрик был рад, что можно убраться из спальни Ады. То, что там происходило, было загадочно и страшно. Он помчался наверх по лестнице, перескакивая через три ступеньки, и вылетел из дома. Что-что, а бегать он умел.

Дом доктора был в полумиле от них. Эрик помчался быстрой рысью. На бегу он думал про Аду. Кто отец ребенка? Он вспомнил, что прошлым летом она пару раз ходила в кино с Паулем Хубером. Занимались ли они сексом? Должно быть, занимались! Эрик с приятелями много говорили о сексе, но толком ничего о нем не знали. А где Ада с Паулем это делали? Ведь не в кино же? Разве для этого не нужно ложиться? Непонятно все это.

Доктор Ротман жил и вел прием на улице, где жили бедняки. Эрик слышал, как мама говорила, что он хороший доктор, но среди его пациентов в основном рабочие, которые не могут много платить за лечение. На первом этаже дома находились приемная и кабинет, а жил доктор с семьей на втором этаже.

У дома стоял зеленый «опель-4», маленький двухместный уродец, прозванный «древесной лягушкой».

Входная дверь была не заперта. Эрик шагнул внутрь, тяжело дыша, и вошел в приемную. В углу кашлял старик, да еще сидела молодая женщина с ребенком.

– Добрый день! – громко произнес Эрик. – Доктор Ротман! – позвал он.

Из кабинета вышла жена доктора. Ханнелора Ротман была высокая, светловолосая женщина с резкими чертами лица. От ее взгляда Эрика словно током ударило.

– Как ты посмел явиться сюда в этой форме? – сказала она.

Эрик оцепенел. Фрау Ротман была не еврейкой, а вот муж ее был еврей, Эрик от волнения совсем забыл об этом.

– Наша служанка рожает! – сказал он.

– И вам понадобилась помощь доктора-еврея?

Эрик совершенно растерялся. Ему никогда не приходило в голову, что евреи могут ответить на нападки нацистов. Но вдруг он понял, что в общем фрау Ротман права. Коричневорубашечники ходили повсюду, скандируя «Смерть евреям!» – так почему еврейский доктор должен помогать таким?

Теперь он не знал, что делать. Конечно, были и другие врачи, сколько угодно, но он не знал, где их искать и согласятся ли они иметь дело с совершенно незнакомыми людьми.

– Меня послала сестра, – робко сказал он.

– Карла-то лучше соображает, чем ты.

– Ада сказала, что воды отошли...

Эрик не знал, что это значит, но звучало это веско.

С возмущенным видом фрау Ротман вернулась в кабинет.

Старик в углу рассмеялся.

– Все мы – грязные евреи, пока вам не понадобится наша помощь! – сказал он. – И тогда начинается: «Пожалуйста, пойдите, доктор Ротман!», или «Что бы вы посоветовали, адвокат Кох?», или «Одолжите мне сотню марок, господин Голдман», или... – тут он снова закашлялся.

Из прихожей вошла девочка лет шестнадцати. Эрик подумал, что это, должно быть, Ева, дочь доктора Ротмана. Он не видел ее несколько лет. У нее появилась грудь, но она по-прежнему была маленькой и худенькой.

– Неужели твой отец позволил тебе вступить в «Гитлерюгенд»? – сказала она.

– Он еще не знает, – сказал Эрик.

– Ого, – сказала Ева. – Ну, тебе влетит.

Он перевел взгляд с нее на дверь кабинета.

– Как ты думаешь, пойдет твой отец? Твоя мать так сердито со мной говорила...

– Конечно, пойдет, – сказала Ева. – Он поможет любому, кто болен. Уж он-то не спрашивает, какой национальности больной или членом какой партии является, – в ее голосе звучало презрение. – Мы же не нацисты!

Она снова вышла.

Эрик был в замешательстве. Он не ожидал, что из-за этой новой формы у него будут такие неприятности. В школе все ею восхищались.

Тут появился доктор Ротман. Обращаясь к ожидающим своей очереди больным, он сказал:

– Я сразу же вернусь. Прошу меня простить, но ребенок не станет ждать, пока его будут готовы принять... – Он взглянул на Эрика. – Пойдемте, молодой человек, будет лучше, если вы поедете со мной, хоть вы и в этой форме.

Эрик вышел вслед за ним и сел на пассажирское сиденье «лягушки». Машины он обожал и не мог дожидаться, когда наконец он вырастет и ему можно будет водить самому. Обычно в любой машине он ехал с удовольствием, любил глядеть на приборы и следить за действиями водителя. Но сейчас он чувствовал, что на него все смотрят: как он сидит в своей коричневой рубашке рядом с еврейским врачом. А что, если его увидит господин Липман? Всю дорогу он сидел как на иголках.

К счастью, ехать было близко: всего через пару минут они были у дома фон Ульрихов.

– Как ее зовут? – спросил доктор Ротман.

– Ада Хемпель.

– А, на прошлой неделе она приходила ко мне на прием. Рановато она... Хорошо, ведите меня к ней.

Эрик повел его в дом. Он услышал детский крик. Ребенок уже родился! Он заторопился вниз по лестнице, доктор Ротман за ним.

Ада лежала на спине. Кровать была насквозь мокрой от крови. Карла стояла рядом, держа на руках крошечного младенца. Он был покрыт слизью. От младенца к юбке Ады шел какой-то толстый шнурок. Глаза у Карлы были огромные от ужаса.

– Что мне с ним делать? – вскричала она.

– Вы делаете все абсолютно правильно, – успокоил ее доктор Ротман. – Просто подержите так ребенка еще минутку.

Он сел рядом с Адой. Послушал ее сердце, измерил пульс и спросил:

– Как ты себя чувствуешь, милая?

– Я так устала, – сказала она.

Доктор Ротман удовлетворенно кивнул. Он приподнялся и посмотрел на ребенка на руках у Карлы.

– Мальчик, – сказал он.

Эрик наблюдал с любопытством, смешанным с отвращением, как доктор открыл свой саквояж, достал оттуда нитки и с двух сторон завязал на шнуре узлы. Одновременно он тихо говорил Карле:

– Ну что же ты плачешь? Ты справилась просто прекрасно. Приняла роды совершенно самостоятельно. И я не понадобился. Вырастешь – становись доктором.

Карла немного успокоилась. Потом она прошептала:

– Посмотрите на его голову... – Доктору Ротману пришлось наклониться к ней, чтобы расслышать ее слова. – Мне кажется, с ним что-то не так...

– Да, я знаю, – доктор Ротман достал острые ножницы и разрезал шнурок между двумя узлами. Потом он взял у Карлы голенького младенца и поднял перед собой на вытянутых руках, разглядывая. Эрику не показалось, что с ним что-то не так, но младенец был такой красный, и весь сморщенный, и в слизи, что было трудно понять. Однако доктор после минутного размышления произнес:

– Ну надо же...

Приглядевшись повнимательнее, Эрик заметил, что ребенок действительно выглядел странно. Лицо у него было перекошенное, одна сторона нормальная, а вторая казалась вдавленной, и с глазом что-то не то.

Доктор Ротман вернул ребенка Карле.

Ада снова застонала и напряглась.

Когда она расслабилась, доктор Ротман достал у нее из-под юбки что-то, до отвращения напоминающее кусок мяса.

– Эрик, – сказал он, – принеси мне газету.
– Какую? – спросил Эрик. Родители каждый день покупали все главные газеты.
– Любую, мальчик мой, – мягко сказал доктор Ротман. – Я же не читать ее собираюсь.
Эрик побежал наверх и нашел вчерашнюю «Восшише цайтунг». Когда он вернулся, доктор завернул этот кусок в газету и положил на пол.

– Это называется «послед», – сказал он Карле. – Лучше потом его сжечь.

Он снова сел на край кровати.

– Ада, милая моя девочка, выслушай меня мужественно, – сказал он. – Твой малыш жив, но, возможно, не совсем здоров. Мы сейчас его вымоем, тепло укутаем – и надо отвезти его в больницу.

– Что с ним? – испуганно спросила Ада.

– Я не знаю. Его нужно обследовать.

– Он будет жить?

– Врачи больницы сделают все, что в их силах. Остальное в руках Господа.

Эрик вспомнил, что евреи молятся тому же богу, что и христиане. Забыть это было легко.

Доктор Ротман сказал:

– Ада, как ты думаешь, сможешь ты подняться и поехать со мной в больницу? Ребенка нужно будет кормить.

– Я так устала, – снова сказала она.

– Ну, отдохни еще минутку-другую. Но больше нельзя, потому что малыша нужно поскорее осмотреть. Карла поможет тебе одеться. Я подожду наверху. Пойдемте, юный нацист, – с усмешкой обратился он к Эрику.

Эрику захотелось съездить. От снисходительности доктора Ротмана он чувствовал себя хуже, чем от презрения фрау Ротман.

– Доктор, – окликнула Ада, когда они были уже в дверях.

– Да, милая?

– Его зовут Курт.

– Отличное имя, – сказал доктор Ротман и вышел, а следом за ним – и Эрик.

VI

День, когда Ллойд вышел на работу в качестве помощника Вальтера фон Ульриха, был первым днем работы нового парламента.

Вальтер с Мод изо всех сил боролись за сохранение хрупкой немецкой демократии. Ллойд разделял их отчаяние – отчасти потому, что они были хорошие люди, с которыми он время от времени встречался всю свою жизнь, а отчасти потому, что боялся, что за Германией и Великобританией могла свернуть на дорогу в ад.

Выборы ничего не решили. Нацисты получили сорок четыре процента голосов, – больше, чем прежде, но все же меньше, чем пятьдесят один процент, которого они так жаждали.

Вальтер видел в этом надежду. Когда они ехали на открытие парламентской сессии, он сказал:

– Как они ни жульничали, а получить голоса большинства немцев так и не смогли! – Он ударил кулаком по рулю. – Что бы они ни говорили, не пользуются они популярностью! И чем дольше они остаются в правительстве, тем лучше будет видна народу их порочность.

У Ллойда не было в этом такой уверенности.

– Они позакрывали газеты оппозиции, отправили за решетку депутатов рейхстага, подкупили полицию – и все равно за них голосуют сорок четыре процента? Мне это не кажется обнадеживающим.

Здание рейхстага сильно пострадало от пожара, и пользоваться им было невозможно, поэтому парламент заседал в Кроль-опере, на противоположной стороне Кенигсплац. Кроль-опера представляла собой огромный комплекс, включающий три концертных зала и четырнадцать залов поменьше, а также бары и рестораны.

Приехав, они испытали потрясение. Площадь была оцеплена штурмовиками. Депутаты и их помощники толпились у входов, пытаясь попасть внутрь.

– Вот, значит, как Гитлер решил добиться своего?! – яростно произнес Вальтер. – Просто не пускать нас в зал?

Ллойд увидел, что двери охраняли коричневорубашечники. Тех, кто был в нацистской форме, они пропускали без вопросов, но все остальные должны были предъявить удостоверение. Мальчишка помладше Ллойда презрительно осмотрел его с головы до ног и наконец с ворчанием впустил. Это было запугивание, простое и неприкрытое.

Ллойд почувствовал, что закипает. Он терпеть не мог, когда его пытались запугивать. Он знал, что может запросто сбить с ног этого мальчишку в коричневой рубашке одним хорошим левым хуком. Он заставил себя держаться спокойно, отвернулся и вошел в дверь.

После драки в Народном театре мама осмотрела его шишку, большую, как яйцо, и велела ему отправляться домой, в Англию. Он ее все же уговорил, но едва-едва.

Она сказала, что у него нет никакого чувства самосохранения, но это было не совсем так. Иногда ему становилось по-настоящему страшно, но от этого всегда хотелось сражаться. Он инстинктивно стремился в бой, а не в бегство. Это и беспокоило его мать.

Как ни смешно, сама она была точно такой же. Она домой не собиралась. Ей было страшно – и в то же время радостно, что она находится в Берлине в этот переломный момент в истории Германии, а насилие и репрессии, свидетелем которых она оказалась, приводили ее в ярость, и она считала, что сможет написать книгу, в которой предупредит демократов других стран о тактике фашистов.

– Ты еще отчаянней, чем я, – сказал ей Ллойд, и она не нашла, что ему ответить.

В Кроль-опере было полно коричневорубашечников и людей из СС, многие были с оружием. Они стояли у всех дверей и каждым своим взглядом и жестом демонстрировали ненависть и презрение к любому, кто не поддерживал нацистов.

Вальтер опаздывал на собрание фракции Социал-демократической партии. Ллойд торопливо пошел по коридорам в поисках нужного зала. Заглянув в зал заседаний, он увидел, что с потолка свисает, господствуя над залом, огромное полотнище со свастикой.

Когда после полудня начались слушания, первым вопросом, вынесенным на обсуждение, был акт «О чрезвычайных полномочиях», позволяющий кабинету Гитлера проводить законы без одобрения рейхстага.

Последствия этого акта были бы ужасны. В результате Гитлер стал бы диктатором. Репрессии, запугивания, насилие, пытки и убийства, которые Германия увидела в последние несколько недель, стали бы постоянными. Это было немыслимо.

Но Ллойд не мог себе представить, чтобы хоть один парламент мира принял такой закон. Они бы сами лишили себя власти. Это было бы политическим самоубийством.

Он нашел социал-демократов в маленькой аудитории. Собрание уже началось. Ллойд показал аудиторию Вальтеру и был отправлен за кофе.

В очереди он оказался за бледным молодым человеком со внимательным взглядом, одет тот был весь в черное, как на похоронах. Немецкая речь Ллойда стала уже более беглой и разговорной, и у него появилась смелость заводить разговор с незнакомцами. Он узнал, что молодого человека в черном звали Генрих фон Кессель и он занимался тем же, что и

Ллойд, – работал бесплатным помощником у своего отца, Готфрида фон Кесселя, депутата от Партии Центра, католической партии.

– Мой отец отлично знает Вальтера фон Ульриха, – сказал Генрих. – В четырнадцатом году они вместе работали в Лондоне в качестве атташе в немецком посольстве.

«Как тесен мир международной политики и дипломатии», – подумал Ллойд.

Генрих сказал Ллойд, что решением всех проблем Германии было бы возвращение в христианскую веру.

– Мне и самому, – честно сказал Ллойд, – не очень близко христианство. Надеюсь, вам не слишком неприятно это слышать. Родители моей матери – валлийские фундаменталисты, мать вообще равнодушна к религии, а отчим – еврей. Иногда мы посещаем молитвенный дом «Голгофа» – главным образом потому, что пастор – член партии лейбористов.

Генрих улыбнулся и ответил:

– Я буду за вас молиться.

Ллойд вспомнил, что католики не стремились обращать других в свою веру. Как они отличались от его фанатичных родственников в Эйбрауне, считавших, что те, кто не разделяет их веры, по собственной воле отворачиваются от Бога и будут обречены на вечные муки!

Когда Ллойд вернулся на собрание партии социал-демократов, выступал Вальтер.

– Это не может произойти! – говорил он. – «Акт о чрезвычайных полномочиях» – конституциональная поправка, и требуется, чтобы за нее проголосовало две трети, то есть четыреста тридцать два голоса из возможных шестисот сорока семи.

Ставя на стол поднос, Ллойд в уме произвел подсчет. У нацистов было двести восемьдесят восемь мест, у националистов – их близких союзников – пятьдесят два, значит, всего – триста сорок, почти на сто меньше, чем нужно. Вальтер прав. Акт не пройдет. Ллойд успокоился и сел слушать обсуждение и совершенствовать свой немецкий.

Но успокоился он ненадолго.

– Не очень на это рассчитывайте, – сказал человек с выговором берлинских рабочих. – Нацисты договариваются с Партией Центра. – Ллойд вспомнил, что это партия Генриха. – Это может им дать еще семьдесят четыре голоса.

Ллойд нахмурился. Зачем Партии Центра поддерживать меру, которая лишит их власти?

Вальтер озвучил эту же мысль более откровенно:

– Как католики могут пойти на такую глупость?

Ллойд пожалел, что не узнал всего этого до того, как пошел за кофе, – тогда он мог бы поговорить об этом с Генрихом. Мог бы узнать что-нибудь полезное. Черт...

Человек с акцентом берлинских рабочих сказал:

– Заключили же в Италии католики сделку с Муссолини – конкордат, чтобы защитить церковь. Почему бы здесь им не поступить так же?

Ллойд подсчитал, что с поддержкой центристов нацисты наберут четыреста сорок четыре голоса.

– Все равно не набирается две трети, – с облегчением сказал он Вальтеру.

Другой помощник, услышав его, сказал:

– Это если не учитывать последнее заявление президента рейхстага.

Президентом рейхстага был Герман Геринг, ближайший союзник Гитлера. Ллойд ничего не слышал о последнем заявлении. Остальные, по-видимому, тоже, потому что все притихли. Помощник продолжал:

– Он постановил, что депутаты от Коммунистической партии, отсутствующие по причине нахождения в тюрьме, не считаются.

Комната взорвалась возмущенными криками. Ллойд увидел, что Вальтер покраснел от гнева.

– Он не имеет права! – воскликнул Вальтер.

– Это абсолютно незаконно, – сказал помощник. – Но он это сделал.

Ллойд был потрясен. Неужели можно провести закон с помощью такой уловки? Он снова стал подсчитывать. У коммунистов было восемьдесят одно место. Если их не считать, нацистам нужно будет набрать две трети от пятисот шестидесяти шести, это будет триста семьдесят восемь. Даже с националистами им еще не хватало голосов. Но если их поддержат католики – акт будет принят.

Кто-то сказал:

– Все это совершенно незаконно. Мы должны выйти из зала в знак протеста.

– Нет, нет! – твердо сказал Вальтер. – Они примут этот акт в наше отсутствие. Мы должны отговорить от участия в этом католиков. Надо, чтобы Вельс немедленно поговорил с Каасом. – Отто Вельс был лидером Социал-демократической партии, а прелат Людвиг Каас был главой Партии Центра.

В комнате зашумели, соглашаясь.

Ллойд глубоко вздохнул и сказал:

– Господин фон Ульрих, а может быть, вам пригласить на ланч Готфрида фон Кесселя? Вы, кажется, до войны работали вместе с ним в Лондоне?

Вальтер невесело рассмеялся.

– Этого пройдоху?

Наверное, это была неудачная мысль.

– Я не знал, что вы его не любите, – сказал Ллойд.

– Я его ненавижу! – сказал Вальтер и задумался. – Но господи боже, я готов испытать любое средство...

– Я могу найти его и передать приглашение, – предложил Ллойд.

– Хорошо, попробуйте. Если он его примет, скажите, что я с ним встречаюсь в час дня в «Герренклубе».

Ллойд поспешил к комнате, в которой скрылся Генрих. Он вошел. В комнате шло собрание, такое же, как у них. Он оглядел сидящих, заметил Генриха, одетого в черное, и, встретившись с ним взглядом, поманил его, давая понять, что это важно.

Они вышли, и Ллойд спросил:

– Говорят, ваша партия собирается поддержать «Акт о полномочиях»?

– Это еще не точно, – ответил Генрих. – Мнения разделились.

– А кто против нацистов?

– Брюнинг и еще кое-кто.

Брюнинг прежде был канцлером и являлся одной из ведущих фигур.

Ллойд почувствовал, как возвращается надежда.

– А кто еще?

– Вы что, вызвали меня из комнаты, чтобы выпрашивать все это?

– Простите, конечно же, нет. Вальтер фон Ульрих хочет пригласить вашего отца на ланч.

Генрих заколебался.

– Они же не любят друг друга... И вы это знаете, верно?

– Я тоже так думал. Но сегодня можно забыть о неприязни!

Генрих, казалось, не был в этом так уверен.

– Я его спрошу. Подождите здесь.

Он вошел в аудиторию.

«Есть ли хоть какой-нибудь шанс, что это поможет?» – подумал Ллойд. Как жаль, что Вальтер и Готфрид не оказались близкими друзьями. Но он просто не мог себе представить, что католики отдадут голоса нацистам.

Больше всего его беспокоила мысль, что если это может случиться в Германии, то это может случиться и в Великобритании. Он содрогнулся от этой мрачной перспективы. У него впереди вся жизнь, и он не хотел жить при диктатуре и репрессиях. Он хотел, как родители, заниматься политикой, хотел, чтобы в его стране таким людям, как эйбрауэнские шахтеры, стало легче жить. Для этого ему нужно было проводить собрания с людьми в таких условиях, чтобы они могли говорить, что думают, и чтобы газеты могли нападать на правительство, и чтобы в пабах люди могли поспорить, не озираясь через плечо на тех, кто может их услышать.

Все это грозил уничтожить фашизм. Но, возможно, ему это не удастся. Возможно, Вальтер сможет договориться с Готфридом и удержать Партию Центра от поддержки нацистов.

Генрих вышел.

– Он согласен.

– Отлично! Вальтер предложил встретиться в «Герренклубе» в час дня.

– Правда? Он что, член этого клуба?

– Полагаю, да. А что?

– Это консервативное заведение. Ну да, он же Вальтер фон Ульрих, должно быть, он знатного рода, хоть и социалист.

– Наверное, мне стоит забронировать столик. Вы знаете, где этот клуб находится?

– Да сразу за углом.

И Генрих рассказал, как его найти.

– Заказывать на четверых?

– Почему бы и нет? – усмехнулся Генрих. – Если наше с вами присутствие станет нежелательным, нас просто попросят выйти.

И он вернулся в аудиторию.

Ллойд вышел из здания и быстро пошел через площадь, миновал колонну Победы и выгоревшее здание рейхстага – и добрался до «Герренклуба».

В Лондоне тоже были клубы для знати, но Ллойд никогда там не бывал. Это заведение представляло собой нечто среднее между рестораном и траурным залом, решил он. Вокруг неслышно скользили официанты в вечерних костюмах, беззвучно раскладывали столовые приборы на столы, застеленные белыми скатертями. Старший официант принял у него заказ и записал имя «фон Ульрих» с таким скорбным видом, будто регистрировал его кончину.

Ллойд вернулся в здание оперы. Там стало куда более шумно и оживленно, и напряжение, казалось, все росло. Ллойд услышал, как кто-то сказал, что на открытие сессии сегодня приедет сам Гитлер, чтобы представить акт.

Без нескольких минут час Ллойд и Вальтер шли через площадь.

– Генрих фон Кессель удивился, узнав, что вы член «Герренклуба», – сказал Ллойд.

Вальтер кивнул.

– Я был одним из его основателей, лет десять назад, а может, и больше. В те дни он назывался «Юниклуб». Мы тогда начинали кампанию против Версальского договора. Сейчас это оплот правых, и я совершенно уверен, что я здесь единственный социал-демократ, но остаюсь членом клуба, потому что это место удобно для встреч с врагами.

Войдя в клуб, Вальтер указал Ллойд на холеного человека.

– Это Людвиг Франк, отец юного Вернера, который дрался вместе с нами в «Народном театре», – сказал Вальтер. – Я уверен, что он не член клуба, ведь он даже не родился в Гер-

мании, – но он, кажется, пришел на ланч со своим тестем, графом фон дер Хельбард – это тот пожилой мужчина рядом с ним. Давайте к ним подойдем.

Они направились к бару, и Вальтер представил Ллойда.

– Ну и в переделку попали вы с моим сыном пару недель назад, – сказал Ллойд Франк.

Вспомнив об этом, Ллойд коснулся затылка: опухоль спала, но трогать это место было все еще больно.

– Нам нужно было защитить женщин, сэр, – сказал он.

– Ну, ничего, иногда не мешает немного помахать кулаками, – сказал Франк. – Вам, ребятам, это только на пользу.

– Что вы говорите, Людвиг! – досадливо перебил Вальтер. – Сорвать собрание перед выборами – уже это достаточно плохо. Но ваш лидер хочет полностью уничтожить нашу демократию!

– Может быть, демократия для нас – не подходящая форма правления, – сказал Франк. – В конце концов, мы не похожи ни на французов, ни на американцев, и слава богу!

– Неужели вас не волнует, что вы потеряете свободу? Давайте говорить серьезно!

Франк вдруг оставил шутливый тон.

– Хорошо, Вальтер, – холодно сказал он. – Если вы настаиваете, давайте говорить серьезно. Я приехал сюда с матерью из России более десяти лет назад. Мой отец с нами поехать не смог: у него нашли подрывную литературу, а именно – книжку «Робинзон Крузо», роман, открыто пропагандирующий буржуазный индивидуализм, – черт его знает, что они имели в виду. Его арестовали и отправили куда-то в Арктику в лагеря. Возможно, он... – голос Франка дрогнул, – возможно, он до сих пор там.

Все помолчали. Ллойда поразили эти слова. Он знал, что русское коммунистическое правительство в общем может действовать жестоко, но слышать простой рассказ человека, который до сих пор страдал, было совсем другое дело.

– Людвиг, – сказал Вальтер, – мы все ненавидим большевиков. Но нацисты могут оказаться еще хуже!

– Я согласен рискнуть, – сказал Франк.

Граф фон дер Хельбард сказал:

– Пожалуй, нам пора в обеденный зал, ведь после ланча у меня назначена встреча. Прошу нас простить.

И они ушли.

– Только это от них и слышишь! – гневно воскликнул Вальтер. – Большевики! Как будто это единственная альтернатива нацистам! Просто плакать хочется.

Появился Генрих с пожилым мужчиной, который явно был его отцом: у них были одинаковые густые темные волосы, разделенные пробором, только у Готфрида волосы были короче и с сединой. И хотя черты лица у них были похожи, но Готфрид выглядел как суетливый бюрократ в старомодном воротнике, а Генрих напоминал скорее поэта-романтика, чем помощника политика.

Вчетвером они вошли в обеденный зал. Вальтер не стал терять времени. Как только они сделали заказ, он сказал:

– Готфрид, я не понимаю, чего надеется достичь ваша партия, поддерживая «Акт о полномочиях».

Фон Кессель говорил так же прямо.

– Мы – католическая партия, и наша главная задача – защитить положение церкви в Германии. Голосуя за нас, люди ожидают именно этого.

Ллойд неодобрительно нахмурился. Его мать была членом парламента, и она всегда говорила, что ее долг – служить и тем, кто *не* голосовал за нее, в той же степени, что и тем, кто голосовал.

Вальтер выдвинул другой аргумент.

– Лучшая защита для любой нашей церкви – демократический парламент, а вы готовы от него отказаться!

– Вальтер, проснитесь! – запальчиво воскликнул Готфрид. – Гитлер победил на выборах. Он пришел к власти. В обозримом будущем именно он будет править Германией, что бы мы ни делали. Мы должны защитить себя.

– Его обещания ничего не стоят.

– Мы потребовали особых гарантий в письменной форме: что католическая церковь будет независимой от государства, что католические школы смогут работать без помех, а католики на гражданской службе не будут ущемлены в правах.

Он взглянул на сына.

– Они обещали заключить с нами договор сегодня же, в первую очередь.

– Но подумайте, из чего вы выбираете! – сказал Вальтер. – Что лучше: клочок бумаги, подписанный диктатором, – или демократический парламент?

– Наивысшая власть над всеми нами – Бог.

Вальтер поднял взгляд к небесам.

– Тогда – Боже, спаси Германию.

У немцев было мало времени, чтобы успеть поверить в демократию, думал Ллойд, слушая, как идет по кругу спор Вальтера и Готфрида. Рейхстаг стал независимым лишь четырнадцать лет назад. Они проиграли войну, потом видели, как их деньги превращаются в ничто, страдали от массовой безработицы. Им право голоса казалось слабой защитой.

Готфрид стоял непоколебимо. К концу ланча его позиция нисколько не изменилась. Он должен защитить католическую церковь. Ллойд был готов кричать в голос.

Они вернулись в оперу, и депутаты расселись на свои места в зале заседаний. Ллойд и Генрих сели на балконе и стали смотреть вниз.

Ллойд увидел членов Социал-демократической партии, сидящих вместе, далеко слева. Когда пришло время начинать, он увидел, как у выходов и вдоль стен угрожающей аркой за спинами социал-демократов выстраиваются коричневорубашечники и люди в форме СС. Это выглядело так, словно они решили не выпускать депутатов из здания, пока акт не будет принят. Ллойд это показалось ужасно зловещим. Он подумал, чувствуя холодок страха, не попадет ли здесь он и сам за решетку.

Раздался шум приветственных возгласов и аплодисментов – и вошел Гитлер в форме штурмовиков. Пока он поднимался на трибуну, депутаты от нацистов, в большинстве одетые так же, в экстазе повскакивали с мест. Сидеть остались только социал-демократы; но Ллойд заметил, что два-три человека неловко оглянулись на вооруженную охрану. Какое может быть свободное обсуждение и голосование, если они нервничают даже оттого, что не присоединились к стоячей овации, которой встречают их оппонента?

Когда наконец все замолчали, Гитлер начал говорить. Он стоял прямо, держа левую руку неподвижно вдоль тела и жестикулируя только правой. Голос у него был хриплый и скрежещущий, – он напомнил Ллойд одновременно и собачий лай, и пулеметную очередь, – но властный. Когда он говорил о «ноябрьских предателях», сдавших в 1918 году Германию, когда она должна была вот-вот победить в войне, его голос задрожал от боли. Он не притворялся: Ллойд чувствовал, что он верит каждому своему глупому, невежественному слову.

«Ноябрьские предатели» – это была любимая, заезженная тема Гитлера. Потом его речь приняла новое направление: он заговорил о церкви и о том, какое важное место занимает христианство в Германии. Это была необычная для него тема, и его слова явно были предназначены Партии Центра, от голосов которой сегодня зависел результат. Он сказал, что видит две главные конфессии, протестантов и католиков, как два наиважнейших фактора для возрождения нации. Нацистское правительство не станет ущемлять их права.

Генрих бросил на Ллойда торжествующий взгляд.

– И все же на вашем месте я бы заручился письменным документом, – шепнул Ллойд. К главной теме своего выступления Гитлер подошел через два с половиной часа.

Закончил он недвусмысленной угрозой:

– В случае сообщения, что акт не принят, – что означало бы объявление о сопротивлении – правительство националистического восстания намерено и готово действовать! – он многозначительно помолчал, давая слушателям осознать его мысль: голосование против акта будет рассматриваться как неповиновение. Затем усилил нажим: – Сейчас, господа, вы сами принимаете решение, мир у нас будет или война!

Он сел под гром аплодисментов делегатов от партии национал-социалистов, и объявили перерыв.

Генрих был в восторженном расположении духа, Ллойд – в угнетенном. Они разошлись в разные стороны: сейчас их партии проведут последние отчаянные обсуждения.

У социал-демократов царило уныние. Следующим в зале заседаний должен был выступать их лидер Вельс, но что он мог сказать? Несколько депутатов считали, что если он начнет критиковать Гитлера, то не выйдет из этого здания живым. Они опасались и за собственные жизни. На миг Ллойда охватил леденящий страх при мысли: если убьют депутатов, то что же будет с их помощниками?

Вельс сообщил, что у него в кармане жилета есть капсула цианистого калия. Если его арестуют, он покончит жизнь самоубийством, чтобы избежать пыток. Ллойд пришел в ужас. Вельс был избранным представителем, а был вынужден вести себя как какой-то преступник.

Этот день у Ллойда начался с напрасных ожиданий. Он считал «Акт о полномочиях» сумасшедшей идеей, у которой не было ни малейшей возможности реализоваться. А сейчас он видел, что множество людей уверены, что сегодня этот акт будет претворен в жизнь. Он оценил положение совершенно неправильно.

Неужели он также не прав, считая, что ничего подобного не может случиться в его родной стране? Может быть, он обманывает себя?

Кто-то спросил о католиках, приняли ли они окончательное решение. Ллойд встал.

– Я узнаю, – сказал он. Вышел из аудитории и помчался к залу собраний Партии Центра. Как и прежде, он сунул голову в дверь и поманил Генриха в коридор.

– Брюнинг и Эрсинг колеблются, – сказал Генрих.

У Ллойда упало сердце. Эрсинг был у католиков профсоюзным лидером.

– Как может профсоюзный деятель допустить саму мысль о том, чтобы голосовать за этот закон? – сказал он.

– Каас говорит, что отечество в опасности. Все думают, что если не принять этот акт, то начнется кровавая анархия.

– Если принять его – начнется кровавая тирания.

– А что у вас?

– Наши думают, что если они проголосуют против, то их всех перестреляют. Но все равно они будут голосовать против.

Генрих вернулся в зал, а Ллойд отправился к социал-демократам.

– Слабеют самые стойкие, – сказал он Вальтеру и его коллегам. – Боятся, что, если Акт не будет принят, начнется гражданская война.

Уныние стало еще беспросветнее.

В шесть часов все вернулись в зал заседаний.

Первым выступал Вельс. Он говорил спокойно, рассудительно и без эмоций. Он подчеркнул, что в демократической республике жизнь немцев в целом стала хорошей, принесла свободу выбора и социальное благополучие, а также восстановление Германии в качестве полноправного члена мирового сообщества.

Ллойд заметил, что Гитлер записывает.

В конце речи Вельс отважно заявил, что остается верен идеалам человечности и справедливости, свободы и социализма.

– Никакой закон о полномочиях не дает вам права уничтожать идеи, которые остаются вечными и нерушимыми, – сказал он, собравшись с духом: нацисты начали смеяться и улюлюкать.

Социал-демократы захлопали, но в шуме их совсем не было слышно.

– Мы приветствуем преследуемых и угнетаемых! – вскричал Вельс. – Мы приветствуем наших товарищей по рейху. Их верность и упорство достойны восхищения!

За хохотом и выкриками нацистов Ллойд едва разобрал его слова.

– Их мужество и убежденность, их несгибаемый оптимизм являются залогом светлого будущего!

Под свист и издевательские крики он сел.

«Будет ли от этой речи какой-нибудь толк?» – подумал Ллойд.

После Вельса снова заговорил Гитлер. Теперь его тон изменился. Ллойд понял, что предыдущая речь была для канцлера лишь разминкой. Его голос был громче, фразы – более категоричными, интонации – крайне надменными. Правой рукой он все время активно жестикулировал: указывал пальцем, стучал, грозил кулаком, прикладывал ладонь к сердцу, проводил по воздуху рукой, словно отметая все возражения. Каждую пламенную фразу сторонники встречали бурей восторга. Каждое предложение выражало одно чувство: дикую, всепоглощающую, смертоносную ярость.

И еще Гитлер вел себя уверенно. Он заявил, что им не было нужды выносить Акт о полномочиях на голосование.

– Сегодня мы обращаемся к Германскому рейхстагу, чтобы получить то, что мы и так взяли бы! – насмешливо сообщил он.

Генрих обеспокоенно вышел из ложи. Через минуту Ллойд увидел его внизу, среди депутатов, он шептал что-то на ухо отцу.

Когда он вернулся на балкон, вид у него был потрясенный.

– Вы получили письменные гарантии? – спросил Ллойд.

– Документ сейчас печатают, – ответил Генрих, избегая его взгляда.

Заканчивая речь, Гитлер облил презрением социал-демократов. Их голоса ему были не нужны.

– Германия станет свободной, – прокричал он, – но не благодаря вам!

Лидеры остальных партий говорили кратко. Каждый казался сломленным. Прелат Каас сказал, что Партия Центра поддерживает законопроект. Остальные последовали его примеру. Никто, кроме социал-демократов, не впал в немилость.

Объявили результат голосования, и нацисты разразились дикими ликующими воплями.

Ллойд был поражен. Он увидел, как власть была отобрана неприкрытой грубой силой, и зрелище было отвратительно.

Он вышел из ложи, не сказав Генриху ни слова.

Ллойд нашел Вальтера в вестибюле – тот плакал. Он промокал лицо большим белым платком, но слезы все текли. Ллойд никогда не видел, чтобы мужчина так плакал, разве что на похоронах.

Он не знал, что сказать, что сделать.

– Вся моя жизнь пошла прахом, – сказал Вальтер. – Конец всем надеждам. Это – гибель немецкой демократии.

VII

В субботу, первого апреля, прошел бойкот евреев. Этель и Ллойд ходили по Берлину и смотрели, не веря своим глазам. Этель делала записи для своей книги. На окнах лавок, принадлежащих евреям, были наклеены желтые звезды. Коричневорубашечники стояли в дверях еврейских магазинов – чтобы отпугнуть тех, кто собирался войти. У домов адвокатов и докторов устроили пикеты. На глазах у Ллойда двое штурмовиков остановили нескольких пациентов, шедших к семейному врачу фон Ульрихов, доктору Ротману, но потом широкоплечий угольщик, с вывихом ноги, велел коричневорубашечникам убираться подобру-поздорову, и они отправились на поиски более легкой добычи.

– Как люди могут быть так жестоки друг к другу?! – воскликнула Этель.

А Ллойд подумал про отчима, которого любил, как родного отца. Берни Леквиз был евреем. Если фашизм придет в Англию, Берни тоже может оказаться мишенью для подобных преследований... Он содрогнулся от этой мысли.

В тот вечер в бистро «Роберт» проходило что-то вроде поминок. Никто ничего конкретно не организовывал, но к восьми часам зал был полон – социал-демократы, коллеги Мод – журналисты и друзья Роберта из театральных кругов. Наиболее оптимистичные говорили, что свобода просто впала в анабиоз на время экономического спада и однажды проснется. Остальные скорбно слушали.

Ллойд пил мало. Ему не нравилось, как алкоголь действует на мозги. Мысли становились спутанными. Он спрашивал себя, что могло сделать левое крыло, чтобы предотвратить эту катастрофу, и не находил ответа.

Мод рассказала им про Курта, ребенка Ады.

– Она привезла его из больницы домой, и сейчас он, похоже, чувствует себя вполне хорошо. Но его мозг поврежден, и нормальным он никогда не станет. Когда он подрастет, ему, бедному крохе, придется жить в специальном учреждении.

Ллойд слышал, что роды принимала одиннадцатилетняя Карла. Какая мужественная малышка.

В половине десятого прибыл комиссар Томас Маке. Он был в форме штурмовиков.

В последний раз, когда он был здесь, Роберт его высмеял, но Ллойд чувствовал угрозу, исходящую от этого человека. Он выглядел по-дурацки, с этими маленькими усиками посередине жирной физиономии, но глаза его жестоко поблескивали, и Ллойд от этого было не по себе.

Роберт отказался продать ему ресторан. Что ему нужно теперь?

Маке остановился посреди обеденного зала и крикнул:

– В этом ресторане поощряется развратное!

Посетители притихли, гадая, что бы это значило.

Маке поднял указательный палец, словно хотел сказать: «Послушайте, вам же лучше будет!» В его действиях Ллойд почудилось что-то ужасно знакомое, и он понял, что Маке копирует Гитлера.

– Мужественный характер германской нации не совместим с гомосексуализмом.

Ллойд нахмурился. Он что, намекает, что Роберт голубой?

С кухни в зал вышел Йорг, он был в высоком колпаке шеф-повара. И встал возле двери, не спуская глаз с Маке.

Ллойда поразила ужасная мысль. Может быть, Роберт *действительно* голубой.

В конце концов, они с Йоргом жили вместе с самой войны.

Оглядев их манерных приятелей, Ллойд заметил, что все они были мужского пола – и парами, за исключением двух коротко стриженных женщин...

Ллойд растерялся. Он знал, что существовали люди нетрадиционной ориентации, и как человек широких взглядов, он считал, что их следует не преследовать, а помочь им. Однако для него это были извращенцы и калеки. Роберт и Йорг казались нормальными людьми, занимались собственным делом, вели размеренный образ жизни – почти как супружеская чета!

Он повернулся к маме и тихо сказал:

– А что, Роберт с Йоргом правда...

– Да, милый, – ответила она.

Сидящая рядом с ней Мод сказала:

– В юности Роберт был грозой слуг.

Обе тихонько засмеялись.

Ллойд пережил двойное потрясение: мало того, что Роберт голубой, – к тому же, оказывается, мама и Мод способны так легкомысленно шутить на эту тему!

– Заведение закрывается! – объявил Маке.

– Вы не имеете права! – сказал Роберт.

Не может Маке в одиночку закрыть ресторан, подумал Ллойд. Но потом он вспомнил толпу коричневорубашечников на сцене Народного театра. Он бросил взгляд в сторону входа – и с ужасом увидел, что в двери проталкиваются штурмовики.

Они пошли меж столов, сметая бутылки и бокалы. Одни посетители, замерев, сидели и смотрели, другие вскочили с мест. Несколько человек закричали, завизжала женщина.

Вальтер встал и произнес громко, но спокойно:

– Мы все должны мирно разойтись. Не нужно вести себя грубо. Сейчас все оденутся и отправятся по домам.

Посетители начали выходить, кто пытался забрать свои пальто, кто бежал прямо так. Вальтер с Ллойдом повели Этель и Мод к выходу. Касса была у дверей, и Ллойд увидел, как коричневорубашечник открыл ее и начал рассовывать деньги по карманам.

До этого момента Роберт стоял спокойно, печально глядя, как спешит прочь сегодняшняя выручка, но уж это было чересчур. Он издал возмущенный вопль и оттолкнул штурмовика от кассы.

Коричневорубашечник ударом кулака сбил его с ног и принялся его, лежащего на полу, избивать ногами. К нему присоединился еще один.

Ллойд бросился Роберту на помощь. Оттолкнув штурмовиков, он услышал, как мама крикнула: «Нет!» Йорг подоспел почти так же быстро, и вдвоем они наклонились к Роберту, чтобы его поднять.

На них тут же набросились еще несколько коричневорубашечников. Ллойда били кулаками и ногами, и что-то тяжелое ударило по голове, он вскрикнул от боли и подумал: «Неужели снова!»

Он повернулся к нападающим, нанося удары и левой и правой, стараясь, как его учили, впечатывать каждый удар, бить *сквозь* цель. Он сбил с ног двоих, потом его схватили сзади, и он потерял равновесие. В следующий миг он был уже на полу, двое держали его, а третий бил ногами.

Потом его перевернули на живот, руки заломили за спину, и он почувствовал на запястьях металл. Впервые в жизни он оказался в наручниках. Он снова испугался, но уже другого: это была уже не просто драка. Били его и раньше, но теперь впереди ждало кое-что похуже.

– Вставай, – сказали ему по-немецки.

Он поднялся на ноги. Болела голова. Он увидел, что Роберт и Йорг тоже в наручниках. У Роберта изо рта шла кровь, у Йорга один глаз не открывался. Их держали полдюжины

штурмовиков. Остальные пили из бокалов и бутылок, оставшихся на столах, или стояли у тележки с десертами и, с измазанными кремом лицами, уплетали пирожные.

Все посетители, похоже, вышли. Ллойд облегченно подумал, что мама выбралась.

Дверь ресторана открылась, и вернулся Вальтер.

– Комиссар Маке, – сказал он, демонстрируя характерную для политиков способность запоминать имена и стараясь говорить с как можно более властным видом, – что означает этот произвол?

– Эти двое – гомосексуалисты, – сказал Маке, указывая на Роберта и Йорга. – А этот мальчишка напал на полицейского при исполнении, когда тот их арестовывал.

Вальтер указал на кассу – она была открыта, ящички были выдвинуты и опустошены, не считая нескольких мелких монет.

– А что, в наши дни полицейским положено грабить кассы?

– Должно быть, какой-нибудь посетитель воспользовался неразберихой, возникшей при сопротивлении аресту.

Несколько штурмовиков понимающе захохотали.

– Маке, раньше вы были полицейским, охраняющим правопорядок, не так ли? – сказал Вальтер. – И, должно быть, когда-то гордились этим. А кто вы теперь?

Маке оскорбился.

– Мы и обеспечиваем правопорядок, ради безопасности Отечества.

– Я хотел бы знать, куда вы собираетесь отправить арестованных? – упрямо продолжал Вальтер. – Это будет должным образом функционирующее место содержания под стражей? Или какое-то полулегальное, незаконное помещение?

– Их отвезут в казармы на Фридрихштрассе, – возмущенно сказал Маке.

Ллойд заметил, как на лице Вальтера мелькнула довольная усмешка, и понял, что Вальтер умело манипулировал Маке, сыграв на остатках профессиональной гордости, чтобы заставить его открыть свои намерения. Теперь хотя бы Вальтер знал, куда повезут Ллойда и остальных.

Но что будет в казармах?

Ллойда никогда не арестовывали. Однако он жил в лондонском Ист-Энде и знал множество людей, попадавших в полицию. Почти всю жизнь он играл на улицах в футбол с мальчишками, отцы которых частенько попадали за решетку. И он знал, какой славой пользовался в Олдгейте участок на Леман-стрит. Мало кто выходил оттуда невредимым. Рассказывали, что все стены там в крови. Наверное, на Фридрихштрассе вряд ли будет лучше?

– А ведь это международный инцидент, комиссар, – сказал Вальтер. Ллойд подумал, что, обращаясь к нему по чину, Вальтер надеялся, что это заставит Маке вести себя как подобает должностному лицу, а не погромщику. – Вы арестовали трех иностранных граждан – двух австрийцев и одного англичанина... – Он поднял руку, словно отменяя протесты. – Теперь уже поздно идти на попятную. Оба посольства уже извещены, и я не сомневаюсь, что не пройдет и часа, как их представители постучат в двери Министерства иностранных дел на Вильгельмштрассе.

Интересно, подумал Ллойд, правда ли это.

– Министерство иностранных дел вряд ли поспешит на выручку двум гомикам и мальчишке-хулигану, – сказал Маке, неприятно улыбаясь.

– Наш министр иностранных дел, фон Нейрат, не является членом вашей партии, – сказал Вальтер. – Вполне может оказаться, что он ставит на первое место интересы Отечества.

– Думаю, вы обнаружите, что он делает, что приказано. А сейчас вы мешаете мне исполнять мои обязанности.

– Предупреждаю вас, – сказал Вальтер с вызовом, – лучше точно следуйте букве закона, или у вас будут неприятности.

– Убирайтесь с глаз моих! – сказал Маке.

Вальтер ушел.

Ллойда, Роберта и Йорга вывели наружу и бросили в кузов какого-то грузовика. Им пришлось лежать на полу, а на скамейках сели охраняющие их коричневорубашечники. Грузовик тронулся. Ллойд обнаружил, что находиться в наручниках очень больно. Ему все время казалось, что рука вот-вот выйдет из плечевого сустава.

К счастью, ехали они недолго. Их вытолкали из грузовика и завели в здание. Было темно, Ллойд мало что видел. Его подвели к столу, записали его имя в журнал и отобрали паспорт. Роберт лишился золотой булавки для галстука и цепочки для часов. Наконец наручники сняли и арестованных втолкнули в тускло освещенную комнату с решетками на окнах. Здесь было уже человек сорок.

У Ллойда все болело. Судя по ощущениям в груди, ему сломали ребро. Все лицо было в кровоподтеках, и мучила слепящая головная боль. Ему бы сейчас аспирин, чашку чая и подушку. Но у него было ощущение, что еще много часов ничего этого он не получит.

Они втроем сели на пол у двери. Роберт и Йорг стали обсуждать, как скоро придет помощь, а Ллойд сидел, обхватив голову руками. Несомненно, Вальтер позвонит адвокату. Но все обычные правила были упразднены декретом, изданным после поджога рейхстага, так что настоящей защиты по закону у них не было. И с посольствами Вальтер тоже должен был связаться, сейчас больше всего они надеялись на политическое влияние. Ллойд подумал, что мама наверняка постарается добиться международного звонка в Лондон и связаться с Министерством иностранных дел Великобритании. Если ей это удастся, правительство наверняка найдет что сказать по поводу ареста британского школьника. Но на все это потребуется время, как минимум час, а более вероятно, что два или три.

Но прошло четыре часа, а затем и пять, а дверь оставалась закрытой.

В цивилизованных странах было установлено законом, сколько времени можно держать человека в заключении без соответствующих формальностей, таких как обвинение, адвокат, суд. Теперь Ллойд понял, что это не просто техническое ограничение: он мог остаться здесь навсегда.

Он узнал, что все находящиеся здесь заключенные – политические: коммунисты, социал-демократы, профсоюзные деятели и один священник.

Ночь тянулась медленно. Из них троих никто не спал. Ллойд не мог даже думать про сон. Когда через зарешеченное окно стал пробиваться серый утренний свет, дверь камеры наконец открылась. Но не вошли ни адвокаты, ни дипломаты – лишь два человека в передниках толкали тележку, на которой стоял большой бак. Они разлили поварешкой по мискам жидкую овсянку. Ллойд не стал ее есть, но выпил целую жестяную кружку кофе со вкусом жженого ячменя.

Ллойд предположил, что ночью в посольстве Великобритании дежурили лишь младшие дипломаты, не имеющие никакого веса. А утром, как только встанет сам посол, будут предприняты какие-то действия.

Через час после завтрака снова открылась дверь, но на этот раз за ней стояли только штурмовики. Они вывели заключенных и погрузили всех в грузовик – сорок или пятьдесят человек в одну машину с брезентовым тентом. Было так тесно, что можно было только стоять. Ллойд удалось оказаться рядом с Робертом и Йоргом.

Может быть, их везли в суд, пусть сегодня и воскресенье... Во всяком случае, он на это надеялся. Там хотя бы есть адвокаты, какое-то подобие соблюдения законности. Он подумал, что говорит достаточно бегло, чтобы по-немецки изложить свое дело, и стал мысленно репетировать речь. Он обедал с матерью в ресторане; потом увидел, как некто обчищает кассу, и вмешался в последовавшую драку. Ллойд представил себе перекрестный допрос. Его спросят, правда ли, что человек, на которого он набросился, был в одежде штурмовика.

А он ответит: «Я просто увидел вора, а какая на нем одежда – не заметил». В зале суда раздается смех, и обвинитель будет выглядеть глупо.

Их вывезли за город.

Они видели это через прорехи в брезентовых стенках кузова грузовика. Когда Ллойд уже казалось, что они проехали миль двадцать, Роберт сказал: «Мы в Ораниенбурге», – это был маленький городок к северу от Берлина.

Грузовик остановился перед деревянными воротами между кирпичными колоннами. Ворота охраняли двое штурмовиков с винтовками.

Страх Ллойда стал сильнее. А как же суд? Все это было больше похоже на лагерь военнопленных. Как можно сажать людей в тюрьму без решения судьи?

После недолгого ожидания грузовик въехал в ворота и остановился. Перед ним было несколько полуразвалившихся построек.

Ллойд волновался все больше. Прошлой ночью утешало хотя бы то, что Вальтер знал, где он. А сегодня, возможно, никому не удастся это узнать. Что, если в полиции просто скажут, что среди арестованных его нет и у них отсутствует запись о его аресте? Как его тогда спасут?

Они выбрались из грузовика и побрели к зданию, напоминавшему фабрику. Запах внутри стоял как в пабе. Может быть, раньше здесь была пивоварня.

Снова переписывали их имена. Ллойд был рад, что ведутся хоть какие-то записи их перемещений. Они были без веревок или наручников, но за ними непрерывно следили штурмовики с винтовками, и у Ллойда было тяжелое чувство, что эти молодчики только порадуются любому поводу пострелять.

Каждый получил холщовый тюфяк, набитый соломой, и тонкое одеяльце. Их загнали в развалюху, возможно бывшую когда-то складом. И началось ожидание.

В тот день никто за Ллойдом так и не пришел.

Вечером снова появилась тележка, снова бак с варевом, на этот раз – из репы и моркови. Каждому дали миску и кусок хлеба. Ллойд был голоден как волк – ведь он не ел уже сутки. Он в два счета разделался со своим скудным ужином и был готов съесть добавку.

Всю ночь где-то в лагере были собаки, три или четыре.

Ллойд чувствовал себя грязным. Уже вторую ночь он не менял одежду. Ему нужно было принять ванну, побриться, переменить рубашку. Санитарно-гигиенические условия были совершенно отвратительные – две бочки в углу.

Но завтра понедельник. Тогда уже что-нибудь произойдет.

Ллойд заснул около четырех. В шесть они проснулись от воплей штурмовика:

– Шляйхер! Йорг Шляйхер! Кто здесь Шляйхер?

Может быть, их все-таки освободят.

Йорг встал и сказал:

– Это я. Я Шляйхер.

– Пойдешь со мной, – сказал штурмовик.

– Зачем? Что вам от него нужно? – испуганно спросил Роберт. – Куда вы его ведете?

– Ты что, его мамочка? – сказал штурмовик. – Лечь и заткнуться. А ты, – он ткнул Йорга дулом винтовки, – на выход.

Глядя, как они идут, Ллойд спросил себя, почему он не двинул штурмовику и не выхватил винтовку. Он мог бы убежать. А если бы не вышло – что бы они ему сделали, бросили в тюрьму? Но в решающий момент мысль о побеге даже не пришла ему в голову. Неужели у него уже образ мыслей как у заключенного?

Он даже с нетерпением ждал, когда привезут овсянку.

Еще до завтрака их вывели наружу.

Они стояли вокруг небольшой, огороженной колючей проволокой площадки размером в четверть теннисного корта. Судя по виду, на ней могли держать что-то не особенно нужное, может быть, доски или шины. На утреннем холоде Ллойда начала пробирать дрожь: его пальто осталось в бистро «Роберт».

И тут он увидел, что к ним идет Томас Маке.

Поверх формы штурмовика полицейский детектив надел черное пальто. Ллойд заметил, что у него тяжелая походка человека с плоскостопием.

Следом за ним двое коричневорубашечников везли, держа за руки, голого человека с ведром на голове.

Ллойд с ужасом смотрел. Запястья заключенного были связаны за спиной, и ведро крепко привязано: чтобы оно не упало, веревка была продета под подбородком.

Это был худощавый, молодой на вид человек. Волосы у него на лобке были светлые.

– О боже милостивый, это же Йорг! – вдруг произнес со стоном Роберт.

Собрались все коричневорубашечники, что были в лагере. Ллойд нахмурился. Что сейчас будет, какая-нибудь жестокая потеха?

Йорга ввели на огороженную площадку и оставили там, дрожащего. Оба приведших его конвоира вышли. Они исчезли на несколько минут, а затем вернулись – каждый вел двух овчарок.

Теперь было понятно, почему всю ночь лаяли собаки.

Собаки были тощие, с болезненными проплешинами в рыжей шерсти. У них был голодный вид.

Штурмовики вели их к огражденной площадке.

У Ллойда появилось смутное, но ужасное предчувствие.

– Нет! – закричал Роберт. Он бросился вперед. – Нет, нет, нет! – он попытался открыть дверь загона. Трое или четверо штурмовиков грубо оттащили его. Он вырывался, но против него были сильные, молодые громилы, а ему под пятьдесят, и противостоять им он не мог. Его с презрением швырнули на землю.

– Нет, заставьте его смотреть! – сказал своим людям Маке.

Роберта подняли на ноги и повернули лицом к проволочному забору.

В загон заводили собак. Те были беспокойны, лаяли, из их ртов стекала слюна. Их держали двое штурмовиков, умело и без опаски, явно у них был опыт. Сколько раз они уже это делали, с тоской подумал Ллойд.

Штурмовики отцепили поводки и быстро вышли из загона.

Собаки бросились к Йоргу. Одна вцепилась ему в голень, другая – в руку, третья – в бедро. Из-под металлического ведра донесся сдавленный вопль страха и боли. Штурмовики засмеялись и захлопали в ладоши. Заключенные испуганно смотрели и молчали в безмолвном ужасе.

Первое потрясение прошло, и Йорг попытался защищаться. У него были связаны руки, и он ничего не видел, но мог отбиваться ногами. Однако голодные собаки обращали мало внимания на удары его босых ног. Они отскакивали и нападали снова, терзая острыми зубами его тело.

Он попытался бежать. С повисшими на ногах собаками он бросился вслепую по прямой, пока не врезался в проволочный забор. Штурмовики буйно загоготали. Йорг побежал в другую сторону – с тем же результатом. Собака вцепилась ему в зад и вырвала кусок мяса, и штурмовики зашлись в хохоте.

– За хвост! За хвост его кусай! – заорал штурмовик, стоявший рядом с Ллойдом. Ллойд понял, что «хвост» – по-немецки «шванц» – в просторечии означает «пенис».

Белое тело Йорга теперь все было в крови, текущей из множества ран. Повернувшись к собакам спиной, он прижался к проволочному забору, защищая гениталии, и бил ногами

назад и в стороны. Но его силы кончались. Удары становились слабее, он с трудом удерживался на ногах. Собаки осмелели, стали вырывать из тела и глотать кровавые куски.

Наконец Йорг осел на землю.

Собаки принялись за еду.

Инструктора вернулись в загон. Уверенными движениями они пристегнули поводки, оттащили собак от Йорга и увели.

Представление было окончено, и штурмовики стали расходиться, возбужденно галдя.

Роберт бросился за колючую проволоку, на этот раз его никто не остановил. Он, рыдая, склонился над Йоргом.

Ллойд помог ему развязать Йоргу руки и снять с головы ведро. Йорг был без сознания, но дышал.

– Давайте занесем его внутрь, – сказал Ллойд. – Берите за ноги.

Ллойд ухватил Йорга под мышки, и они вдвоем перетаскивали его в строение, где провели ночь. Они положили Йорга на тюфяк. Вокруг собрались заключенные, они были испуганы и подавлены. Ллойд надеялся, что кто-нибудь заявит, что он врач, – но никто не заявил.

Роберт сорвал с себя куртку и жилет, потом снял рубашку и стал вытирать кровь.

– Нужна чистая вода, – сказал он.

Во дворе была колонка. Ллойд вышел, но набрать воды было не во что. Он направился в загон. Ведро все еще лежало на земле. Он вымыл его и набрал воды.

Когда он вернулся, тюфяк был весь пропитан кровью.

Роберт намочил рубашку в воде и стал оmyвать раны Йорга, стоя на коленях у его тюфяка. Скоро белая рубашка стала красной.

Йорг шевельнулся.

– Лежи спокойно, мой родной, – тихо сказал ему Роберт. – Все кончилось, и я с тобой. – Но Йорг, казалось, не слышал.

Вошел Маке, следом за ним – четверо или пятеро коричневорубашечников. Он схватил Роберта за руку и оттащил от Йорга.

– Ну что! – сказал он. – Теперь ты видишь, как мы относимся к сексуальным извращениям.

Ллойд, указав на Йорга, яростно сказал:

– Извращенец – тот, кто все это устроил! – И, вложив в свои слова всю ярость и презрение, добавил обращение: – Комиссар Маке.

Маке легонько кивнул одному из коричневорубашечников. Обманчиво небрежным движением тот повернул винтовку и ударил Ллойда прикладом по голове.

Схватившись за голову, Ллойд упал на землю.

– Пожалуйста, позвольте мне выходить Йорга! – услышал он голос Роберта.

– Может, и позволю, – сказал Маке. – Сперва иди сюда.

Несмотря на боль, Ллойд открыл глаза, чтобы видеть происходящее.

Маке подтащил Роберта через комнату к грубому деревянному столу. Он вытащил из кармана какой-то документ и шариковую ручку.

– Теперь твой ресторан стоит в два раза дешевле, чем я тебе предлагал, – десять тысяч марок.

– Все, что угодно! – плача, ответил Роберт. – Позвольте мне быть с Йоргом!

– Подпиши здесь, – сказал Маке, – и сможете все трое отправиться домой.

Роберт подписал.

– Этот господин может быть свидетелем, – сказал Маке. Он протянул ручку одному из коричневорубашечников. Оглядев комнату, он встретился взглядом с Ллойдом.

– А вторым свидетелем, может быть, станет наш отчаянный гость из Англии.

– Ллойд, сделайте, как он скажет, – сказал Роберт.

Ллойд поднялся на ноги, потер гудящую голову, взял ручку и подписал.
Маке торжествующе сунул договор в карман и вышел.
Роберт и Ллойд вернулись к Йоргу.
Но Йорг был мертв.

VIII

Вальтер и Мод приехали проводить Этель и Ллойда на вокзал Лерте – чуть севернее выгоревшего рейхстага. Здание вокзала было построено в стиле «новый ренессанс» и напоминало французский дворец. Они прибыли рано и до прихода поезда зашли посидеть в вокзальное кафе.

Ллойд был рад, что уезжает. За эти шесть недель он многое узнал – это касалось и немецкого языка, и политики, но сейчас ему хотелось домой – рассказать всем об увиденном и предупредить, чтобы подобное не произошло и у них.

Но все равно, уезжая, он испытывал странное чувство вины. Он ехал туда, где власть принадлежит закону, пресса – свободна, а быть социал-демократом – не преступление. А семья фон Ульрихов оставалась жить при жестокой диктатуре, где невинный человек мог быть растерзан на куски собаками – и никого не привлекут к суду за это преступление.

Фон Ульрихи казались уничтоженными; Вальтер – даже больше, чем Мод. Они выглядели так, словно услышали ужасную новость или пережили смерть близкого человека. Казалось, они не в состоянии думать ни о чем, кроме произошедшей в их жизни катастрофы.

Ллойд был освобожден с многословными извинениями со стороны Министерства иностранных дел Германии и с пояснительным заявлением, в котором кротко, но лживо намекали, что он полез в драку по собственной глупости, а потом содержался под стражей из-за ошибки в документах, о чем власти глубоко сожалеют.

Вальтер сказал:

– Я получил от Роберта телеграмму. Он благополучно прибыл в Лондон.

Как гражданин Австрии, Роберт смог выехать из Германии без особых трудностей. Гораздо сложнее оказалось получить деньги. Вальтер потребовал, чтобы Маке положил деньги в швейцарский банк. Маке сначала сказал, что это невозможно, но Вальтер нажал на него, пригрозив обжаловать продажу в суде и сказав, что Ллойд готов свидетельствовать, что контракт был заключен под давлением, – и в конце концов Маке нажал на какие-то рычаги.

– Я рад, что Роберт выбрался, – сказал Ллойд. Еще больше он обрадуется, когда сам окажется в безопасности в Лондоне. Голова еще не зажила, и каждый раз, когда он переворачивался в постели, болели ребра.

– А почему бы и вам не поехать в Лондон? – спросила Этель. – Обоим. Я хочу сказать, всей семьей.

Вальтер посмотрел на Мод.

– Может, и стоило бы...

Но Ллойд видел, что всерьез он этого не думает.

– Вы сделали все, что могли, – сказала Этель. – Вы храбро сражались. Но противник победил.

– Еще не конец, – сказала Мод.

– Но вам грозит опасность!

– Германии тоже.

– Если бы вы перебрались жить в Лондон, Фиц, наверное, смягчился бы и помог вам.

Ллойд знал, что граф Фицгерберт был одним из самых богатых людей в Великобритании – на его землях в Южном Уэльсе находились угольные месторождения.

– Он бы мне не помог, – сказала Мод. – Фиц никогда не уступает, я это прекрасно знаю, и ты тоже.

– Ты права, – сказала Этель, и Ллойд про себя удивился, как она может быть в этом так уверена. Но спросить ему не удалось, так как Этель продолжила: – Но ты легко могла бы получить работу в лондонской газете, с твоим-то опытом.

– А что делать в Лондоне мне? – сказал Вальтер.

– Не знаю, – сказала Этель. – А здесь вы что собираетесь делать? Какой смысл быть избранным представителем в парламенте, который не имеет власти?

Ллойд чувствовал, что ее откровенность жестока, но, как обычно, она говорила то, что следовало сказать.

Ллойд было жаль их, но он понимал, что фон Ульрихи должны остаться.

– Я знаю, вам будет тяжело, – сказал он, – но если достойные люди будут бежать от фашизма, то он будет распространяться еще быстрее.

– Он все равно распространяется, – возразила его мать.

Мод внезапно удивила их, ожесточенно заявив:

– Я не поеду. Я наотрез отказываюсь покидать Германию.

Все молча смотрели на нее.

– Я немка, – сказала она. – Уже четырнадцать лет. Теперь это – моя страна.

– Но родилась ты в Англии, – сказала Этель.

– Страна – это прежде всего люди, живущие в ней, – сказала Мод. – Я не люблю Англию. Мои родители давно умерли, а брат от меня отрекся. Я люблю Германию. Для меня Германия – это мой чудесный муж Вальтер, мой заблудший сын Эрик, моя невероятно сообразительная дочь Карла, наша служанка Ада и ее ребенок-инвалид, моя подруга Моника и ее семья, мои коллеги-журналисты... Я остаюсь, чтобы бороться с нацистами.

– Ты уже сделала больше, чем тебе по силам, – мягко сказала Этель.

– Мой муж посвятил себя, свою жизнь, все свое бытие тому, чтобы сделать свою страну свободной и процветающей, – с чувством сказала Мод. – И я не хочу, чтобы из-за меня он отказался от дела всей жизни. Потеряв его, он потеряет свою душу.

Этель продолжила тему, как может только старый друг.

– Но все же, – сказала она, – у вас, наверное, есть искушение увезти детей в безопасное место...

– Искушение? Скажи лучше – стремление, одержимость, отчаянное желание! – Она заплакала. – У Карлы по ночам кошмары – ей снятся штурмовики, а Эрик по любому случаю надевает свою форму цвета дерьма... – Ллойд был потрясен ее горячностью. Он никогда не слышал, чтобы уважающая себя женщина произносила слово «дерьмо». – Конечно, я хочу их увезти... – продолжала она. Ллойд понял, как она измучена беспокойством. Она сжимала руки, словно мыла их, в отчаянии качала головой вправо-влево и говорила дрожащим и прерывающимся от внутренних противоречий голосом. – Но сделать это было бы неправильно, не только из-за нас, но и из-за них. Я не поддамся этому! Лучше страдать от зла, чем стоять рядом и ничего не делать!

Этель погладила Мод по руке.

– Прости, что я спросила об этом. Наверное, это было глупо с моей стороны. Мне следовало бы знать, что ты не станешь убегать.

– А я рад, что вы спросили, – сказал Вальтер. Он протянул руки и взял тонкие ладони Мод в свои. – У нас с Мод этот вопрос, невысказанный, висел в воздухе. И вот мы его обсудили. – Их соединенные руки замерли на столике. Ллойд редко думал о взаимоотношениях людей поколения его матери: люди среднего возраста, состоят в браке – казалось, этим все сказано. Но сейчас он видел, что между Вальтером и Мод существует сильная связь, намного сильнее, чем знакомая ему привычка, которую дает зрелый брак. Они не находились под

влиянием иллюзий: они знали, что, оставаясь здесь, они рискуют собственной жизнью и жизнью своих детей. Но у них было общее обязательство – и они не думали о смерти.

«Встречу ли я когда-нибудь такую любовь», – подумал Ллойд.

Этель взглянула на часы.

– О господи! – воскликнула она. – Мы же опоздаем на поезд!

Ллойд схватил вещи, и они побежали по перрону. Прозвучал свисток. Они успели на поезд в последний момент. Поезд тронулся – и они высунулись в окно.

Вальтер и Мод стояли на перроне, махали и становились все меньше и меньше, пока совсем не исчезли вдали.

Глава вторая 1935 год

I

– О буффальских девицах надо знать две вещи, – сказала Дейзи Пешкова. – Во-первых – они пьют как лошади, а во-вторых – все они страшные снобы.

Ева Ротман рассмеялась.

– Не может быть, – сказала она. Ее немецкий акцент уже почти исчез.

– К сожалению, это так и есть. – Они стояли в бело-розовой спальне Дейзи и примеряли ее наряды перед трехстворчатым, в полный рост зеркалом. – Пожалуй, вот эта, в сине-белую полоску, будет хорошо на тебе смотреться, – сказала Дейзи. – Как тебе? – она приложила к груди Евы блузку и обдумала результат. Кажется, контрастные цвета Еве шли.

Дейзи просматривала свой шкаф в поисках наряда, в котором Ева смогла бы поехать на пикник на берегу. Ева была не красавица, и всякие рюшечки и бантики, украшавшие большинство платьев Дейзи, выглядели бы на ней безвкусно. К ее решительным чертам лица больше подходили полосы.

У Евы были темные волосы и глубокие темно-карие глаза.

– Ты можешь носить яркие цвета, – сказала Дейзи.

Своей одежды у Евы было мало. Ее отец, еврейский доктор в Берлине, отдал все сбережения, чтобы отправить ее в Америку, и она приехала год назад, ничего не имея за душой. Благодаря пожертвованиям благотворителей ее отправили в школу-пансион, где училась Дейзи – они были ровесницы, обеим по девятнадцать. Но на летние каникулы Еве было некуда ехать, и Дейзи, не раздумывая, пригласила ее к себе.

Сначала мать Дейзи, Ольга, была против.

– Ведь ты же и так в школе целый год! Я жду не дождусь лета, когда ты будешь все время только со мной.

– Но мам, она правда замечательная! – сказала Дейзи. – Она очень милая, покладистая и такая верная подруга.

– Ты, наверное, просто ее жалеешь, потому что она беженка, сбежала от нацистов.

– Да наплевать мне на нацистов, она мне просто нравится.

– Это прекрасно, но она что, обязательно должна жить у нас?

– Но мам, ей же больше некуда деться!

И, как обычно, в конце концов Ольга позволила Дейзи делать как хочет...

– Снобы? – сказала Ева. – Не может быть, чтобы они так относились к тебе!

– Очень даже может.

– Но ты же такая хорошенькая и веселая!

Дейзи не сочла нужным это отрицать.

– Именно за это они меня терпеть не могут.

– А еще ты богата.

Это была правда. Отец Дейзи был богат, да и мать унаследовала состояние, и сама Дейзи, когда ей исполнится двадцать один год, должна была вступить в права наследования.

– Само по себе это ничего не значит. В этом городе важно, *насколько давно* твоя семья богата. Если ты работаешь – ты никто. Самые уважаемые люди города – те, кто живет на миллионы, полученные в наследство от прадедушек... – Она говорила с веселой насмешкой – чтобы скрыть негодование.

– К тому же твой отец – знаменитость! – сказала Ева.

– Его считают гангстером.

Дед Дейзи, Джозеф Вялов, был владельцем баров и отелей. Ее отец, Лев Пешков, использовал доходы деда, чтобы купить не приносящие прибыли театры варьете, и сделал из них кинозалы. Теперь у него была еще и студия в Голливуде.

– Как они могут так говорить? – возмутилась обиженная за подругу Ева.

– Все думают, что он был бутлегером. И, наверное, они правы. Не могу себе представить, как еще заработать на барах во время сухого закона. Как бы там ни было, но именно из-за этого маме никогда не предложат войти в Общество леди Буффало.

Обе посмотрели на Ольгу, сидевшую на кровати Дейзи за чтением «Буффало Сентинел». На фотографиях, сделанных в молодости, Ольга была писаной красавицей. Сейчас она выглядела неряшливо и невзрачно. Она потеряла интерес к своей внешности, хотя с энтузиазмом ходила по магазинам с Дейзи, никогда не считая денег, чтобы ее дочь выглядела как картинка.

Ольга подняла голову от газеты и сказала:

– Вряд ли, дорогая, им не нравится бывшее бутлегерство твоего отца. Но он русский иммигрант, и в тех редких случаях, когда ему приходит в голову посетить службу, он идет в Русскую ортодоксальную церковь на Айдиэл-стрит. А это не намного лучше, чем быть католиком.

– Как это несправедливо! – сказала Ева.

– Могу тебя предупредить, что евреев здесь тоже не очень-то любят, – сказала Дейзи. На самом деле Ева была еврейкой наполовину. – Извини за грубость.

– Груби сколько хочешь, после Германии для меня эта страна – просто земля обетованная.

– Не очень-то расслабляйся, – предупредила Ольга, – вот здесь в газете пишут, что многие ведущие бизнесмены терпеть не могут президента Рузвельта и восхищаются Адольфом Гитлером. Я знаю, что это правда, потому что к ним относится и отец Дейзи.

– Политика – такая скука! – сказала Дейзи. – Неужели в «Сентинеле» нет ничего интересного?

– Есть. Маффи Диксон будет представлена при британском дворе.

– Везет, – кисло сказала Дейзи, не в состоянии скрыть зависть.

Ольга зачитала:

– В следующий вторник супруга посла США миссис Роберт В. Бингхэм представит в Букингемском дворце мисс Мюриэль Диксон, дочь покойного Чарльза («Чака») Диксона, погибшего во время войны во Франции...

Дейзи подумала, что хватит с нее разговоров про Маффи Диксон.

– В Париже я была, а вот в Лондоне – никогда, – сказала она Еве. – А ты?

– Я тоже, – сказала Ева. – Это плавание для меня – первая поездка за пределы Германии.

– О боже! – вдруг сказала Ольга.

– Что случилось? – спросила Дейзи.

Мать скомкала газету.

– Твой отец появился в Белый дом с Глэдис Энджелус.

– О! – Дейзи словно получила пощечину. – Но он же обещал взять туда меня!

Президент Рузвельт устроил прием для сотни бизнесменов в надежде, что они поддержат его новую экономическую политику, «Новый курс». Лев Пешков считал Франклина Д. Рузвельта чуть ли не коммунистом, но ему было лестно, что его пригласили в Белый дом. Однако Ольга отказалась его сопровождать, гневно сказав:

– Я не желаю притворяться перед президентом, будто у нас нормальный брак.

Лев официально жил здесь, в довоенном особняке в стиле прерий, построенном еще дедом Вяловым, но ночи в основном проводил в квартире, которую купил для Марги – женщины, много лет бывшей его любовницей, – в модном районе, в центре города. Кроме этого, все подозревали, что у него роман с главной звездой его студии, Глэдис Энджелус. Дейзи понимала, почему ее мать чувствовала себя отвергнутой: Дейзи тоже считала себя брошенной, когда отец уезжал на весь вечер к своей другой семье.

Она пришла в восторг, когда он предложил ей сопровождать его вместо матери в Белый дом. И она уже всем рассказала, что идет в Белый дом. Никто из ее друзей не встречался с президентом, кроме братьев Дьюаров, у которых отец – сенатор.

Лев не сказал ей точной даты, и она ждала, что он сообщит ей о поездке в последнюю минуту, что было у него в обыкновении. Но он передумал – а может быть, просто забыл. Как бы там ни было, он снова ее бросил.

– Детка, мне так жаль, – сказала мама. – Но для твоего отца обещания мало что значат.

Ева смотрела на нее с сочувствием. От ее жалости было еще хуже. Ее собственный отец был за тысячи миль отсюда, и она могла никогда больше его не увидеть, – но она жалела Дейзи, словно той было хуже.

Дейзи стало досадно. Она не позволит, чтобы это испортило ей день!

– Ну, значит, я буду единственной девчонкой в Буффало, на чье место взяли Глэдис Энджелус, – сказала она. – Так что же мне надеть?

В этом году в Париже носили невероятно короткие юбки, но в консервативном Буффало за модой следовали на расстоянии. Однако у Дейзи было теннисное платье до колена – небесно-голубое, под цвет ее глаз. Может быть, именно сегодня стоит его надеть? Она стянула с себя платье и надела новое.

– Ну, как вы думаете?

– Ой, Дейзи, – сказала Ева, – прекрасное платье, но...

– У всех глаза на лоб вылезут, – сказала Ольга. Ей нравилось, когда Дейзи одевалась вызывающе, – наверное, вспоминала собственную молодость.

– Дейзи, но если там все такие снобы, – сказала Ева, – то зачем тебе идти на праздник?

– Там будет Чарли Фаркуарсон, а я думаю выйти за него замуж, – сказала Дейзи.

– Ты серьезно?

– Это очень выгодная партия, – заявила Ольга.

– А что он собой представляет?

– Совершенно очаровательный, – сказала Дейзи. – Не самый красивый мальчик в Буффало, но нежный и добрый и довольно застенчивый.

– Судя по твоему рассказу, он очень непохож на тебя.

– Противоположности притягиваются.

– Фаркуарсоны – одна из старейших семей в Буффало, – снова подала голос Ольга.

– А они снобы? – приподняла темные брови Ева.

– Еще какие! – сказала Дейзи. – Но отец Чарли потерял все деньги во время краха на Уолл-стрит, а потом умер – по словам некоторых, покончил с собой, – так что им нужно восстанавливать семейное состояние.

Ева ошарашенно посмотрела на нее:

– Неужели ты хочешь, чтобы он женился на тебе из-за денег?

– Нет. Он женится на мне, потому что я его очарую. А вот его мать примет меня в семью из-за денег.

– Ты говоришь, что очаруешь. Он еще ничего об этом не знает?

– Пока еще нет, но я думаю, сегодня вечером можно начать. Да, это определенно подходящее платье.

Дейзи надела небесно-голубое платье, а Ева – в сине-белую полоску. Собравшись, они увидели, что опаздывают.

Мать Дейзи не желала нанимать на работу шофера. «Я вышла замуж за отцовского шофера – и это погубило мою жизнь», – говорила она порой. Она боялась, что и Дейзи может выкинуть что-нибудь в этом роде, поэтому так и сосредоточилась на Чарли Фаркуарсоне. Если ей было нужно отправиться куда-нибудь в своем скрипучем «стутце» двадцать пятого года выпуска, то она приказывала садовнику Генри снять галоши и надеть черный костюм. Но у Дейзи был свой автомобиль, красный «шевроле» «спорт-купе».

Дейзи нравилось водить машину, она любила ощущать ее силу и скорость. Они направились к южной окраине города. Она почти жалела, что до берега всего пять или шесть миль.

За рулем она думала, какой будет ее жизнь, когда она станет женой Чарли. Благодаря ее состоянию и его положению они займут первое место в буффальском обществе. Когда они будут устраивать приемы, столовое серебро и фарфор будут столь изысканными, что у всех захватит дух от восхищения. У них будет самая большая яхта в гавани, и они будут устраивать на борту вечеринки для других богатых, любящих веселье пар. О приглашении к миссис Чарльз Фаркуарсон будут мечтать. Ни одно благотворительное мероприятие не обойдется без имен Дейзи и Чарли в начале списка. В мечтах она видела себя в изысканном парижском платье, идущей через толпу восхищенных мужчин и женщин, благосклонно улыбаясь в ответ на их комплименты.

Она продолжала мечтать, пока они не приехали на место.

Город Буффало находился на севере штата Нью-Йорк, у самой границы с Канадой. Вудлон-Бич представлял собой песчаный пляж длиной в милю на берегу озера Эри. Дейзи припарковала машину, и они пошли пешком через дюны.

На пляже уже было человек пятьдесят-шестьдесят. Это были юные отпрыски элиты Буффало, привилегированные юноши и девушки, приезжавшие в Буффало на лето; днем они катались на яхтах и водных лыжах, а ночи проводили на вечеринках и танцах. Дейзи здоровалась со всеми, кого знала, а знала она почти всех, и всем вокруг представляла Еву. У них в руках оказались бокалы с пуншем. Дейзи осторожно попробовала: кое-кто из мальчишек мог ради смеха подлить в пунш пару бутылок виски.

Вечеринку устраивали родители Дот Реншоу, острой на язык девицы, которую никто не хотел брать замуж. Реншоу, как и Фаркуарсоны, были старинной семьей, но их состояние не пострадало в кризис. Дейзи не преминула подойти к хозяину, отцу Дот, и поблагодарить его.

– Простите, что мы опоздали, – сказала она. – Я и не заметила, что уже так поздно.

Филип Реншоу оглядел ее с головы до ног.

– Какое короткое платье... – в его взгляде осуждение боролось с вожделением.

– Я так рада, что вам понравилось, – сказала Дейзи, делая вид, что он сказал ей прямой комплимент.

– Но в конце концов, хорошо, что вы вообще приехали, – продолжал он. – Сейчас подьедет фотограф из «Сентинела», надо же, чтобы на фото было хоть несколько симпатичных девчонок.

– Теперь понятно, почему меня пригласили, – шепнула Дейзи Еве. – Как мило с его стороны сообщить мне об этом!

К ним подошла Дот. У нее было худое лицо и острый нос. Дейзи всегда казалось, что она вот-вот ее клонет.

– А я думала, что ты поехала с отцом на встречу с президентом, – сказала она.

Дейзи была готова провалиться сквозь землю. Ну зачем она хвасталась направо и налево!

– Насколько я понимаю, – продолжала Дот, – он взял свою, ну, ведущую актрису. Это необычно, во всяком случае, для Белого дома.

– Я думаю, президенту приятно иногда и с кинозвездой встретиться, – сказала Дейзи. – Должно быть и в его жизни немного романтики, правда?

– Не думаю, что это понравилось Элеоноре Рузвельт. «Сентинел» пишет, все остальные приглашенные были с женами.

– Какие заботливые мужья, – сказала Дейзи и отвернулась, отчаянно мечтая отделаться от Дот.

Она заметила Чарли Фаркуарсона, устанавливающего на пляже теннисную сетку. Он слишком добродушен, чтобы смеяться над ней из-за Глэдис Энджелус.

– Как дела, Чарли? – весело окликнула она.

– Нормально, пожалуй, – он выпрямился, высокий двадцатипятилетний парень, чуть полноватый и слегка сутулящийся, словно боясь смутить окружающих своим высоким ростом.

Дейзи представила ему Еву. В компании Чарли был очаровательно неловок, особенно с девушками, но он сделал над собой усилие и спросил Еву, как ей нравится Америка и какие известия она получает от семьи, оставшейся в Берлине.

Ева спросила, нравится ли ему на пикнике.

– Не очень, – честно ответил он. – Я бы с большим удовольствием остался дома, со своими собаками.

Наверняка с питомцами ему проще, чем с девчонками, подумала Дейзи. Но упоминание о собаках заинтересовало ее.

– А какие у тебя собаки? – спросила она.

– Терьеры Джека Рассела.

Дейзи взяла на заметку.

К ним подошла угловатая женщина лет пятидесяти.

– Господи, Чарли! Ты до сих пор не поставил эту сетку?

– Сейчас, мам, – сказал он.

Нора Фаркуарсон надела на пикник алмазные серьги-гвоздики, золотой теннисный браслет² и кольцо от Тиффани – значительно больше украшений, чем требуется для пикника. Дейзи отметила, что «бедность» Фаркуарсонов была относительной. Говорили, что они потеряли все – но при этом у миссис Фаркуарсон была служанка, шофер и пара лошадей для прогулок в парке.

– Здравствуйте, миссис Фаркуарсон, – сказала Дейзи. – Это моя подруга Ева Ротман из Берлина.

– Здравствуйте, – сказала Нора Фаркуарсон, не подавая руки. Она не считала нужным держаться любезно ни с русскими нуворишами, ни тем более с их гостьей-еврейкой.

Тут ее осенило.

– О, Дейзи, вы можете обойти гостей и узнать, кто хочет играть в теннис.

Дейзи знала, что она для них вроде служанки, но решила стерпеть.

– Хорошо, – сказала она. – Наверное, делать смешанные пары?

– Хорошая мысль... – Миссис Фаркуарсон достала огрызок карандаша и клочок бумаги. – Составьте список.

Дейзи мило улыбнулась и вынула из сумочки золотую ручку и маленький блокнотик в переплете из бежевой кожи.

– У меня все есть.

Она знала, кто играет в теннис, и знала, кто играет хорошо, а кто плохо. Она входила в теннисный клуб, куда принимали не так избирательно, как в яхт-клуб. Еву она поставила в паре с Чаком Дьюаром, четырнадцатилетним сыном сенатора Дьюара. Джоанну Рузрок – с

² Тонкий браслет с драгоценными камнями (прим. пер.).

его старшим братом, Вуди Дьюаром, который в свои пятнадцать уже был такой же высокий, как его отец-каланча. Себя она, разумеется, вписала с Чарли.

Вдруг с неприятным чувством Дейзи заметила смутно знакомое лицо и узнала своего сводного брата, Грега, сына Марги. Встречались они нечасто, и она не видела его уже год. За это время он стал совсем взрослым. Он вырос на шесть дюймов, и, хотя ему было всего пятнадцать, у него уже начинала пробиваться борода. В детстве он был неряхой – и ничуть не изменился. Одежда у него была дорогая, но носил он ее небрежно: рукава спортивной куртки были закатаны, полосатый галстук свободно болтался на шее, отвороты льняных брюк намокли в море, и к ним пристал песок.

Сталкиваясь с Грегом, Дейзи всегда чувствовала себя неловко. Он был живым напоминанием о том, что отец бросил Дейзи и ее мать ради Грега и Марги. Она знала, что у многих женатых мужчин случались романы, но отец выставлял свою личную жизнь на всеобщее обозрение. Отцу следовало бы переселить Маргу с Грегом в Нью-Йорк, где никто никого не знает, или в Калифорнию, где в супружеской измене не видят ничего дурного. А здесь они были несмываемым пятном, а Грег – одной из причин, почему на Дейзи смотрели с презрением.

Он вежливо спросил, как у нее дела, и она ответила:

– Я сейчас злая как собака, если хочешь знать. Отец меня так подвел! В который раз.

– А что он сделал? – осторожно спросил Грег.

– Предложил мне пойти с ним на прием в Белый дом – а потом взял с собой эту девицу Глэдис Энджелус. Теперь надо мной все смеются.

– Должно быть, это ради рекламы нового фильма «Страсть», в котором она снялась.

– Ты всегда его защищаешь, потому что он любит тебя больше, чем меня.

– Может быть, это потому, что я им восхищаюсь, а не жалуюсь на него все время? – сказал он с досадой.

– А я и не... – начала Дейзи, но поняла, что так и есть. – Ну, может быть, и жалуюсь, но он же должен выполнять обещания, правда?

– Ему слишком о многом приходится думать.

– Может быть, не надо было заводить кроме жены еще двух любовниц?

– Да, он едва успевает поворачиваться, – пожал плечами Грег.

Оба заметили случайную двусмысленность и, помолчав, прыснули.

– Ладно, тебя-то мне не в чем винить, – сказала Дейзи, – Ты же не просил, чтобы тебя рожали.

– А мне следует тебя простить за то, что на целых три ночи в неделю он уходил к тебе, как я ни плакал и ни просил его остаться.

Дейзи никогда не смотрела на это с его стороны. Ей Грег представлялся захватчиком, незаконным ребенком, который отнимал у нее отца. А сейчас она поняла, что ему так же плохо, как и ей.

Она внимательно посмотрела на него. Ей пришло в голову, что он, должно быть, нравится девчонкам. Однако для Евы он слишком юн. И вполне может оказаться таким же эгоистичным и ненадежным, как их отец.

– Ну ладно, – сказала она. – А в теннис ты играешь?

Он покачал головой.

– Таких, как я, в теннисный клуб не принимают... – Он изобразил безразличную усмешку, и Дейзи поняла, что буффальское общество отвергает Грега так же, как и ее. – Я играю в хоккей с шайбой, – сказал он.

– Жалко, – сказала она и пошла дальше.

Когда список стал достаточно большим, она вернулась к Чарли, который наконец установил сетку. Она послала Еву собирать первую четверку. Потом сказала Чарли:

– Помоги мне нарисовать таблицу соревнования.

Они бок о бок опустились на колени и начали рисовать таблицу: с клетками для победителей, финалистов и полуфиналистов. Вписывая фамилии, Чарли спросил:

– Ты любишь ходить в кино?

«Уж не собирается ли он назначить мне свидание?» – подумала Дейзи.

– Конечно, – сказала она.

– А ты случайно не смотрела фильм «Страсть»?

– Нет, Чарли, не смотрела, – с досадой ответила она. – Там играет любовница моего отца.

Он был ошарашен.

– Но в газетах писали, что они просто друзья...

– И как ты думаешь, с какой стати мисс Энджелус, которой едва исполнилось двадцать, так дружит с моим сорокалетним отцом? – язвительно спросила Дейзи. – Что, ты думаешь, ей в нем нравится – его редящие волосы? Или растущий живот? Или его пятьдесят миллионов долларов?

– А, понятно, – сконфуженно сказал Чарли. – Извини.

– Не за что извиняться. Я просто злюсь. Ты не такой, как другие, – ты не подозреваешь в человеке худшее как само собой разумеющееся.

– Наверное, я просто слишком тупой.

– Нет, ты просто слишком славный.

Чарли был смущен, но доволен.

– Давай рисовать дальше, – сказала Дейзи. – Надо поторапливаться, чтобы лучшие игроки смогли добраться до финала.

Снова появилась Нора Фаркуарсон. Она посмотрела на Чарли и Дейзи, сидящих бок о бок на песке, потом изучила их рисунок.

– Нормально получилось, мам, как ты думаешь? – сказал Чарли. Было видно, как ему нужно ее одобрение.

– Отлично, – сказала она и оценивающе взглянула на Дейзи, словно собака, увидевшая, что к ее щенкам подошел чужой.

– Основную часть сделал Чарли, – сказала Дейзи.

– Нет, – резко сказала миссис Фаркуарсон. Она перевела взгляд на Чарли и обратно. – Ты умная девочка, – сказала она. Похоже было, что она хочет что-то добавить, но не решается.

– И что? – спросила Дейзи.

– Ничего, – сказала та и отошла.

Дейзи встала.

– Я знаю, о чем она думает, – шепнула она Еве.

– О чем?

– «Ты умная девочка – и почти подошла бы моему сыну, будь ты из семьи получше».

– Ты не можешь знать наверняка, – с сомнением отозвалась Ева.

– Я совершенно уверена. И я выйду за него замуж хотя бы для того, чтоб доказать, что она не права.

– Ах, Дейзи, ну почему тебе так важно, что думают эти люди?

– Пойдем смотреть теннис.

Дейзи села на песок рядом с Чарли. Может, он и некрасив, но он будет обожать свою жену и сделает для нее все, что угодно. Со свекровью будет тяжело, но Дейзи думала, что сможет с ней поладить.

Мяч подавала высокая Джоан Рузрок в белой юбке, хорошо смотревшейся на ее длинных ногах. Ее партнер Вуди Дьюар – он был еще выше – передал ей мяч. Что-то в его взгляде

на Джоан сказало Дейзи, что она ему нравится, может быть, он даже влюблен. Но ему было пятнадцать, а ей – восемнадцать, так что у этого романа будущего не было.

Она обернулась к Чарли.

– Может быть, мне все-таки стоит посмотреть «Страсть».

Он не понял намека.

– Может быть, и стоит, – отозвался он безразлично. Момент был упущен.

Дейзи повернулась к Еве.

– Интересно, где мне достать терьера Джека Рассела?

II

Лев Пешков был лучшим отцом, какой только может быть у человека, – или как минимум был бы, если бы он больше времени проводил с сыном. Он был богат и щедр, умнее кого угодно и даже со вкусом одевался. Наверняка он был красив, когда был помоложе, – да и сейчас женщины не давали ему проходу. Грег Пешков его обожал, и единственное, на что он мог пожаловаться, – что мало его видел.

– Надо было продать этот дрянной заводик, когда была возможность, – сказал Лев, проходя вместе с Грегом по молчаливым, обезлюдившим цехам. – Он работал в убыток еще до забастовки. Надо было ограничиться кино и барами... – Он наставительно погрозил пальцем. – Бухло покупают всегда, и в хорошие времена, и в плохие. И в кино ходят, даже когда не могут себе этого позволить. Никогда этого не забывай!

Грег был совершенно уверен, что его отец нечасто делал ошибки в бизнесе.

– Так почему же ты его оставил?

– Из сентиментальности, – ответил Лев. – Когда я был в твоем возрасте, я работал на таком предприятии, на Путиловском заводе в Петербурге... – Он оглядел печи, литейные формы, подъемники, токарные станки и верстаки. – На самом деле там было намного хуже.

Буффальский металлургический завод изготавливал пропеллеры всех размеров и даже огромные гребные винты для кораблей. Грег особенно интересовался расчеты изгибов лопастей. В своем классе он был первым по математике.

– Ты был там инженером? – спросил он.

Лев усмехнулся.

– Я говорю так, когда мне надо произвести впечатление. Но на самом деле я работал на конюшне, был подручным конюха. А с механизмами у меня никогда не ладилось, другое дело – мой брат Григорий... Ты в него пошел. Но все равно, никогда не занимайся литейным производством.

– Не буду.

Грег собирался все лето следовать тенью за отцом, изучая его бизнес. Лев только что вернулся из Лос-Анджелеса, и сегодня у Грега был первый день занятий. Но литейное производство ему было не нужно. У него хорошо шла математика, но интересовала его власть. Ему хотелось, чтобы отец взял его в Вашингтон в одну из своих частых поездок по делам продвижения фильмов. Именно там принимались решения.

Он с нетерпением ждал ланча. Они с отцом должны были встретиться с сенатором Гасом Дьюаром. Грег хотел попросить сенатора об одолжении. Но с отцом он еще это не обсуждал. Ему было страшно заговаривать на эту тему, и вместо этого он спросил:

– А о своем брате, оставшемся в Петербурге, ты получаешь какие-нибудь известия?

Лев покачал головой.

– После войны – нет. Я бы не удивился, узнав, что он умер. Многие старые большевики исчезли.

– Кстати о родственниках, в субботу я видел свою сводную сестру. Она была на том пляжном пикнике.

– Хорошо вы там время провели?

– Она на тебя страшно сердится, ты об этом знаешь?

– Что я натворил на этот раз?

– Ты сказал, что пойдешь в Белый дом с ней, а пошел с Глэдис Энджелус.

– А, верно. Совсем забыл. Но мне же была нужна реклама для «Страсти».

К ним подошел высокий человек в полосатом костюме, слишком крикливом даже по нынешней моде. Он коснулся края шляпы и сказал:

– Утро, босс.

– Джо Брехунов здесь начальник охраны. Джо, это мой сын Грег.

– Оч приятно, – сказал Брехунов.

Грег пожал ему руку. Как на многих заводах, здесь была своя полиция. Но Брехунов больше походил на бандита, чем на полицейского.

– Все спокойно? – спросил Лев.

– Ночью было небольшое происшествие. Два механика пытались стащить кусок пятнадцатидюймовой стальной полосы, авиационной стали. Мы их поймали, когда они передавали ее через забор.

– Вызвали полицию? – сказал Грег.

– Не было необходимости, – ухмыльнулся Брехунов. – Мы с ними немножко побеседовали о том, что такое частная собственность, – и отправили в больницу подумать об этом.

Грег не удивился, узнав, что охрана отца так избивает воров, что они попадают в больницу. Несмотря на то что Лев в жизни не ударил ни его, ни мать, Грег чувствовал, что под внешней обходительностью отца скрывается не так уж далеко спрятанная жестокость. Это оттого, что юность отца прошла в трущобах Петербурга, думал он.

Из-за печи вышел внушительного вида человек в синем костюме и рабочей кепке.

– Это руководитель профсоюза Брайан Холл, – сказал Лев. – Привет, Холл.

– Привет, Пешков.

Грег приподнял брови. Обычно к его отцу обращались «мистер Пешков».

Лев стоял, широко расставив ноги, руки в боки.

– Ну что, даете мне ответ?

Лицо Холла приняло упрямое выражение.

– Люди не вернутся на работу за новую, урезанную плату, – если вы об этом.

– Я же пересмотрел свое предложение по оплате!

– Но все равно она осталась урезанной.

Грег забеспокоился. Отец не любил, когда с ним спорили, и мог взорваться.

– Мой управляющий говорит, что мы не получаем заказов, потому что при таком уровне зарплат не можем предложить выгодную цену.

– Нет, Пешков, это потому, что у вас устаревшее оборудование. Некоторые станки стоят еще с довоенных времен. Нужно обновить оборудование.

– В разгар депрессии? Вы что, сдурели? Я не желаю и дальше бросать деньги на ветер!

– Вот так же думают и ваши рабочие, – сказал Холл с таким видом, с каким игрок кладет козырную карту. – Они не желают уступать вам ни цента, когда им самим так туго приходится.

Грег подумал, что рабочие – идиоты, раз бастуют во время депрессии, и наглость Холла его злила. Этот человек говорил с его отцом на равных, а не как подчиненный с начальством.

– Что же, дело обстоит так, что мы все теряем в деньгах, – сказал Лев. – Какой же в этом смысл?

– Сам я уже ни на что повлиять не могу, – сказал Холл. Грегу почудилось в его тоне высокомерие. – Профсоюз послал сюда людей, они и будут разбираться в этой ситуации. – Он вынул из жилетного кармана большие металлические часы. – Их поезд прибудет через час.

Лицо Льва потемнело.

– Еще не хватало, чтобы приезжали какие-то чужаки и устраивали здесь скандал!

– Если вам не нужен скандал, не следует его провоцировать.

Лев сжал руку в кулак, но Холл уже ушел.

Лев повернулся к Брехунову.

– Ты знал об этих профсоюзниках из центра? – гневно сказал он.

Брехунов занервничал.

– Я немедленно этим займусь, босс.

– Узнай, что за люди и где остановились.

– Это будет нетрудно.

– А потом отправь назад в их поганый Нью-Йорк в машине «скорой помощи».

– Можете на меня положиться, босс.

Лев пошел дальше, и Грег последовал за ним. Вот это власть, подумал Грег с некоторым даже благоговением. Стоит отцу слово сказать – и из профсоюзных активистов котлету сделают.

Они вышли из здания завода и сели в автомобиль Льва, «кадиллак»-седан на пять пассажиров, новый, обтекаемой формы. Его длинные округлые крылья напоминали Грегу женские бедра.

Лев поехал по Портер-авеню до берега и припарковал машину у буффальского яхт-клуба. На бортах покачивающихся на воде судов весело играло солнце. Грег был совершенно уверен, что отец не входит в этот элитарный клуб. А вот Гас Дьюар наверняка входит.

Они пошли к пристани. Клуб был построен на сваях, над водой. Лев и Грег вошли и сняли шляпы. Грег сразу же почувствовал себя неловко, зная, что находится в качестве гостя в клубе, в члены которого его бы ни за что не приняли. Эти люди, наверное, думают, что он должен считать себя польщенным, что его впустили. Он сунул руки в карманы и принял независимый вид, чтобы они знали, что обстановка его не впечатляет.

– Когда-то я состоял в этом клубе, – сказал отец. – Но в двадцать первом году председатель сказал мне, что я должен выйти из клуба, потому что я бутлегер. А потом попросил продать ему ящик виски.

– А для чего сенатор Дьюар пригласил тебя на ланч?

– Сейчас узнаем.

– Ты не будешь против, если я обращусь к нему с одной просьбой?

Лев недоуменно сдвинул брови.

– Наверное, нет. Что это ты затеял?

Но прежде чем Грег успел ответить, Лев уже здоровался с человеком лет шестидесяти.

– Это Дейв Рузрок, – сообщил он Грегу. – Мой главный соперник.

– Вы мне льстите, – сказал тот.

«Театры Рузрок» представляли собой сеть разваливающихся от старости кинотеатров по всему штату Нью-Йорк. А вот об их владельце никак нельзя было сказать, чтобы он выглядел старой развалиной. У него был величественный вид: высокий, седовласый, с носом как изогнутый клинок. На нем был голубой кашемировый блейзер со значком клуба на нагрудном кармане. Грег сказал:

– В субботу я имел удовольствие наблюдать, как играет в теннис ваша дочь Джоан.

– Неплохо, правда? – довольно сказал Дейв.

– Отлично!

Лев сказал:

– Как хорошо, Дейв, что я вас встретил. Я собирался вам звонить.

– Зачем?

– Ваши кинотеатры нуждаются в перестройке. Очень уж они старомодные.

Дейва, казалось, это позабавило.

– Вы хотели мне позвонить, чтобы сообщить эту новость?

– Вы не хотите что-нибудь с ними сделать?

Дейв элегантно пожал плечами.

– Зачем мне эти хлопоты? Денег, что они приносят, мне хватает. В моем возрасте не следует перенапрягаться.

– Ваш доход мог бы вырасти вдвое.

– Вместе с ценой на билеты? Нет, спасибо.

– Вы сумасшедший.

– Не все же думают только о деньгах, – сказал Дейв с ноткой презрения.

– Ну так продайте их мне, – сказал Лев.

Грег удивился. Он этого не ожидал.

– Я дам за них хорошую цену, – добавил Лев.

Дейв покачал головой.

– Мне нравится быть владельцем кинотеатров, – сказал он. – Они дают людям удовольствие.

– Восемь миллионов долларов, – сказал Лев.

Грег был ошеломлен.

«Неужели я не ослышался? – подумал он. – Отец предложил Дейву восемь миллионов долларов?»

– Это хорошая цена, – признал Дейв. – Но я не продам.

– Никто другой не даст вам столько! – раздраженно сказал Лев.

– Знаю. – Дейву, похоже, надоел этот напор. Он залпом допил свой стакан. – Рад был повидать вас обоих. – И он неторопливо вышел из бара в обеденный зал.

Лев посмотрел ему вслед с отвращением.

– «Не все же думают только о деньгах», – повторил он слова Дейва. – Сто лет назад его дед приехал сюда из Персии, и у него не было ничего, кроме одежды, что на нем, да шести ковров. Уж он бы не отказался от восьми миллионов долларов.

– Я и не знал, что у тебя есть столько денег.

– Их и нет – во всяком случае, наличными и наготове. Для этого и существуют банки.

– Значит, чтобы заплатить Дейву, ты бы взял кредит?

Лев поднял указательный палец.

– Никогда не используй собственные деньги, если можешь потратить чьи-то еще.

В бар вошел Гас Дьюар, высокий человек с большой головой. Ему было сильно за сорок, и в его светло-шатеновых волосах, словно крупинки соли, поблескивало серебро. Он приветствовал их с холодной учтивостью, пожал им руки и предложил напитки. Грег тут же понял, что Гас и Лев недолюбливают друг друга. Это могло означать, что Гас не выполнит просьбу, с которой Грег хотел к нему обратиться. Может быть, не стоит даже и пытаться.

Гас был большой шишкой. До него сенатором был его отец. Такая династическая последовательность, думал Грег, это не по-американски. Гас помогал Франклину Рузвельту стать губернатором Нью-Йорка, а затем президентом. Теперь он входил в обладающий властью Комитет по иностранным делам.

Его сыновья, Вуди и Чак, ходили в одну школу с Грегом. Вуди был башковит, Чак – спортсмен.

Лев сказал:

– Неужели президент велел вам уладить дело с моей забастовкой, сенатор?

– Нет, – улыбнулся Гас. – Во всяком случае, пока – нет.

Лев повернулся к Грегу.

– В прошлый раз, когда этот завод бастовал, – двадцать лет назад, – президент Вильсон послал Гаса припугнуть меня, чтобы я дал рабочим прибавку.

– Я помог вам сэкономить, – мягко сказал Гас. – Они требовали прибавить доллар, а я заставил их согласиться на половину.

– Что было ровно на пятьдесят центов больше, чем я собирался дать.

Гас улыбнулся и пожал плечами.

– Пойдемте в обеденный зал?

Они прошли в зал. Когда они сделали заказ, Гас сказал:

– Президент был рад, что вы смогли прийти на прием в Белый дом.

– Наверное, мне не следовало приводить Глэдис, – сказал Лев. – Миссис Рузвельт держалась с ней несколько прохладно. Может быть, ей не нравятся киноактрисы.

«Ей совершенно точно не нравятся киноактрисы, которые спят с чужими мужьями», – подумал Грег, но оставил свои мысли при себе.

За едой Гас вел светскую беседу. Грег ждал возможности обратиться со своей просьбой. Он хотел летом поработать в Нью-Йорке, чтобы обзавестись связями и найти выходы на нужных людей. Ему мог помочь устроиться на стажировку отец, но – у республиканцев, а у них власти не было. Грег хотел работать в команде сенатора Дьюара, человека влиятельного и уважаемого, личного друга и помощника президента.

Он сам не знал, почему так боится заговорить об этом. В худшем случае Дьюар просто скажет «нет».

Когда покончили с десертом, Гас перешел к делу.

– Президент просил меня поговорить с вами о Лиге свободы.

Грег слышал об этой организации, это была правая группа, противостоящая «новому курсу» президента.

Лев зажег сигарету и затянулся.

– Мы должны остерегаться, чтобы к нам не проник социализм.

– Единственное наше спасение от кошмара, подобного тому, что творится сейчас в Германии, – «новый курс».

– Лига свободы – не нацисты.

– Разве? Они планируют вооруженное восстание с целью сместить президента. Конечно, это нереально – пока, во всяком случае.

– Я полагаю, у меня есть право на собственное мнение.

– Но вы поддерживаете не тех людей. Вы же понимаете, что никакого отношения к свободе эта Лига не имеет.

– Вы мне не рассказывайте о свободе! – начиная сердиться, сказал Лев. – Когда мне было двенадцать лет, меня выпороли питерские полицейские – за то, что мои родители бастовали.

Грег не понял, почему отец заговорил об этом. Жестокость царского режима казалась скорее доводом в пользу социализма, а не против.

– Рузвельту известно, что вы даете деньги Лиге, и он хотел бы, чтобы вы этого не делали.

– А откуда ему известно, кому я даю деньги?

– Ему сообщает ФБР. Они ведут наблюдение за такими людьми.

– Мы живем в полицейском государстве! А ведь считается, что вы – либерал.

Грег подумал, что в аргументах отца маловато логики. Лев хватался за любое средство, какое только приходило ему в голову, чтобы сбить Гаса с толку, и не обращал внимания, что по ходу дела сам себе противоречит.

Гас оставался спокоен.

– Я надеюсь, что получится не доводить дело до полиции, – сказал он.

Лев усмехнулся.

– А президент знает, что я увел у вас невесту?

Для Грега это была новость. Но, должно быть, правдивая, так как Льву наконец удалось вывести Гаса из равновесия. Гас потрясенно взглянул на Льва, отвел взгляд и покраснел. «Очко в нашу пользу», – подумал Грег.

– Когда-то, в тысяча девятьсот пятнадцатом году, Гас был помолвлен с Ольгой, – пояснил Лев Грегу. – Но потом она передумала и вышла замуж за меня.

– Как молоды мы все тогда были, – сказал Гас, вновь обретая самообладание.

– Ну, вы забыли Ольгу достаточно скоро, – сказал Лев.

– Вы тоже, – холодно взглянув на него, ответил Гас.

Грег увидел, что теперь и отцу стало неловко. Удар Гаса достиг цели.

Возникло неловкое молчание, потом Гас сказал:

– Лев, мы с вами прошли через войну. Я был в пулеметном батальоне вместе со школьным другом Чаком Диксоном. В маленьком французском городке Шато-Тьери у меня на глазах его разорвало на куски... – Гас говорил просто, будничным тоном, но Грег вдруг заметил, что слушает затаив дыхание. Гас продолжал: – Моя мечта – чтобы моим детям никогда не пришлось пройти через то, через что прошли мы. Поэтому такие организации, как Лига свободы, надо душить в зародыше.

Грег решил, что сейчас – подходящий момент.

– Сенатор, меня тоже интересует политика, и мне хотелось бы узнать побольше. Не могли бы вы взять меня стажером на лето? – сказал он и затаил дыхание.

Гас, похоже, удивился, но ответил:

– Мне всегда может пригодиться сообразительный молодой человек, готовый работать в команде.

Это не означало ни да, ни нет.

– Я первый в классе по математике и капитан хоккейной команды, – стал перечислять свои достоинства Грег. – Спросите обо мне у Вуди.

– Хорошо. – Гас повернулся к его отцу. – А вы – подумаете над просьбой президента? Это действительно очень важно.

Было похоже, что Гас предлагает обмен. Но согласится ли отец?

Лев помолчал – довольно долго. Потом загасил сигарету и сказал:

– Я думаю, мы договорились.

Гас встал.

– Хорошо, – сказал он. – Президент будет доволен.

«Удалось!» – подумал Грег.

Они вышли из клуба и разошлись к своим машинам.

Глядя, как отец выруливает с парковки, Грег сказал:

– Спасибо, папа. Я тебе правда очень благодарен, что ты мне помог.

– Ты удачно выбрал момент. Хорошо, что ты такой сметливый.

Похвала порадовала Грега. Кое в чем он разбирался получше отца – уж во всяком случае, в науках и математике, – но боялся, что ему не хватает отцовской ловкости и смекалки.

– Я хочу, чтобы ты был мудрым, – продолжал Лев. – Не как все эти болваны... – о каких болванах он говорит, Грег не имел ни малейшего представления. – Нужно прогнозировать, все время идти впереди потока. Только так и можно жить.

Они поехали в офис Льва, расположенный в современном квартале в центре города. Проходя через мраморный вестибюль, Лев сказал:

– А сейчас я преподам урок этому дураку Дейву Рузроку.

Поднимаясь на лифте, Грег все думал, как он это сделает.

Студия «Пешков-пикчерз» находилась на последнем этаже. Грег вслед за Львом прошел по широкому коридору и вошел в приемную, где находились две симпатичные молоденькие секретарши.

– Соедините-ка меня с Солом Старром, – сказал им Лев по пути в свой кабинет.

Лев сел за стол.

– У Солли одна из самых больших студий в Голливуде, – сообщил он.

Телефон на столе зазвонил.

– Сол! – сказал он. – Как жизнь молодая?

Минуту-другую Грег слушал соленые шуточки, потом Лев перешел к делу.

– Можно дать тебе маленький совет? – сказал он. – В нашем штате Нью-Йорк есть сеть вшивых развалюх с названием «Театры Роузроук»... Да, вот именно. Возьми на заметку, не посылай им этим летом картины из списка самых кассовых – могут не расплатиться.

Грег подумал, что это здорово ударит по бизнесу Дейва: без моднейших новых фильмов его сборы рухнут.

– Умному достаточно, верно? Не за что, Солли, ты бы сделал для меня то же. Пока.

И снова Грег поразился могуществу отца. Он мог устроить, чтобы человека избили. Мог предложить восемь миллионов, которые ему не принадлежали. Мог нагнать страху на президента. Мог соблазнить чужую невесту. И мог уничтожить бизнес одним телефонным звонком.

– Вот увидишь, – сказал отец, – пройдет месяц – и Дейв Рузрок будет меня умолять выкупить его бизнес. За половину той суммы, что я ему сегодня предложил.

III

– Просто не знаю, что за щенок такой мне попался! – сказала Дейзи. – Совершенно не слушается, я с ним с ума сойду!

У нее дрожал голос, а в глазах стояли слезы, и если она притворялась, то совсем чуть-чуть.

Чарли Фаркуарсон осмотрел собаку.

– Щенок как щенок, – сказал он. – И даже очень славный. Как его зовут?

– Джек.

– Хм.

Они сидели на садовых креслах в ухоженном двухакровом саду дома Дейзи. Ева поздоровалась с Чарли и тактично удалилась писать письмо домой. Вдали садовник Генри рыхлил землю на клумбе с пурпурно-желтыми анютиными глазками. Его жена, служанка Элла, принесла стаканы и кувшин лимонада и поставила на складной столик.

Щенок был породы «терьер Джека Рассела», маленький и крепкий, белый с коричневыми пятнами. У него был умный взгляд, словно он понимал каждое слово, но, казалось, он не имел никакого намерения слушаться. Дейзи посадила его к себе на колени и погладила по носу холеными пальчиками, надеясь, что Чарли это движение покажется смутно волнующим.

– Тебе не нравится такое имя?

– Может быть, оно слишком обычное? – сказал Чарли, глядя на ее руку на собачьем носу, и беспокойно шевельнулся в кресле.

Дейзи не хотела перестараться. Если она заведет Чарли слишком сильно, он просто уйдет домой. Он потому и оставался один в двадцать пять лет: несколько буффальских девиц, в том числе и Дот Реншоу, и Маффи Диксон, пытались его окрутить и не смогли. Но Дейзи была не из таких.

– Тогда придумай ему имя сам, – сказала она.

– Лучше, когда в кличке два слога, как, например, Бонзо, чтобы ему было легче ее узнавать.

Дейзи не имела ни малейшего представления, как следует выбирать кличку для собаки.

– Может быть, Ровер?

– Слишком распространенное. Может, лучше Расти?

– Замечательно! – сказала она. – Пусть будет Расти.

Щенок без усилий высвободился из ее рук и прыгнул на землю.

Чарли поднял его. Дейзи заметила, какие большие у него руки.

– Ты должна показать Расти, что главная – ты, – сказал Чарли. – Держи его крепче и не давай прыгнуть без разрешения, – и он снова посадил щенка ей на колени.

– Но он такой сильный! И я боюсь ему что-нибудь повредить...

Чарли снисходительно улыбнулся.

– Вряд ли у тебя это вышло бы, даже если бы ты постаралась. Держи его за ошейник, поверни немного, если понадобится. А теперь другую руку положи ему на спину.

Дейзи выполнила все, что велел Чарли. Щенок почувствовал, что ее руки стали тверже, и притих, словно ожидая, что будет дальше.

– Скажи ему «Сидеть!» и нажми на круп.

– Сидеть! – сказала она.

– Скажи громче, и «ть» надо произносить очень четко. Потом сильно нажми.

– Расти, сидеть! – сказала она и пригнула его вниз. Он сел.

– Ну вот, – сказал Чарли.

– Какой ты умный! – восхитилась Дейзи.

Было видно, что Чарли приятно.

– Дело просто в том, что я знаю, что делать, – скромно сказал он. – С собаками всегда нужно вести себя настойчиво и решительно. Приходится на них чуть ли не лаять... – Он с довольным видом откинулся на спинку кресла. Он был плотного телосложения и заполнил все кресло. Заговорив о том, в чем разбирается, он расслабился, как и надеялась Дейзи.

Утром она позвонила ему и сказала:

– Я в отчаянии! Я завела щенка – и совершенно не могу с ним справиться. Не можешь ли ты дать мне совет?

– А какой породы щенок?

– Терьер Джека Рассела.

– Да что ты! Это же моя любимая порода, у меня самого их трое!

– Какое совпадение!

Как и рассчитывала Дейзи, Чарли вызвался прийти и помочь ей дрессировать щенка.

Узнав об этом, Ева с сомнением сказала:

– Ты уверена, что Чарли тебе подходит?

– Ты что, шутишь?! – ответила Дейзи. – Это один из самых подходящих холостяков в Буффало!

И сейчас она сказала:

– Я уверена, что так же хорошо у тебя будет получаться и с детьми.

– Ну, насчет этого я не знаю.

– Ты любишь собак, но умеешь быть с ними твердым. Я уверена, что так же надо обращаться и с детьми.

– Понятия не имею, – ответил он и сменил тему: – А ты собираешься в колледж в сентябре?

– Может быть, поеду в Оукдейл, там находится двухлетний женский колледж. Или...

– Или – что?

«Или я могу выйти замуж», – имела она в виду, но сказала другое:

– Не знаю. Или случится что-нибудь еще.

– Что, например?

– Мне бы хотелось увидеть Англию. Мой отец ездил в Лондон и встречался там с принцем Уэльским. А ты? У тебя есть планы?

– У нас всегда считалось, что я должен буду заменить отца в банке, но сейчас банка нет. У мамы осталось немного денег от ее семьи, и я ими занимаюсь, но, не считая этого, я в свободном поиске.

– Тебе надо заняться коневодством, – сказала Дейзи. – Я уверена, что у тебя получится. – Она была хорошей наездницей и брала призы, когда была помоложе. Она представила себя с Чарли в парке на паре серых и едущих следом двоих детишек на пони. Видение вдохновляло.

– Я люблю лошадей, – сказал Чарли.

– Я тоже! Я хочу разводить скаковых лошадей! – Говоря об этом, Дейзи не приходилось напускать на себя увлеченный вид. Это была ее мечта – вывести плеяду чемпионов. На конезаводчиков она смотрела как на высшую мировую элиту.

– Чистокровные лошади стоят больших денег, – печально сказал Чарли.

Денег у Дейзи было полно. Если Чарли на ней женится, ему никогда больше не придется беспокоиться о деньгах. Конечно, она этого не сказала, но догадалась, что Чарли думает об этом, и дала этой невысказанной мысли повисеть в воздухе как можно дольше.

Наконец Чарли сказал:

– А это твой отец организовал нападение на приезжих профсоюзных деятелей?

– С чего ты взял!

Дейзи не знала, занимался ли ее отец такими вещами, но, по правде говоря, ее бы это не удивило.

– Профсоюзные работники, приехавшие из Нью-Йорка возглавить забастовку, оказались в больнице, – настойчиво сказал Чарли. – «Сентинел» пишет, что они поссорились с местными профсоюзными лидерами, но все думают, что это устроил твой отец.

– Я никогда не говорю о политике, – жизнерадостно сказала Дейзи. – А когда у тебя появилась первая собака?

Чарли начал делиться воспоминаниями. А Дейзи думала, что делать дальше. «Он пришел ко мне, он почувствовал себя непринужденно, теперь мне нужно его «завести». Но когда я гладила собаку, это его нервировало. Что сейчас нужно, так это случайный физический контакт».

– Чему же мне дальше учить Расти? – спросила она, когда Чарли закончил рассказ.

– Научи его идти рядом, – не раздумывая, ответил Чарли.

– А как это делается?

– У вас есть собачье печенье?

– Конечно!

Окна кухни были открыты, и Дейзи крикнула служанке:

– Элла, принесите, пожалуйста, коробку «Милкбоунз».

Чарли разломил одно печенье, потом посадил щенка к себе на колени. Зажав в кулаке кусочек печенья, он дал Расти его понюхать, потом раскрыл ладонь и позволил собаке его съесть. Затем взял новый кусочек – так, чтобы щенок это видел. Затем встал и поставил щенка возле ноги. Расти не сводил внимательного взгляда со сжатого кулака Чарли.

– Иди рядом! – сказал Чарли и сделал несколько шагов.

Щенок пошел за ним.

– Молодец! – сказал Чарли и дал Расти печенье.

– Это восхитительно! – сказала Дейзи.

– Через некоторое время печенье уже будет не нужно, достаточно будет его погладить. А в конце концов он будет это делать по привычке.

– Чарли, ты гений!

Чарли был доволен. У него были красивые карие глаза – совсем как у ее щенка, заметила она.

– А теперь попробуй ты, – сказал он.

Она повторила все, что делал Чарли, и получила тот же результат.

– Видишь? – сказал Чарли. – Не так уж это трудно.

Дейзи радостно рассмеялась.

– Нам нужно открыть совместный бизнес. «Фаркуарсон и Пешкова, дрессировка собак».

– Какая хорошая мысль, – сказал он, и, кажется, вполне серьезно.

«Пока все идет отлично», – подумала Дейзи.

Она подошла к столу и налила два стакана лимонада.

Он стал рядом и сказал:

– Обычно я немного робею с девушками.

«Не то слово», – подумала она, но не проронила ни звука.

– Но с тобой говорить так легко... – продолжал он. Ему казалось, что это просто счастливая случайность.

Передавая ему стакан, она дернула рукой и плеснула на него лимонадом.

– Какая я неловкая! – воскликнула она.

– Ничего страшного, – сказал он, но лимонад намочил его льняной блейзер и белые хлопковые брюки. Он достал платок и стал вытирать пятна.

– Дай-ка я, – сказала Дейзи и взяла платок из его большой руки.

Вытирая лацкан блейзера, она придвинулась к нему совсем близко. Он замер, и она подумала, что он чувствует запах ее духов «Жан Нате» – начальная нота лаванды и фоновый запах мускуса. Она бережно протирала носовым платком грудь пиджака, хотя там пятен не было.

– Почти готово, – сказала она, словно жалея, что придется заканчивать так быстро.

Потом она опустила на колено, словно признаваясь в любви. Она начала осушать влажные участки на брюках легкими прикосновениями бабочки. Вытирая бедро, она напустила на себя вид пленительной невинности и подняла на него взгляд. Он завороченно смотрел на нее, раскрыв рот и тяжело дыша.

IV

Вуди нетерпеливо осматривал яхту «Спринтер», чтобы убедиться, что ребята привели ее в полный порядок. Это был сорокавосемифутовый гоночный кеч, длинный и узкий, как нож. Ее позволял брать «Корабельному товариществу» – клубу, в котором состоял Вуди, – Дейв Рузрок, чтобы они выезжали с детьми буффальских безработных на берег озера Эри и учили их основам хождения под парусом. Вуди с удовольствием отметил, что все швартовочные концы и кранцы в порядке, паруса убраны, тросы смотаны в бухты...

Его брат Чак, на год младше – ему было четырнадцать, – был уже на пирсе, перешучиваясь с парой цветных ребятишек. Чак обладал раскованной манерой общения, что позволяло ему легко со всеми ладить. Вуди, собираясь, как отец, заниматься политикой, завидовал его непринужденному обаянию.

На мальчишках были одни лишь шорты и сандалии, и вся троица представляла собой воплощение юношеской силы и жизнерадостности. Если бы у Вуди был с собой фотоаппа-

рат, он бы с удовольствием их заснял. Он был хорошим фотографом и устроил дома лабораторию, чтобы проявлять и печатать свои фотографии.

С удовлетворением убедившись, что они оставляют «Спринтера» в таком же виде, в каком брали утром, Вуди спрыгнул на пирс. Компания подростков, человек двенадцать, вместе вышла со стоянки яхт – обветренные и загорелые, с приятно ноющими после работы мышцами, они со смехом вспоминали сегодняшние промахи, оплошности и шутки.

Когда они были на воде, работали вместе, чтобы удержать яхту на курсе – расстояние, отделяющее двух богатых братьев от ребятни бедняков, исчезало, но сейчас, на парковке буффальского яхт-клуба, оно появилось вновь. Там стояли бок о бок две машины: «Крайслер Эйрфлоу» сенатора Дьюара, с шофером в форме, ожидающим Вуди и Чака, – и пикап «Шевроле Родстер» с двумя деревянными скамейками в грузовой части для остальных. Вуди почувствовал себя неловко, прощаясь с ребятами, когда шофер распахнул перед ним дверцу. Но они, похоже, не обратили внимания, поблагодарили его и сказали: «До следующей субботы!»

Когда они ехали по Делавэр-авеню, Вуди сказал:

– Здорово было! Хотя не знаю, много ли толку от того, что мы делаем...

– Почему? – удивился Чак.

– Ну мы же не поможем их родителям найти работу, а на самом деле им только это и нужно.

– Это может помочь самим ребятам через несколько лет найти работу... – Буффало был портовый город, и в другое время можно было найти тысячи возможностей устроиться на торговое судно, из тех, что ходили по Великим озерам и каналу Эри, или на прогулочное.

– При условии, что Президент сможет снова привести в движение экономику.

– Ну так иди работать к Рузвельту, – пожал плечами Чак.

– А почему бы и нет? Папа же работал у Вудро Вильсона.

– Ну а я буду ходить под парусами.

Вуди взглянул на часы.

– Мы едва успеем переодеться на бал! – Они собирались на обед с танцами в теннисный клуб. От предвкушения сердце у него забилося чаще. – Я хочу к созданиям с нежной кожей, высокими голосами и розовыми платьями...

– Ха! – насмешливо сказал Чак. – Джоан Рузрок в жизни не носила ничего розового.

Вуди растерялся. Он думал о Джоан целыми днями и чуть ли не целыми ночами вот уже две недели, но откуда об этом узнал брат?

– С чего ты взял...

– Да ладно тебе, – презрительно сказал Чак. – Когда она приехала на пляж в той теннисной юбке, ты чуть в обморок не грохнулся. Любому ясно было, что ты по ней сохнешь. К счастью, сама она, кажется, ничего не заметила.

– Почему это к счастью?

– Я тебя умоляю! Тебе пятнадцать, ей восемнадцать. Это же курам на смех! Ей нужен муж, а не мальчишка.

– Ах да, благодарю, я и забыл, ты же у нас знаток женщин!

Чак покраснел. У него никогда не было подружки.

– Не надо быть знатоком, чтобы увидеть то, что у тебя под самым носом, – буркнул он.

Они всегда так разговаривали. Не старались друг друга задеть, просто были абсолютно откровенны. Они были братьями, и соблюдать приличия было ни к чему.

Наконец они приехали домой, в особняк псевдоготического стиля, построенный их дедом, сенатором Кэмом Дьюаром, и бегом отправились мыться и переодеваться.

Вуди был уже одного роста с отцом и надел один из его старых вечерних костюмов, немножко поношенный, но это ничего. Младшие ребята придут в школьных костюмах или

блейзерах, но те, кто учится в колледжах, будут в смокингах, и Вуди стремился выглядеть старше. Сегодня он пригласит ее на танец, подумал он, намазывая волосы бриллиантином. Ему будет позволено держать ее в объятиях. Его пальцы будут ощущать тепло ее кожи. Он будет смотреть ей в глаза, а она будет ему улыбаться. А ее грудь во время танца будет касаться его пиджака.

Он спустился в гостиную, – родители уже ждали. Папа потягивал коктейль, а мама курила сигарету. Папа был высокий и худой и в своем двубортном смокинге походил на вешалку для костюмов. Мама была очень красива, несмотря на то что один глаз у нее был все время закрыт – она такой родилась. Сегодня она выглядела великолепно: на ней было красное шелковое платье в пол с черной кружевной отделкой и черная бархатная вечерняя жакетка.

Последней в комнату вошла бабушка. В свои шестьдесят восемь лет она была стройна и элегантна и так же худа, как ее сын, но миниатюрна. Она осмотрела мамин наряд и сказала: – Роза, дорогая, ты выглядишь чудесно.

К своей невестке она всегда была добра. Со всеми остальными она разговаривала довольно едко.

Гас, не дожидаясь просьбы, сделал ей коктейль. Вуди ждал, скрывая нетерпение, пока она не спеша пила. Бабушку торопить не следовало. Она была уверена, что ни одно светское событие не начнется до ее прибытия: она была гранд-дамой, вдовой одного сенатора и матерью другого и главой одного из самых старейших и самых уважаемых семейств города.

Вуди спросил себя, когда он «запал» на Джоану. Он был с ней знаком почти всю жизнь, но всегда относился к девчонкам как к не представляющим интереса зрительницам захватывающих приключений мальчишек – пока два-три года назад девочки вдруг не стали интересней даже автомобилей и моторных лодок. Но и тогда его внимание привлекали в основном ровесницы или девочки помладше. Сама Джоан всегда смотрела на него как на ребенка – умненького ребенка, с которым можно время от времени поболтать, но уж никак не на мальчика, с которым можно дружить. Но этим летом, без какой-то видимой причины, она вдруг стала для него самой очаровательной девчонкой на свете. К сожалению, ее отношение к нему не претерпело подобного изменения.

Пока что.

Бабушка спросила его брата:

– Чак, как дела в школе?

– Ужасно, бабушка, и ты это хорошо знаешь. Я – тот самый урод в семье, недалеко ушедший от наших прародителей-шимпанзе.

– Насколько мне известно, кретины не пользуются оборотами вроде «прародителей-шимпанзе». Ты уверен, что это не из-за лени?

– Мама, – возразила Роза, – учителя говорят, что Чак в школе очень много занимается.

– И обыгрывает меня в шахматы, – добавил Гас.

– Ну так в чем же дело, скажите на милость? – гнула свое бабушка. – Если так будет продолжаться, он же не попадет в Гарвард!

– Просто я медленно читаю, вот и все, – сказал Чак.

– Любопытно, – сказала она. – Мой свекор, твой прадед по линии деда, был самым успешным банкиром своего поколения, а ведь он с трудом читал и писал.

– Я не знал, – сказал Чак.

– Так оно и было, – сказала бабушка. – Но это тебе не оправдание. Больше работай.

Гас взглянул на часы.

– Мама, если ты готова, нам лучше отправляться.

Наконец они сели в машину и поехали в клуб. Папа заранее заказал столик и пригласил Реншоу с детьми, Дот и Джорджем. Вуди огляделся, но, к своему разочарованию, Джоан

не увидел. Он взглянул на план столиков, вывешенный в вестибюле, и, к своему отчаянию, увидел, что столика Рузроков на плане не было. Неужели их не будет? Это испортило бы ему все удовольствие от вечера.

За лобстером и стейком говорили о событиях в Германии. Филип Реншоу считал, что Гитлер ведет себя правильно. Отец Вуди сказал:

– В сегодняшнем «Сентинеле» писали, что в тюрьму посадили католического священника – за то, что критиковал нацистов.

– Вы разве католик? – удивился мистер Реншоу.

– Нет, мы принадлежим к епископальной церкви.

– Филип, тут речь не о религии, – жестко сказала Роза. – Речь о свободе. – В юности она была анархисткой, да и сейчас в душе была сторонницей свободы личности.

Некоторые гости, пропустив обед, подъезжали позднее, к танцам, и когда Дьюарам подали десерт, в зале появились новые лица. Вуди искал глазами Джоан. В соседнем зале оркестр начал наигрывать хит прошлого года – «Континентал».

Он не мог сказать, чем так привлекала его Джоан. Мало кто назвал бы ее красавицей, хотя, конечно, у нее была яркая внешность. Она была похожа на царицу ацтеков – высокие скулы и нос такой же, как у отца, словно изогнутый клинок. У нее были густые темные волосы и кожа смуглого оливкового оттенка – несомненно, от персидских предков. И была в ней какая-то печальная страстность, отчего Вуди хотелось познакомиться с ней поближе, хотелось, чтобы она чувствовала себя с ним непринужденно, чтобы он мог слушать спокойное журчание ее речи. Ему казалось, что ее эффектная внешность могла свидетельствовать о способности к глубокому чувству... Тут он подумал: «Ну и кто здесь делает вид, что знаток женщин?»

– Ищешь кого-нибудь, Вуди? – спросила бабушка, от взгляда которой мало что могло укрыться.

Чак многозначительно хихикнул.

– Просто интересно, кто еще приедет на танцы, – небрежно ответил Вуди, но ничего не мог с собой поделать – покраснел.

Он все еще не видел ее, когда мама встала и за ней вся семья вышла из-за стола. Он побрел в бальный зал под звуки «Мунглоу» Бенни Гудмена, чувствуя себя безутешным, – а Джоан уже была там: должно быть, вошла, когда он отвернулся. Настроение у него поднялось.

Сегодня на ней было абсолютно простое серебристо-серое шелковое платье с глубоким треугольным вырезом, которое выгодно очерчивало фигуру. Тогда в теннисной юбке она тоже смотрелась изумительно, но сейчас выглядела еще более соблазнительно. Когда Вуди увидел, как она плывет по залу, грациозная и уверенная, у него пересохло во рту.

Он двинулся к ней, но зал уже был полон, и он вдруг обнаружил, к своей досаде, что стал очень популярен: всем хотелось с ним поговорить. Пробираясь через толпу, он заметил, что этот зануда Чарли Фаркуарсон танцует с жизнерадостной Дейзи Пешковой. Он вообще не помнил, чтобы видел Чарли танцующим хоть с кем, не говоря о такой очаровашке, как Дейзи. Как ей удалось вытащить его из раковины?

Когда он добрался до Джоан, она была в противоположном от оркестра конце зала и, к его огорчению, горячо спорила с ребятами года на три-четыре постарше Вуди. К счастью, он был выше почти всех в этой компании, поэтому разница в возрасте не так бросалась в глаза. Все держали в руках стаканы с кока-колой, но Вуди чувствовал запах виски – должно быть, у кого-то была бутылка в кармане.

Подойдя к ним, он услышал слова Виктора Диксона:

– Никто не в восторге от суда Линча, но надо же понимать, какие проблемы у них там, на Юге!

Вуди знал, что сенатор Вагнер предложил ввести закон, по которому шерифы, допускающие суд Линча, должны нести наказание, – но президент Рузвельт отказался поддержать этот законопроект.

– Виктор, как ты можешь так говорить! – возмущенно воскликнула Джоан. – Суд Линча – это убийство! Мы не должны вникать в их проблемы, мы должны помешать им убивать!

Вуди было приятно слышать, что Джоан разделяет его политические взгляды. Но было ясно, что сейчас не лучшее время, чтобы приглашать ее на танец, и это было жаль.

– Джоан, милая, ты не понимаешь, – сказал Виктор. – Эти южные негры – абсолютные дикари.

«Может, я молод и неопытен, – подумал Вуди, – но я бы не стал разговаривать с Джоан так снисходительно».

– Дикари – это как раз те, кто устраивает суд Линча! – сказала она.

Вуди решил, что настал подходящий момент, и внес в спор свою лепту.

– Джоан права, – сказал он, стараясь говорить басом, чтобы казаться взрослее. – Наши слуги Джой и Бетти, которые смотрели за нами с братом с самого нашего рождения, рассказывали, как в городе, где они родились, устроили суд Линча над двоюродным братом Бетти. С него сорвали всю одежду и стали его жечь паяльной лампой, а вокруг стояла толпа и глазела. А потом его повесили.

Виктор смотрел на него испепеляющим взглядом, злясь, что внимание Джоан переключилось на какого-то мальчишку, но остальные слушали со страхом и любопытством.

– Мне наплевать, что за преступление он совершил, – говорил Вуди, – но белые люди, сделавшие с ним это, уж точно дикари.

– Однако твой обожаемый президент Рузвельт, кажется, не поддержал проект закона против суда Линча? – сказал Виктор.

– Не поддержал, и очень жаль, – сказал Вуди. – Но я понимаю, почему он принял такое решение: побоялся, что обозленные южане отомстят, саботируя его «новый курс». Но все равно, как было бы хорошо, если бы он послал их к чертовой матери!

– Что ты понимаешь! – сказал Виктор. – Ты еще мальчишка.

Он вынул из кармана пиджака серебряную фляжку и плеснул себе в стакан с колой.

– У Вуди политические суждения более зрелые, чем у тебя, Виктор, – сказала Джоан.

Вуди вспыхнул.

– Политика у нас вроде семейного бизнеса, – сказал он. Но тут, к своей досаде, почувствовал, что его тянут за локоть. Слишком хорошо воспитанный, чтобы не обращать внимания, он обернулся и увидел Чарли Фаркуарсона – от танцев у него выступил пот.

– Можно тебя на минутку? – сказал Чарли.

Вуди не поддался искушению послать его подальше. Чарли был славный парень, никогда никому не сделал ничего плохого. Можно было только пожалеть человека с такой матерью.

– Ты чего, Чарли? – спросил он как можно дружелюбнее.

– Я хотел бы поговорить о Дейзи.

– Я видел, как ты с ней танцевал.

– Правда, она замечательно танцует?

Вуди ничего особенного не заметил, но из вежливости сказал:

– Ну, еще бы!

– Она все делает замечательно.

– Чарли, – спросил Вуди, стараясь скрыть недоумение, – вы с Дейзи что, гуляете?

Чарли застеснялся.

– Ну, мы пару раз катались верхом в парке, и вообще...

– Значит, гуляете.

Вуди это удивило. Они казались странной парой. Чарли – такой недотепа, а Дейзи – просто куколка.

– Она не похожа на других девчонок. С ней так легко говорить! И она любит собак и лошадей. Но люди считают ее отца гангстером.

– Но Чарли, он же, наверное, гангстер и есть. Во время сухого закона все покупали у него спиртное.

– Вот и моя мама так говорит.

– А твоей маме Дейзи, наверное, не нравится? – Вуди это не удивило бы.

– Дейзи – нравится. Ей не нравится ее семья.

Тут Вуди пришла в голову еще более странная мысль.

– Ты что, думаешь *жениться* на Дейзи?

– О господи, ну конечно! – сказал Чарли. – И, думаю, если я сделаю предложение, она, наверное, согласится.

Ну что же, подумал Вуди. У Чарли была респектабельность, но не было денег, а у Дейзи – наоборот. Может быть, они будут дополнять друг друга.

– Случались и более странные вещи, – сказал он. Это все было, конечно, интересно, но ему хотелось заняться налаживанием собственных романтических отношений. Он огляделся – убедиться, что Джоан осталась там же, где была.

– А почему ты мне все это рассказываешь? – спросил он Чарли. Вроде они не были такими близкими друзьями.

– Может быть, мама изменила бы свое мнение, если бы миссис Пешкову пригласили вступить в Общество леди Буффало.

Этого Вуди не ожидал.

– Да ты что, это же самый элитарный клуб в городе!

– Вот именно. И если бы Ольга Пешкова в него вошла, как бы моя мама могла возражать против Дейзи?

Вуди не знал, мог ли сработать этот план, но искренность теплого чувства Чарли к Дейзи была несомненна.

– Может, ты и прав, – сказал он.

– Ты не попросишь за меня свою бабушку?

– Ничего себе! Минуточку... Да бабушка Дьюар – просто фурия! Я бы и за себя не стал ее просить, не то что за тебя...

– Вуди, ну послушай! Ты же знаешь, что в этом тесном кругу все зависит от нее. Кого она скажет – того они примут, кого скажет – выгонят.

Это была правда. В обществе были председательница, секретарша и казначей, но распоряжалась в клубе Урсула Дьюар, словно он был ее собственностью. И все равно Вуди не хотелось к ней обращаться. Да она ему голову оторвет...

– Ох, не знаю... – сказал он виновато.

– Ну Вуди, ну пожалуйста! Ты не понимаешь... – Чарли понизил голос. – Ты просто не представляешь, каково это – когда так сильно любишь...

«Да представляю, – подумал Вуди, и это заставило его изменить решение. – Если Чарли так же плохо, как мне, – ну как я могу ему отказать? Может, кто-нибудь помог бы так же и мне, если бы это давало мне шанс с Джоан».

– Ладно, Чарли, – сказал он. – Я с ней поговорю.

– Спасибо! Слушай, а ведь она же здесь, правда? Может быть, ты мог бы сегодня...

– Черт, нет уж! У меня и свои дела имеются!

– Ну да, конечно... А когда?

Вуди пожал плечами.

– Завтра поговорю.

– Ты настоящий друг!

– Подожди пока благодарить. Она наверняка откажется.

Вуди повернулся, чтобы продолжить разговор с Джоан, но ее уже не было.

Он начал ее искать, но потом остановился. Он не должен выглядеть расстроенным. Человек, которому что-то очень нужно, не вызывает интереса, уж это-то он знал.

Он из чувства долга потанцевал с несколькими девчонками: с Дот Реншоу, Дейзи Пешковой и ее немецкой подругой Евой. Потом взял кока-колу и вышел на воздух, где курили несколько парней. Джордж Реншоу подлил ему в стакан виски, что улучшило вкус кока-колы, но опьянеть Вуди не хотел. Он уже пробовал, и ему не понравилось.

Джоан предпочтет человека, который разделяет ее интересы, подумал Вуди, а значит – Виктор Диксон не в счет. Вуди слышал, как Джоан упоминала Карла Маркса и Зигмунда Фрейда. В библиотеке он читал коммунистический манифест, но ему показалось, что это просто политическая демагогия. Гораздо интереснее было читать Фрейда «Исследование истерии», где из психического заболевания получился чуть ли не детектив. Он предвкушал, как даст понять Джоан – этак небрежно, – что читал эти книги.

Он твердо решил потанцевать сегодня с Джоан хотя бы раз и через некоторое время пошел ее искать. Ни в зале, ни в баре ее не было. Неужели он упустил свой шанс? Не слишком ли он был пассивен, стараясь не показать своего отчаяния? Мысль, что бал закончится, а он даже не коснется ее плеча, была невыносима.

Он снова вышел на улицу. Было темно, но он заметил ее почти сразу же. Она отошла от Грега Пешкова, несколько разгоряченная: по-видимому, спорила с ним.

– Похоже, ты – единственное исключение, все остальные дьявольски консервативны, – сказала она Вуди. Судя по голосу, она немного выпила.

Вуди улыбнулся.

– Спасибо за комплимент; наверное, так оно и есть.

– Ты знаешь про завтрашний марш протеста? – внезапно спросила она.

Он знал. Бастующие с буффальского металлургического завода собирались в знак протеста против избиения нью-йоркских профсоюзных работников выйти на демонстрацию. Вуди догадался, что это и было предметом спора с Грегом: завод принадлежал его отцу.

– Я думаю туда пойти, – сказал он. – Может, сделаю несколько кадров.

– Благослови тебя Господь! – сказала она и поцеловала его.

Он так удивился, что сначала не отреагировал. В первую секунду, когда она прижалась губами к его губам, он стоял неподвижно. На ее губах он почувствовал вкус виски.

Потом он пришел в себя. Он обнял ее и прижал к себе, ощущая восхитительное прикосновение ее груди и бедер к своему телу. В глубине души он боялся, что она будет оскорблена, оттолкнет его и возмущенно воскликнет, что он ее не уважает; но более глубокий инстинкт подсказывал, что ничего подобного не случится.

Он редко целовался с девочками, и опыта у него было мало, а уж целовать взрослых, восемнадцатилетних женщин вообще не доводилось, но ощущать ее мягкие губы было так приятно, что он стал водить губами по ее губам, легонько их сжимая, чувствуя при этом невероятное удовольствие, и был вознагражден ее тихим стоном.

Он смутно понимал, что если появится кто-то из взрослых, может произойти скандал, но уже слишком завелся, чтобы об этом думать.

Губы Джоан разомкнулись, и он почувствовал на губах ее язык. Это было для него ново: те немногие девочки, с которыми он целовался, никогда так не делали. Но он решил, что она знает, что делает, и, в конце концов, ведь ему это нравится. Он стал повторять языком движения ее языка. Это было ужасно интимно и очень волнующе. Должно быть, он делал все как надо, потому что она снова застонала.

Собравшись с духом, он положил правую руку ей на грудь – она оказалась восхитительно мягкая и тяжелая под шелком платья. Гладя ее, он нащупал маленькую округлость и с волнением первооткрывателя подумал, что это, должно быть, сосок. Он погладил его большим пальцем.

Она резко оттолкнула его.

– О боже, – сказала она, – что я делаю?

– Ты меня целуешь, – восторженно ответил Вуди. Он положил руки на ее круглые ягодицы. Через шелковое платье он чувствовал жар ее тела. – Давай еще!

Она отцепила его руки.

– Я, должно быть, совсем с ума сошла. Господи, это же теннисный клуб!

Вуди понял, что чары развеялись и поцелуев сегодня, как ни жаль, больше не будет. Он огляделся.

– Не волнуйся, – сказал он. – Никто не видел. – Он почувствовал восхитительную общность заговорщиков.

– Я лучше пойду домой, пока не натворила новых глупостей.

Он постарался не обижаться.

– Можно, я провожу тебя до машины?

– Ты спятил? Если мы пойдем вместе, все догадаться, чем мы занимались, особенно глядя на твою глупую улыбку до ушей.

Вуди попытался перестать улыбаться.

– Ну тогда ты иди, а я подожду минутку здесь.

– Хорошая мысль, – и она пошла.

– До завтра! – сказал он ей вслед.

Она не оглянулась.

V

В старом викторианском особняке на Делавэр-авеню у Урсулы Дьюар были отдельные апартаменты: спальня, ванная, гардеробная, а из гардеробной супруга после его смерти она сделала небольшую гостиную. Большую часть времени в ее распоряжении находился весь дом: Гас и Роза проводили много времени в Вашингтоне, а Вуди с Чаком на учебный год уезжали в школу. Но когда все возвращались, она проводила добрую половину дня у себя в покоях.

В субботу утром Вуди пошел с ней поговорить. Он все еще был на седьмом небе после поцелуя Джоан, хотя полночи после этого пытался решить, что все это значило. Это могло означать что угодно – от настоящей любви до настоящего алкогольного опьянения. Он лишь знал, что сгорает от желания вновь ее увидеть.

Он вошел в бабушкину комнату следом за служанкой Бетти, несшей поднос с завтраком. Ему понравилось, как Джоан отреагировала на рассказ о родственнике Бетти. В политике, думал он, слишком много внимания уделяли беспристрастным дискуссиям. Люди *должны* злиться, когда сталкиваются с жестокостью и несправедливостью.

Бабушка уже сидела в кровати, в кружевной шали поверх шелкового халата орехового цвета.

– Доброе утро, Вудро, – сказала она, удивленная его появлением.

– Бабушка, я бы хотел выпить с тобой кофе, если позволишь, – сказал Вуди. Он заранее попросил Бетти поставить две чашки.

– Буду очень рада, – сказала бабушка.

Бетти была седоволосой женщиной лет пятидесяти, с фигурой, какую иногда называют «уютной». Она поставила перед Урсулой поднос, и Вуди налил кофе в чашки мейсенского фарфора.

Он обдумал разговор заранее, упорядочил все доводы. Сухого закона больше нет, и Лев Пешков – легальный бизнесмен, скажет он. К тому же несправедливо наказывать Дейзи за то, что преступником был ее отец – тем более что его незаконный алкоголь покупало большинство уважаемых семей Буффало.

– Ты же знаешь Чарли Фаркуарсона? – начал он.

– Да.

Еще бы ей не знать. Она знала семейства всех, кто играл заметную роль в жизни Буффало.

– Будешь тост? – спросила она.

– Нет, спасибо, я позавтракал.

– Мальчишкам в твоём возрасте сколько ни дай – все мало... – она внимательно посмотрела на него. – Если только они не влюблены.

Сегодня утром она явно в хорошей форме.

– Похоже, Чарли у матери под каблуком, – сказал Вуди.

– У нее и муж был под каблуком, – сухо сказала Урсула. – Умер, потому что это была единственная возможность от нее избавиться... – Она отпила кофе и наколола на вилку кусочек грейпфрута.

– Вчера Чарли подошел ко мне и уговорил попросить за него...

Она приподняла бровь, но ничего не сказала.

Вуди набрал побольше воздуха.

– Он просит тебя пригласить миссис Пешкову вступить в Общество леди Буффало.

Урсула уронила вилку, и раздался мелодичный звон серебра по фарфору. Словно чтобы скрыть свое замешательство, она сказала:

– Вуди, налей мне, пожалуйста, еще кофе.

Он выполнил ее просьбу без единого слова. Он не мог припомнить, чтобы хоть раз видел ее сбитой с толку.

Она отпила кофе и сказала:

– Ради всего святого, зачем могло понадобиться Чарли, да и кому бы то ни было, чтобы Ольгу Пешкову приняли в Общество?

– Он хочет жениться на Дейзи.

– Вот как?

– И он боится, что его мать будет возражать.

– Это он правильно сообразил.

– Но он думает, что сможет ее уговорить...

– Если я впущу ее мать в Общество.

– Тогда, может быть, люди забудут, что ее отец был гангстером...

– Гангстером?

– Ну, или как минимум бутлегером.

– А, ты об этом, – небрежно сказала Урсула. – Да не в этом дело.

– Правда? – пришла очередь удивляться и Вуди. – А в чем же?

Урсула задумалась. Она молчала так долго, что Вуди даже подумал, не забыла ли она о нем. Наконец она сказала:

– В Ольгу Пешкову был влюблен твой отец.

– Иисусе!

– Не забывайся!

– Извини, бабушка, но ты так меня удивила...

– Они были помолвлены и собирались пожениться.

– Помолвлены? – повторил Вуди ошарашенно. Подумал минутку и сказал: – Наверное, я один во всем Буффало ничего об этом не знал.

Она улыбнулась ему.

– Иногда, и только у юных, встречается какая-то особая смесь мудрости с невинностью. Я хорошо помню, что таким был твой отец, и вижу, что ты тоже такой. Да, это известно всем в Буффало, хотя твоему поколению, несомненно, это так же скучно, как история древнего мира.

– И что же произошло? – сказал Вуди. – Я имею в виду, кто разорвал помолвку?

– Она, когда забеременела.

У Вуди упала челюсть.

– От папы? – ахнул он.

– Нет, от своего шофера, Льва Пешкова.

– Он был ее шофером? – потрясения следовали одно за другим. Вуди помолчал, стараясь переварить услышанное. – Боже мой, папа, должно быть, таким дураком себя чувствовал...

– Твой папа никогда не был дураком, – резко сказала Урсула. – Единственная глупость в его жизни – это когда он сделал Ольге предложение.

Вуди вспомнил о своем деле.

– Но все равно, бабушка, это же было ужас давно!

– Ужасно давно. Здесь нужно наречие, а не существительное. Но со здравым смыслом у тебя лучше, чем с грамматикой. Это действительно было очень давно.

Это звучало обнадеживающе.

– Так ты согласна?

– А как, по-твоему, будет себя чувствовать твой отец?

Вуди задумался. Пудрить мозги бабушке он не мог, она бы его в два счета вывела на чистую воду.

– А ему не все равно? – сказал он. – Вот если бы Ольга все время была рядом как постоянное напоминание об унижительном эпизоде его юности – тогда, я думаю, ему было бы неприятно.

– Ты верно думаешь.

– С другой стороны, он твердо убежден, что с окружающими всегда надо поступать справедливо. Он ненавидит несправедливость. И он не стал бы наказывать Дейзи за то, что совершила когда-то ее мать. И уж тем более не стал бы наказывать Чарли. Папа очень великодушен.

– Ты хочешь сказать, великодушнее, чем я, – заметила Урсула.

– Вовсе я этого не хочу сказать. Но, бабушка, я уверен, что если бы ты его спросила, то он бы не возражал против того, чтобы принять Ольгу в это общество.

– Согласна, – кивнула Урсула. – Но мне любопытно, понял ли ты, кому на самом деле принадлежит мысль обратиться с этой просьбой?

Вуди понял, куда она клонит.

– А, ты хочешь сказать, что это Дейзи уговорила Чарли? Я бы не удивился. Но разве это что-то меняет в этой истории?

– Пожалуй, нет.

– Так ты согласна?

– Я рада, что у моего внука доброе сердце, хоть и подозреваю, что этим пользуется хитрая и тщеславная девчонка.

Вуди улыбнулся.

– Бабушка, это значит «да»?

– Ты же понимаешь, что я не могу ничего обещать наверняка. Я выскажу это предложение комитету.

Предложения Урсулы все воспринимали как высочайшие повеления, но говорить этого Вуди не стал.

– Спасибо тебе. Ты очень добрая.

– А сейчас поцелуй меня и собирайся в церковь.

Вуди ретировался.

Он скоро забыл про Чарли и Дейзи. Сидя на скамье в соборе Святого Павла на Шелтон-сквер, он не слушал проповедь – речь шла о Ное и потопе, – а думал о Джоан Рузрок. Ее родители пришли в церковь, а она – нет. Действительно ли она появится на демонстрации? Если да, он пригласит ее на свидание. Но согласится ли она?

Он считал ее слишком умной, чтобы обращать внимание на разницу в возрасте. Она должна понимать, что с Вуди у нее больше общего, чем с тупицами вроде Виктора Диксона. А этот поцелуй! Вуди все еще трепетал, вспоминая его. А то, что она делала языком, – а другие девочки так делают? Ему хотелось попробовать снова, и как можно скорее.

Он думал, забегая вперед: если она согласится встречаться, будет ли это еще в сентябре? Он знал, что она должна была уехать в колледж Вассар в городе Пукипси. А он вернется в школу и не увидит ее до Рождества. Вассар был женский колледж, но должны же быть мужчины в Пукипси. Будет она с кем-нибудь встречаться? Он уже ревновал.

Выйдя из собора, он сказал родителям, что домой на ланч не пойдет, а направится на марш протеста.

– Молодец! – сказала мама. В юности она была редактором «Буффальского анархиста». Она повернулась к мужу. – Гас, тебе бы тоже стоило сходить...

– Профсоюз выдвинул обвинения, – сказал папа. – И я не могу высказывать свое мнение до судебного расследования, ты же понимаешь.

Мама снова повернулась к Вуди.

– Смотри только, чтобы тебя не избили бандиты Льва Пешкова.

Вуди вынул из багажника отцовского автомобиля свою фотокамеру. Это была «Лейка-III», такая маленькая, что можно было ее носить, надев ремешок на шею, а выдержка затвора у нее была в одну пятисотую секунды.

Он прошел несколько кварталов в сторону Ниагара-сквер, где должен был начаться марш. Лев Пешков пытался заставить городские власти запретить демонстрацию на том основании, что она приведет к насилию, но профсоюз настаивал, что акция будет носить мирный характер. По-видимому, в споре победил профсоюз, так как вокруг здания муниципалитета бесцельно бродили несколько сотен человек. Многие несли старательно расшитые знамена, красные флаги и транспаранты с надписью: «Нет – хозяйским громилам!» Вуди огляделся в поисках Джоан, но не увидел ее.

Погода была хорошая, настроение – солнечное, и он сделал несколько снимков: рабочие в воскресных костюмах и шляпах; легковая машина, вся в транспарантах; молодой полицейский, грызущий ногти. Джоан все еще не было, и он стал думать, что она не появится. Он сообразил, что сегодня она могла проснуться с головной болью.

Марш должен был начаться в полдень. Без нескольких минут час шествие наконец началось. Вуди заметил, что по всему маршруту стояло мощное полицейское оцепление. Он оказался почти в середине процессии.

Когда они пошли на юг по Вашингтон-стрит, направляясь к индустриальному центру города, он увидел, как в нескольких ярдах впереди к маршу присоединилась Джоан, и его сердце радостно забило. Она была в брюках, которые очень хорошо смотрелись на ее фигуре. Он пошел быстрее, чтобы ее догнать.

– Доброе утро! – радостно крикнул он.

– Надо же, сколько в тебе бодрости, – сказала она.

Это было преуменьшение. У него шла кругом голова от счастья.

– У тебя что, похмелье?

– То ли похмелье, то ли я подхватила чуму. Какой вариант тебе кажется более вероятным?

– Если это чума, то должна быть сыпь. У тебя есть высыпания на теле? – Вуди едва соображал, что говорит. – Я не врач, но с удовольствием тебя осмотрю.

– Вот неугомонный! Прекрати. Это, конечно, мило, но у меня сейчас не то настроение. Вуди попытался сбавить обороты.

– На проповеди тебя не хватало. Речь шла о Ное.

К его ужасу, она расхохоталась.

– Ах, Вуди, мне нравится, когда ты такой забавный, но, пожалуйста, не смеши меня сегодня!

Он подумал, что, возможно, это похвала – но уверенности у него не было.

Он заметил в переулке открытый магазинчик.

– Тебе нужно больше жидкости, – сказал он. – Я сейчас.

Он забежал в магазинчик и купил две бутылки кока-колы, холодные как лед, прямо из холодильника. Он попросил продавца их открыть и вернулся в колонну.

– Ух ты! Ты мне жизнь спас! – она приложила бутылку к губам и долго пила.

Вуди подумал, что пока счет в его пользу.

Несмотря на мрачную причину марша протеста, настроение у демонстрантов было хорошее. Компания людей в возрасте распевала политические гимны и народные песни. Было даже несколько семей с детьми. И на небе – ни облачка.

– Ты читала «Исследование истерии»?

– Никогда и не слышала.

– Да? Это Зигмунд Фрейд. Мне казалось, ты им интересуешься.

– Меня интересуют его идеи. Но ни одной его книги я не читала.

– А зря. «Исследование истерии» – жутко интересно.

Она глянула на него с любопытством.

– А ты почему взялся за такую книгу? Я уверена, что в твоей дорогущей школе с давними традициями психологию не преподают.

– Ну, не знаю... Может, я слышал, как ты говорила о психоанализе, и подумал, что, должно быть, это очень здорово. Так и оказалось.

– Что именно?

Вуди почувствовал, что она его проверяет: действительно он понял или только делает вид?

– Идея, что в действиях сумасшедшего – например, в маниакальном разливе чернил на скатерть – может присутствовать некоторая внутренняя логика.

Она кивнула.

– Да, – сказала она, – вот именно.

Вуди интуитивно понял, что она не понимает, о чем он говорит. О Фрейде он знал уже больше, чем она, но ей было неловко в этом признаться.

– А чем ты любишь заниматься? – спросил он. – Ты любишь театр? Или классическую музыку? Наверное, когда твой отец – владелец сотни кинотеатров, то вряд ли ходить в кино – большое удовольствие?

– А почему ты спрашиваешь?

– Ну... – Он решил говорить честно. – Я хочу тебя куда-нибудь пригласить, и мне хотелось бы позвать тебя на что-то такое, что тебе очень нравится. Так что выбери куда – и давай туда сходим.

Она улыбнулась – но не такой улыбкой он ждал. Она улыбалась ему по-дружески, но сочувственно, и он понял, что ее ответ его не обрадует.

– Вуди, я бы с удовольствием, но тебе всего пятнадцать.

– А вчера вечером ты сказала, что я взрослее, чем Виктор Диксон.

– С ним я тоже не стала бы встречаться.

У Вуди сдавило горло, и голос прозвучал хрипло.

– Это отказ?

– Да, и категорический. Я не хочу встречаться с мальчиком на три года младше меня.

– Можно, я приглашу тебя через три года? Тогда я стану на три года старше.

Она рассмеялась и сказала:

– Хватит умничать, у меня и так голова болит.

Вуди решил, что не стоит скрывать свою обиду. Что ему было терять? Чувствуя себя уязвленным, он спросил:

– А зачем ты меня целовала?

– Просто так.

Он горько покачал головой.

– А для меня это было не просто так. Это был лучший поцелуй в моей жизни.

– О господи... Я понимаю, что не надо было этого делать. Слушай, ну мне просто так захотелось... И мне понравилось – гордись, это честь для тебя. Вуди, ты славный мальчик и очень остроумный, но поцелуй – это еще не объяснение в любви, как бы тебе это ни понравилось.

Они шли уже в первых рядах демонстрантов, и Вуди увидел впереди цель их марша: высокую стену, окружающую буффальский металлургический завод. Ворота были закрыты и охранялись дюжиной заводских полицейских – бандитского вида парней в синих рубашках, в подражание полицейской форме.

– К тому же я была выпивши, – сказала Джоан.

– Да, я тоже выпил, – сказал Вуди.

Это была отчаянная попытка сохранить достоинство, но у Джоан хватило деликатности сделать вид, что она верит ему.

– Значит, мы оба вели себя немножко глупо и просто надо забыть об этом, – сказала она.

– Ну да, – сказал Вуди, отводя взгляд.

Они уже были у самого завода. Голова колонны остановилась перед воротами, и кто-то начал в рупор произносить речь. Посмотрев внимательнее, Вуди узнал в говорившем руководителя местного профсоюза Брайана Холла. Отец Вуди знал и уважал этого человека: когда-то в туманном прошлом они вместе нашли компромисс для прекращения забастовки.

Хвост колонны продолжал двигаться вперед, возникла толча, и толпа стала растекаться по всей ширине улицы. Заводская полиция не позволяла приближаться ко входу, хотя ворота были закрыты. Вуди увидел, что они вооружены утяжеленными полицейскими дубинками для ночного патрулирования.

– Не подходить к воротам! Это частная собственность! – крикнул один из них. Вуди поднял фотоаппарат и сфотографировал его.

Но на людей перед воротами напирала те, кто стоял сзади. Вуди взял Джоан за руку и стал пытаться пробиться из самой давки. Однако это было нелегко: толпа стояла плотно, и никто не собирался тесниться, чтобы их пропустить. Вуди увидел, что их против воли придвигают все ближе к воротам завода и охранникам с дубинками.

– Дело принимает нехороший оборот, – сказал он Джоан.

Но она была вне себя от восторга.

– Эти ублюдки нас не удержат! – крикнула она.

– Верно! Верно, черт их дери! – крикнул человек, стоящий рядом с ней.

Толпа все еще была метрах в десяти от ворот, а то и больше, но тем не менее охранники без необходимости начали расталкивать демонстрантов. Вуди это сфотографировал.

Брайан Холл прежде все кричал в свой рупор о бандитах босса, направив указующий перст на заводскую полицию. Теперь он сменил пластинку и стал призывать к спокойствию.

– Братва, давайте отойдем от ворот. Отходите, не надо нарываться.

На глазах у Вуди охранник толкнул женщину – так сильно, что та едва удержалась на ногах. Она не упала, но вскрикнула, а человек, шедший рядом с ней, сказал охраннику:

– Эй, приятель, нельзя ли полегче?

– Что, начинается? – угрожающе сказал охранник.

– Да просто прекратите толкаться! – завизжала женщина.

– Отходим, отходим! – рявкнул охранник. Он замахнулся на женщину дубинкой. Та завопила.

Когда дубинка опустилась, Вуди сделал кадр.

– Этот сукин сын ударил женщину! – ахнула Джоан и шагнула вперед.

Но большая часть толпы стала двигаться в противоположном направлении, прочь от завода. Когда демонстранты повернули назад, следом за ними двинулась и охрана, толкая людей в спины, пиная и охаживая дубинками.

Брайан Холл закричал:

– Нет нужды применять силу! Полиция завода, остановитесь! Не пускайте в ход дубинки!

Но тут один из охранников вышиб рупор у него из рук.

Кое-кто из парней помоложе давал сдачи. В толпе появилось с полдюжины настоящих полицейских. Они ничего не делали, чтобы усмирить заводскую полицию, зато начали арестовывать всех, кто ей сопротивлялся.

Охранник, бывший зачинщиком этой драки, упал на землю, и двое демонстрантов стали бить его ногами.

Вуди сделал еще один кадр.

Джоан с яростным криком бросилась на одного из охранников, и ее ногти прошлись по его лицу. Он резко махнул рукой, отталкивая ее. Случайно или нет, но основание ладони пришлось ей в нос. Она отпрянула, из ноздрей пошла кровь. Охранник замахнулся дубинкой. Вуди схватил ее за талию и дернул назад. Дубинка прошла мимо.

– Идем! – закричал ей Вуди. – Надо выбираться отсюда!

От удара в лицо ее гнев прошел, и она не сопротивлялась, пока он, с болтающимся на шее фотоаппаратом, как можно быстрее местами тащил, а местами и нес ее подальше от ворот. В толпе поднялась паника, все бросились бежать, кто-то падал, другие шли прямо по ним.

Вуди был одним из самых высоких и смог удержаться на ногах и удержать Джоан. Им удалось пробиться в этой давке, оставаясь вне пределов досягаемости дубинок. Наконец толпа стала редеть. Джоан освободилась из его объятий, и они побежали.

Шум драки за их спинами постепенно стих. Они пару раз свернули за угол и через пару минут оказались на пустой улице, где находились заводы и склады – в воскресенье все это было закрыто. Они замедлили шаг, тяжело дыша, и Джоан засмеялась.

– Вот здорово было! – сказала она.

Вуди не разделял ее восторга.

– Это было отвратительно, – сказал он. – А могло стать еще хуже.

Он спас ее, и у него была слабая надежда, что она передумает и согласится с ним встретиться.

Но она не чувствовала к нему никакой особой благодарности.

– Да ладно тебе! – пренебрежительно сказала она. – Никто ж не умер.

– Эти охранники намеренно спровоцировали беспорядки!

– Конечно, именно так! Лев Пешков хочет выставить членов профсоюза в плохом свете.

– Но мы-то знаем правду! – Вуди похлопал по камере. – И у меня есть доказательства.

Они прошли с полмили, потом Вуди заметил такси без пассажиров и остановил его.

Он дал водителю адрес дома, где жило семейство Рузроков.

Сидя на заднем сиденье такси, он вынул из кармана носовой платок.

– Мне бы не хотелось привезти тебя к отцу в таком виде, – сказал он. Развернув квадрат белого хлопка, он легонько промокнул кровь на ее верхней губе.

Это было очень интимное движение, и он решил, что это эротично, но она недолго это терпела.

– Я сама, – сказала она. Взяв платок у него из руки, она стала сама стирать с лица кровь. – Как сейчас?

– Еще немножко, – солгал он и снова забрал платок. У нее был большой рот, ровные белые зубы, соблазнительно полные губы. Он сделал вид, что нужно протереть еще под нижней губой. Осторожно протер и сказал:

– Вот так лучше.

– Спасибо... – она смотрела на него со странным выражением: ласково и возмущенно. Она поняла, что он соврал про кровь на подбородке, и не знала, сердиться на него или нет, догадался он.

Такси остановилось перед ее домом.

– Ты не заходи, – сказала она. – Я что-нибудь совру родителям о том, где я была, и мне совсем не надо, чтобы ты выболтал правду.

Вуди подумал, что из них двоих он, пожалуй, лучше умеет хранить тайну, но не сказал этого.

– Я позвоню тебе попозже.

– Ладно.

Она вышла из такси и, небрежно махнув рукой, пошла по подъездной аллее к дому.

– Какая милашка, – сказал водитель. – Но слишком взрослая для тебя.

– А меня отвезите на Делавэр-авеню, – сказал Вуди. Он назвал номер дома и ближайший перекресток. Не хватало еще обсуждать Джоан с каким-то таксистом.

Он размышлял над полученным отказом. Чему было удивляться, когда все, начиная его братом и заканчивая таксистом, говорят, что он мал для нее. Но все равно было больно. У него было такое чувство, что теперь его жизнь бессмысленна. Как ему дожить до конца дня?

Когда он вернулся домой, у родителей, как обычно по воскресеньям, был послеобеденный отдых. Чак полагал, что именно в это время они занимались сексом. Сам Чак, по словам Бетти, ушел с компанией друзей купаться.

Вуди пошел в фотолабораторию и занялся проявкой вынутой из фотоаппарата пленки. Он пустил в ванночку теплую воду, чтобы довести раствор до нужной температуры, потом сунул пленку в темный мешочек, чтобы зарядить ее в светонепроницаемый бачок.

Это был довольно долгий процесс, требующий терпения, но Вуди был счастлив, что может сидеть в темноте и думать о Джоан. После того как они вместе были на демонстрации, она в него не влюбилась, но они несомненно стали ближе. Конечно, постепенно он будет ей нравиться все больше и больше. Может быть, ее отказ – не окончательный. Может быть, ему стоит продолжать ее добиваться. Интересы к другим девочкам у него не было совершенно.

Когда прозвенел будильник, он поместил пленку в стоп-раствор, чтобы остановить химическую реакцию проявки, потом в фиксаж, чтобы закрепить изображение. Наконец он промыл и высушил пленку и стал просматривать ленту черно-белых негативов.

Он решил, что они вполне удались.

Он порезал пленку на кадры, потом вставил первый кадр в увеличитель. Положил на столик фотоувеличителя листок фотобумаги размером восемь на десять дюймов, включил свет и стал считать секунды. Потом он поместил фотобумагу в ванночку с проявителем.

Это была лучшая часть процесса. На белой бумаге медленно стали проступать островки и постепенно стало вырисовываться изображение. Это всегда казалось ему чудом. На первой фотографии он увидел негра и белого, оба были в воскресных костюмах и в шляпах и держали транспарант со словом «Братство» большими буквами. Когда изображение стало отчетливым, он переложил фотографию в ванночку с фиксажем, а затем промыл и высушил.

Вуди напечатал все отснятые кадры, вынес на свет и разложил на столе в столовой. Он был доволен: фотографии были живые, с действием, на них четко прослеживалась последовательность событий. Услышав, что родители наверху ходят по комнате, он позвал маму. Она до замужества была журналисткой, да и сейчас еще писала книги и статьи в журналы.

– Что ты об этом думаешь? – спросил он ее.

Она внимательно изучила их своим единственным глазом. Помолчав, она сказала:

– Я думаю, они хороши. Тебе стоило бы отнести их в газету.

– Правда? – сказал он, чувствуя радостное волнение. – А в какую газету?

– Все они, к несчастью, консервативны... Может быть, в «Буффало сентинел»... Редактор там – Питер Хойл, он там с допотопных времен сидит. Он хорошо знаком с твоим отцом и наверняка тебя примет.

– Когда мне показать ему фото?

– Сейчас же. Марш – это свежая новость, и будет во всех завтрашних газетах. Фотографии им понадобятся сегодня вечером.

Вуди воодушевился.

– Ладно, – сказал он. Собрав глянцевые листки, он сложил их аккуратной стопкой. Мама принесла из папиного кабинета картонную папку. Вуди поцеловал маму и выскочил из дома.

Ему сразу попался автобус, шедший в центр города.

Главный вход в «Сентинел» был закрыт, и Вуди пережил минуту разочарования, но рассудил, что если в понедельник должен выйти новый номер, то должны же как-то репортеры входить в здание и выходить из него, – и конечно же, он нашел боковой вход.

– Я принес мистеру Хойлу несколько фотографий, – сказал он человеку, сидевшему за дверью, и его направили вверх.

Он нашел кабинет редактора, назвал секретарше свое имя и через минуту уже здоровался за руку с Питером Хойлом. Редактор был высокий представительный человек с седыми волосами и черными усами. Оказалось, он заканчивал обсуждение с младшим коллегой. Он говорил громко, словно перекрикивая шум печатающего аппарата.

– Джек, рассказ про водителей, что сбивают пешеходов и уезжают, – хорош, но введение слабовато, – сказал он, небрежно положив руку собеседнику на плечо и подводя его к двери. – Начало надо переписать. Заявление мэра передвинь вниз, а начни с покалеченных детей.

Джек вышел, и Хойл повернулся к Вуди.

– Что у тебя, мальчик?

– Я участвовал сегодня в шествии.

– В бунте, ты хочешь сказать?

– Никакого бунта не было, пока охранники не начали избивать своими дубинками женщину.

– Я слышал, что демонстранты пытались ворваться на завод и охрана их разогнала.

– Сэр, это не так, и доказательство – вот эти фотографии.

– Ну, показывай.

Еще в автобусе Вуди разложил их по порядку.

– Начиналось все мирно, – сказал он, выкладывая на стол редактора первую фотографию. Хойл отодвинул ее в сторону.

– Это ничего не значит, – сказал он.

Вуди выложил фотографию, сделанную перед заводом.

– Охранники ждали у ворот. Здесь видно, что они с дубинками.

Следующая фотография была сделана, когда охранники начали толкать людей.

– Демонстранты были как минимум в десяти метрах от ворот, так что охране не было необходимости пытаться их теснить назад. Это была намеренная провокация.

– Ладно, – сказал Хойл и не отодвинул фотографию.

Вуди достал свой лучший снимок: охранник замахивается дубинкой на женщину.

– Я видел весь этот инцидент, – сказал Вуди. – Все, что сделала эта женщина, – она сказала ему, чтобы он перестал ее толкать, а он ударил ее дубинкой.

– Хорошая фотография, – сказал Хойл. – Еще есть?

– Еще одна, – ответил Вуди. – Большинство демонстрантов стали разбегаться, как только началась драка, но несколько человек оказали сопротивление. – И он показал Хойлу фотографию, где двое демонстрантов били ногами охранника, лежащего на земле. – Эти люди вступились за женщину, которую он бил.

– Вы хорошо поработали, юный Дьюар, – сказал Хойл. – Двадцати долларов будет достаточно?

– Вы хотите сказать, что напечатаете мои фотографии?

– Я полагаю, вы их затем и принесли.

– Да, сэр, благодарю вас, двадцать долларов – вполне достаточно. То есть отлично. То есть даже слишком...

Хойл заполнил бланк и подписал.

– Идите с этим к кассиру. Моя секретарша расскажет вам, как его найти.

Телефон на столе зазвонил. Редактор поднял трубку и рявкнул:

– Хойл!

Вуди понял, что с ним разговор закончен, и вышел из комнаты.

Он был на седьмом небе. Плата была потрясающая, но гораздо больше его волновало то, что газета опубликует его фотографии. Следуя инструкциям секретарши, он нашел маленькую комнатку со стойкой и кассовым окошком и получил свои двадцать долларов. Потом он поехал на такси домой.

Родители обрадовались его удаче, и даже брат, казалось, был доволен. За обедом бабушка сказала:

– Только не рассматривай журналистику в качестве карьеры. Это было бы понижение.

Вуди действительно раздумывал, не начать ли ему вместо политики фотографировать для новостей, и был удивлен, услышав, что бабушка этого не одобряет.

Мама улыбнулась и сказала:

– Но дорогая Урсула, я же была журналисткой.

– Это совсем другое дело, ты – девочка, – ответила бабушка. – А Вудро должен стать выдающимся человеком, как его дед и отец.

Мама на это не обиделась. Она обожала бабушку и терпеливо слушала, посмеиваясь, как та выражает свое безапелляционное мнение.

Однако Чака возмущала традиция сосредоточивать внимание на старшем сыне.

– А из меня что должно выйти, чепуха на постном масле? – сказал он.

– Чарльз, веди себя прилично, – сказала бабушка, как обычно оставляя за собой последнее слово.

В ту ночь Вуди долго не засыпал. Он не мог дождаться, когда увидит свои фотографии в газете. Он чувствовал себя как ребенок перед рождеством: ему так хотелось, чтобы скорее наступило утро, что он никак не мог заснуть.

Он стал думать о Джоан. Зря она считала его маленьким. Он прекрасно ей подходил. Она относилась к нему с симпатией, у них было много общего, и тот поцелуй ей понравился. Он все же думал, что сможет завоевать ее сердце.

Наконец он заснул, а когда проснулся, было уже светло. Он надел поверх пижамы халат и сбежал вниз. Дворецкий Джо уже выходил с утра пораньше за газетами, и они лежали на боковом столе в гостиной, где семья завтракала. Родители уже были там: отец ел яичницу, а мама потягивала кофе.

Вуди схватил «Сентинел». Его работа была на первой странице.

Но это было совсем не то, чего он ожидал!

Фотография была только одна – последняя. На ней заводской охранник лежал на земле, а двое рабочих били его ногами. Заголовок гласил: «БУНТ НА МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОМ ЗАВОДЕ».

– Не может быть! – сказал он.

Не веря своим глазам, он стал читать статью. Там говорилось, что участники марша пытались ворваться на завод и охрана мужественно дала им отпор, но при этом несколько охранников получили небольшие травмы. Поведение рабочих осудили мэр, начальник полиции и Лев Пешков. Под статьей, в качестве дополнения, процитировали Брайана Холла, выступающего от лица профсоюза, который отрицал написанное в статье и обвинял охрану в насильственных действиях.

Вуди положил газету перед мамой.

– Я рассказал Хойлу, что беспорядки начали охранники, и в доказательство дал ему фотографии! – сердито сказал он. – Почему же он напечатал не правду, а вот это?

– Потому что он – консерватор, – ответила она.

– Но ведь газеты должны писать правду! – воскликнул Вуди звенящим от яростного возмущения голосом. – Не могут же они просто выдумывать то, чего не было!

– Очень даже могут, – сказала мама.

– Но это нечестно!

– Добро пожаловать в реальный мир, – сказала мама.

VI

Проходя через вестибюль отеля «Риц-Карлтон» в Вашингтоне, Грег Пешков с отцом столкнулись с Дейвом Рузроком.

Дейв был в белом костюме и соломенной шляпе. Он посмотрел на них с ненавистью. Лев поздоровался, но Дейв презрительно отвернулся, ничего не ответив.

Грег знал почему. Все лето Дейв нес убытки, потому что «Театры Рузрок» не получали самых модных фильмов. И должно быть, Дейв догадался, что это как-то подстроил Лев.

На прошлой неделе Лев предложил Дейву за его сеть кинотеатров четыре миллиона – половину того, что предлагал раньше, – и снова Дейв отказался.

– Цена будет падать, Дейв, – предостерег его Лев.

– Интересно, что он здесь делает? – сказал Грег.

– Он приехал, чтобы встретиться с Солом Старром. Хочет спросить, почему Сол не дает ему хороших фильмов, – Было очевидно, что Льву все об этом известно.

– И что ответит мистер Старр?

– Будет водить его за нос.

Грег восхитился возможностями отца все знать и оставаться на гребне волны в любой ситуации. Он всегда был на ход впереди.

Они вошли в лифт. Грег раньше не был в этом отеле, в постоянном номере отца. И его мать Марга никогда там не бывала.

Лев проводил в Вашингтоне много времени, потому что правительство вечно вставляло палки в колеса киноиндустрии. Людей, считающих себя законодателями морали, очень беспокоило, что показывают на большом экране, и они давили на правительство, чтобы кинокартины проходили правительственную цензуру. Лев смотрел на это как на торг (он вообще смотрел на жизнь как на торг), и его главной целью было избежать формальной цензуры, добровольно придерживаясь определенного свода правил. Эту стратегию поддерживал и Сол Старр, и большинство других голливудских шишек.

Они вошли в гостиную, невероятно пышную, гораздо более, чем просторные апартаменты в Буффало, где жили Грег с матерью, – он всегда считал их роскошными. Здесь была мебель на тонких ножках – наверное, французская, подумал Грег, – дорогие каштаново-коричневые бархатные шторы на окнах и огромный проигрыватель. В центре комнаты, к его изумлению, на желтом шелковом диване сидела кинозвезда Глэдис Энджелус.

Говорили, что она – самая красивая женщина в мире.

Грег понимал почему. Она вся излучала желание, от призывных темно-синих глаз и до скрещенных под облегающей юбкой длинных ног. Когда она протянула руку, здороваясь, алые губы улыбнулись, а круглые груди под мягким свитером соблазнительно качнулись.

Он помедлил долю секунды, прежде чем пожать протянутую руку. Ему казалось, что он предает свою мать, Маргу. Она никогда не произносила имя Глэдис Энджелус – верный знак, что ей были известны сплетни про Глэдис и Льва. Грег понимал, что заводит дружбу с врагом матери. Если бы мама узнала, то заплакала бы, подумал он.

Однако его застали врасплох. Если бы он знал заранее, если бы у него было время подумать, как ответить, он мог бы подготовиться, деликатно избежать рукопожатия. Но он не мог заставить себя ответить неуклюжей грубостью этой непреодолимо очаровательной женщине.

Поэтому он пожал протянутую руку, взглянул в ее изумительные глаза и вымученно улыбнулся.

Она задержала его руку и сказала:

– Я так рада наконец-то с вами познакомиться. Ваш отец мне о вас рассказывал, только не сказал, что вы такой красивый.

Это прозвучало как-то неприятно, по-хозяйски, словно она была членом семьи, а не шлюхой, присвоившей место его матери. И все равно он чувствовал действие ее чар.

– Я обожаю ваши фильмы, – неловко сказал он.

– Ну что вы, не стоит об этом, – сказала она, но Грег подумал, что все равно ей приятно это слышать. – Идите сюда и садитесь рядом со мной, – продолжала она, – я хочу с вами лучше познакомиться.

Он послушался. Просто не смог удержаться. Глэдис спросила его, в какую школу он ходит, он начал ей отвечать, и тут зазвонил телефон. Он слышал краем уха, как отец ответил в трубку: «Предполагалось завтра... Но если надо, можно и поскорее. Предоставь это мне, я займусь этим сам».

Лев положил трубку и, перебив Глэдис, сказал:

– Грег, твой номер – дальше по коридору. – Он протянул Грегу ключ. – Найдешь там подарок от меня. Устраивайся, развлекайся. На обед встречаемся в семь.

Это было внезапно, и Глэдис выглядела обескураженно, но Льву иногда случалось вести себя категорично, и лучше было просто слушаться. Грег взял ключ и вышел.

В коридоре он увидел широкоплечего парня в дешевом костюме, напомнившего ему Джо Брехунова, начальника охраны на буффальском металлургическом заводе. Грег кивнул, и парень сказал: «Добрый день, сэр». По-видимому, он был из служащих отеля.

Грег вошел в свой номер. Тут было довольно уютно, хоть и без такого шика, как в номере отца. Подарка, о котором говорил отец, он не увидел, но его чемодан был здесь, и он начал разбирать вещи, думая о Глэдис. Можно ли сказать, что он предал маму, пожимая руку любовнице отца? Конечно, Глэдис делала то же, что и сама Марга, – спала с чужим мужем. Но все равно он чувствовал мучительное беспокойство. Говорить ли маме, что видел Глэдис? Вот уж черта с два.

Вешая в шкаф рубашки, он услышал стук в дверь. Звук шел от двери, которая, похоже, вела в соседнюю комнату. Тут же дверь открылась, и вошла девушка.

Она была старше Грега, но ненамного. Кожа у нее была цвета темного шоколада. На ней было платье в горошек, под мышкой – небольшая сумочка без ручки. Она широко улыбнулась, демонстрируя белые зубы, и сказала:

– Привет! А я живу в соседнем номере.

– Я понял, – сказал он. – А ты кто?

– Джеки Джейкс, – ответила она, протягивая ему руку. – Я актриса.

Грег пожал руку уже второй очаровательной актрисе за один час. У Джеки был озорной вид, и это понравилось Грегу больше, чем подчиняющее обаяние Глэдис. Он взглянул на ее темно-красные, красиво изогнутые губы и сказал:

– Отец сказал, у него для меня подарок. Это ты?

Она хихикнула.

– Я, наверное. Он сказал, что ты мне понравишься. Он будет снимать меня в кино.

Грег понял расклад. Отец догадался, что ему будет неприятно дружески общаться с Глэдис. Джеки была его наградой за покладистость. Он подумал, что должен, наверное, отказаться от этой взятки, но не мог устоять.

– Ты отличный подарок, – сказал он.

– У тебя заботливый отец.

– Он замечательный, – сказал Грег. – И ты тоже.

– Какой ты милый... – Она положила свою сумочку на комод, шагнула к Грегу, встала на цыпочки и поцеловала его. Ее губы были мягкими и теплыми. – Ты мне нравишься, – сказала она. Потом положила руки ему на плечи. – Какой ты сильный.

– Я играю в хоккей с шайбой.

– С таким парнем девушка в безопасности... – Она обхватила его лицо обеими руками и снова его поцеловала – уже более долгим поцелуем. Потом вздохнула и сказала: – Я думаю, мы здорово проведем время.

– Ты думаешь?..

Вашингтон все же был южный город, с сильной сегрегацией. В Буффало белые и черные, как правило, могли есть в одних ресторанах, пить в одних барах, но здесь – совсем другое дело. Грег не знал, какие здесь законы, но был уверен, что в реальной жизни белого мужчину с черной женщиной ждут неприятности. Удивительно было уже то, что Джеки занимала комнату в этом отеле: должно быть, это устроил Лев. Но, конечно, и речи быть не могло, чтобы Грег и Джеки шлялись по городу вчетвером со Львом и Глэдис. Как же, интересно, они здорово проведут время? Ему в голову вдруг пришла поразительная мысль: вдруг она хочет лечь с ним в постель?

Он положил руки ей на талию, чтобы притянуть к себе и снова поцеловать, но она отстранилась.

– Мне нужно принять душ, – сказала она. – Дай мне несколько минут.

Она повернулась к нему спиной и исчезла за дверью в другую комнату, плотно закрыв ее за собой.

Он сел на кровать, пытаясь привести мысли в порядок. Джеки хотела сниматься в кино и, похоже, была согласна использовать для продвижения секс. Конечно же, до нее множество актрис, и черных и белых, пользовались этой стратегией. То же самое делала и Глэдис – спала со Львом. Грег с отцом были счастливчиками, снимавшими сливки.

Он увидел, что она забыла свою сумочку. Он взял ее и попробовал открыть дверь. Оказалось не заперто. Он вошел внутрь.

Она говорила по телефону, стоя в розовом купальном халате.

– Да, отлично, без проблем, – сказала она. Ее голос казался более взрослым, и он понял, что с ним она говорила тоном маленькой девочки, который не был для нее естественным. Увидев его, она улыбнулась и сказала: – Пожалуйста, не соединяйте меня ни с кем. Я не хочу, чтобы меня беспокоили. Спасибо. До свидания.

– Ты оставила, – сказал Грег, подавая ей сумочку.

– Тебе просто хотелось увидеть меня в халате, – кокетливо сказала она. Спереди халат не очень-то прикрывал ее грудь, и Грег видел чарующие формы безупречного коричневого тела.

Он широко улыбнулся.

– Нет, но я рад, что увидел.

– Возвращайся к себе. Мне нужно в душ. Может, попозже увидишь больше.

– Ничего себе, – сказал Грег.

Он вернулся в свою комнату. Это было потрясюще. «Может, попозже увидишь больше...» – повторил он вслух самому себе. Какая девчонка так скажет!

Он почувствовал возбуждение, но не захотел его снимать сам, когда настоящий секс так близко. Чтобы отвлечься, он стал дальше распаковывать вещи. У него был дорогой бритвенный набор – бритва и кисточка с перламутровыми рукоятками, подарок матери. Он положил их в ванной, размышляя, произведут ли они на Джеки впечатление, если она их увидит.

Стены были тонкие, и он слышал из соседней комнаты звук льющейся воды. Им завладела мысль о ее обнаженном мокром теле. Он попытался сосредоточиться на раскладывании в шкафу носков и нижнего белья.

А потом он услышал ее крик.

Он обмер. Какое-то мгновение он был так ошарашен, что не мог пошевелиться. Что это могло означать? С какой стати ей так орать? Но она снова закричала, и это вывело его из ступора. Он распахнул дверь между их номерами и шагнул в ее комнату.

Она была голая. Он никогда еще не видел в реальной жизни голую женщину. У нее были заостренные груди с темно-коричневыми сосками. Волосы на лобке были черные, упругие. Она стояла, прижавшись к стене и безуспешно пытаясь прикрыть наготу руками.

Перед ней стоял Дейв Рузрок, по его аристократической щеке тянулась двойная царапина – видимо, оставленная розовыми лакированными ногтями Джеки. На широком лацкане белого двубортного пиджака Дейва была кровь.

– Уберите его от меня! – взвизгнула Джеки.

Грег замахнулся. Дейв был на дюйм выше, но он был старик, а Грег – юноша атлетического сложения. Удар пришелся Дейву в челюсть – скорее случайно, чем намеренно, – и Дейв покачнулся, а потом упал на пол.

Наружная дверь открылась.

Вошел широкоплечий служащий отеля, которого Грег недавно видел. Должно быть, у него есть служебный ключ, подумал Грег.

– Я – Том Кранмер, штатный детектив отеля, – сказал служащий. – Что здесь происходит?

Грег сказал:

– Я услышал, как она закричала, вошел – а тут он.

– Он пытался меня изнасиловать! – сказала Джеки.

Дейв с трудом поднялся на ноги.

– Это неправда, – сказал он. – Мне сказали прийти в этот номер на встречу с Солом Старром.

Джеки начала всхлипывать.

– Ну вот, теперь он начнет заливать!

– Пожалуйста, наденьте что-нибудь, мисс, – сказал Кранмер.

Джеки надела свой розовый банный халат.

Детектив снял трубку гостиничного телефона, набрал номер и сказал:

– На углу обычно дежурит полицейский. Пусть он немедленно придет в вестибюль.

Дейв уставился на Грегга.

– А ты, похоже, пешковский ублюдок, а?

Грег чуть снова ему не двинул.

– О господи, так это все подстроено! – сказал Дейв.

Эта фраза отправила Грегга в нокаут. Он интуитивно почувствовал, что Дейв говорит правду. Его рука разжалась. Он понял, что всю эту сцену, должно быть, спланировал его отец. Дейв Рузрок никакой не насильник. Джеки лгала. И сам Грег был просто актером в фильме. У него голова пошла кругом.

– Сэр, попрошу вас пройти со мной, – сказал Кранмер, крепко взяв Дейва за руку. – И вас обоих – тоже.

– Вы не имеете права меня арестовывать! – сказал Дейв.

– Имею, сэр, – сказал Кранмер, – и сейчас передам вас полицейскому.

– Переоденешься? – спросил Грег Джеки. Та помотала головой, быстро и решительно. Грег понял, что это часть сценария: она должна появиться в халате.

Он взял Джеки за руку, и они пошли за Кранмером и Дейвом по коридору, вошли в лифт. Полицейский ждал в вестибюле. Должно быть, и он, и штатный детектив получили роли в этом сценарии, предположил Грег.

– Я услышал крик из ее номера, – сказал Кранмер, – и увидел там этого старика. Она говорит, он пытался ее изнасиловать. Мальчик – свидетель.

У Дейва был ошеломленный вид, словно все происходящее казалось ему дурным сном. Грег почувствовал, что ему жаль Дейва. Его безжалостно загнали в ловушку. Лев оказался куда более жестоким, чем Грег мог себе представить. С одной стороны, он восхищался отцом, но с другой стороны – сомневался, была ли необходима такая жестокость.

– Ладно, поехали, – сказал полицейский, защелкивая на руках у Дейва наручники.

– Куда? – спросил Дейв.

– В участок.

– А нам всем надо ехать? – спросил Грег.

– Да.

– Не волнуйся, сынок, – сказал тихонько Грегу Кранмер. – Ты сделал большое дело. Сейчас поедem в участок, дадим показания, а потом развлекайся с ней хоть до Рождества.

Полицейский повел Дейва к двери, остальные пошли следом.

Как только они вышли за порог, их ослепила вспышка фотографа.

VII

Вуди Дьюар получил на почте заказанную в Нью-Йорке книгу Фрейда «Исследование истерии». В знаменательный вечер бала в яхт-клубе – а для буффальского высшего общества

это было кульминационное событие сезона – он аккуратно завернул книгу в оберточную бумагу и перевязал красной лентой.

– Конфеты для какой-нибудь счастливицы? – спросила в прихожей мама, проходя мимо. У нее был один глаз, но она замечала все.

– Книжка, – сказал он. – Для Джоан Рузрок.

– Ее на балу не будет.

– Я знаю.

Мама остановилась и внимательно взглянула на него. Потом сказала:

– Ты, похоже, серьезно к ней относишься.

– Кажется, да. Но она считает, что я молод для нее.

– Может быть, дело в гордости. Подружки стали бы спрашивать, почему ее не приглашают на свидания парни ее возраста. Девочки бывают жестокими.

– Я дождусь, когда она повзрослеет.

Мама улыбнулась.

– Уверена, ты ее здорово сметишь.

– Еще бы. Это мой главный козырь.

– Ну, в конце концов, и я вашего отца ждала довольно долго.

– Правда?

– Я полюбила его с первой встречи. И долгие годы молча страдала. Мне пришлось смотреть, как он сох по этой глупой корове Ольге Вяловой, которая и мизинца его не стоила, но зато у нее было два глаза. Какое счастье, что ее обрюхатил их шофер! – Иногда мамина речь была грубоватой, особенно когда поблизости не было бабушки. Плохих привычек она набралась за те годы, когда работала в газетах. – А потом он ушел на войну. Я была вынуждена отправиться за ним во Францию, и только там мне наконец удалось его окрутить.

Вуди почувствовал, что она говорит о своих воспоминаниях не только с грустью, но и с болью.

– Но он понял, что самая подходящая для него девушка – ты.

– В конце концов – да.

– Может быть, так будет и у меня.

– Удачи, сынок, – сказала мама, целуя его.

До дома Рузроков было меньше мили, и Вуди пошел пешком. В яхт-клубе сегодня вечером никого из Рузроков не будет. После того загадочного случая в вашингтонском отеле «Риц-Карлтон» о Дейве писали во всех газетах. Обычно заголовок гласил: «Восходящая звезда обвиняет киномагната», или что-то в этом роде. С недавнего времени Вуди научился не доверять газетам. Однако легковверные люди говорили, что, должно быть, в этом что-то есть, иначе с какой стати полиция бы его арестовала?

С тех пор никто из семьи Дейва нигде не появлялся.

У дома Рузроков Вуди остановил вооруженный охранник.

– Посетителей сейчас не принимают, – бесцеремонно сказал он.

Вуди сообразил, что охраннику приходится постоянно отгонять репортеров, и простил ему невежливый тон. Он вспомнил имя служанки Рузроков и сказал:

– Пожалуйста, попросите мисс Эстеллу передать Джоан, что Вуди Дьюар принес ей книгу.

– Вы можете оставить ее у меня, – сказал охранник, протягивая руку.

– Спасибо, но – нет, – сказал Вуди, крепко сжимая книгу.

Охранник недовольно поморщился, но провел Вуди по дорожке к дому и позвонил в звонок. Дверь открыла Эстелла и сразу сказала:

– Здравствуйте, мистер Вуди. Заходите, вот Джоан обрадуется!

Входя, Вуди позволил себе бросить на охранника торжествующий взгляд.

Эстелла провела его в пустую гостиную. Она предложила ему, как маленькому, молоко и печенье, – он вежливо отказался. Через минуту вошла Джоан. У нее было осунувшееся лицо, оливковая кожа побледнела, но она радостно улыбнулась ему и села рядом поболтать.

Книжке она обрадовалась.

– Теперь мне придется читать доктора Фрейда, а не просто болтать о нем, – сказала она. – Ты хорошо на меня влияешь, Вуди.

– Я бы предпочел плохо на тебя влиять.

Она пропустила это мимо ушей.

– А ты что, не идешь на бал?

– У меня есть билет, но, раз тебя там не будет, мне там делать нечего. Может, хочешь вместо этого сходить в кино?

– Нет, спасибо. Правда не хочется.

– Или можно просто вместе пообедать. В каком-нибудь совсем тихом местечке. Если ты не возражаешь против поездки на автобусе.

– Ах, Вуди, конечно, я не возражаю против поездки на автобусе, но ты слишком молод для меня. И все равно лето кончается. Ты скоро вернешься в свою школу, а я поеду в Вассар.

– И, наверное, будешь там ходить на свидания.

– Ну надеюсь, что буду, конечно!

Вуди поднялся.

– Что же, ладно, тогда я дам обет безбрачия и уйду в монастырь. Только, пожалуйста, не приезжай меня навестить, чтобы не смущать остальную братию.

Она засмеялась.

– Спасибо, что ты отвлекаешь меня от проблем моей семьи.

Она впервые упомянула о произошедшем с ее отцом. Сам он не завел бы об этом речь, но, раз она это сделала, он сказал:

– Знаешь, мы все на вашей стороне. Никто не верит словам этой актрисы. Весь город понимает, что все подстроил этот гад Пешков, и все этим глубоко возмущены.

– Я знаю, – сказала она. – Но само это обвинение для моего отца – невыносимый позор. Я думаю, родители переедут во Флориду.

– Мне ужасно жаль.

– Мне тоже. А теперь – иди на бал.

– Может, и схожу.

Она проводила его до дверей.

– Можно поцеловать тебя на прощанье? – сказал он.

Она наклонилась к нему и поцеловала в губы. Этот поцелуй был совсем не такой, как тот, – но он интуитивно понял, что не надо сейчас притягивать ее к себе и прижиматься губами к ее губам. Это был нежный поцелуй, ее губы лишь на один сладкий миг коснулись его губ, мгновение – и все кончилось. Она отстранилась и открыла дверь.

– Спокойной ночи, – сказал Вуди, выходя.

– До свидания, – сказала Джоан.

VIII

Грег Пешков был влюблен.

Он знал, что Джеки Джейкс купил ему отец, чтобы он помог загнать в ловушку Дейва Рузрока, но, несмотря на это, он влюбился по-настоящему.

Он расстался с девственностью через несколько минут после возвращения из участка, и большую часть недели они провели в постели в «Риц-Карлтоне». Она сказала, что поль-

зоваться предохранительными средствами не нужно, потому что «все схвачено». Он очень слабо себе представлял, что бы это значило, но верил ей на слово.

Он никогда в жизни не был так счастлив, он обожал ее – особенно когда она оставляла свой тон маленькой девочки и проявляла острый ум и убийственное чувство юмора. Она соглашалась, что соблазнила Грега по уговору с его отцом, но призналась, что невольно влюбилась в него. Ее настоящее имя было Мэйбел Джейкс, и хотя она врала, что ей девятнадцать, на самом деле ей едва исполнилось шестнадцать, она была всего на несколько месяцев старше Грега.

Лев обещал снять ее в фильме, но, по его словам, он все еще искал подходящую роль. Искусно подражая русскому акценту Льва, она сказала: «Однако я думаю, искать-то он ищет, но в лепешку не расшибается».

– Наверное, не так уж много ролей есть для негритянок, – сказал Грег.

– Я знаю, в результате все кончится тем, что мне придется закатывать глаза и говорить: «Да, господин». Бывают же в пьесах и фильмах африканцы – Клеопатра, Ганнибал, Отелло, – но их обычно играют белые актеры. – Ее отец – он уже умер – был профессором в негритянском колледже, и литературу она знала получше Грега. – В конце концов, почему негры должны играть только черных? Если Клеопатру может играть белая актриса, почему Джульетта не может быть черной?

– Зрителям это показалось бы странным.

– Зрители бы привыкли. Они ко всему привыкают. Разве Иисуса всегда играет еврей? Никому нет до этого дела.

Она права, подумал Грег, но все равно так никогда не будет.

Когда Лев объявил, что они возвращаются в Буффало, – как обычно, в последнюю минуту, – Грег пришел в отчаяние. Он спросил отца, нельзя ли взять в Буффало и Джеки, но Лев посмеялся и сказал: «Сын, ты же не сходишь там, где ешь. Сможешь встречаться с ней, когда снова приедешь в Вашингтон».

Несмотря на это, Джеки приехала в Буффало на следующий же день после них и поселилась в дешевой квартирке возле Кэнал-стрит.

Следующие две недели Лев и Грег были заняты тем, что принимали дела «Театров Рузрок». В конце концов Дейв продал их за два миллиона, четверть того, что предлагалось с самого начала, и восхищение Грега отцом еще возросло. Джеки забрала заявление, намекнув при этом в газетах, что приняла денежное вознаграждение. Грег был потрясен бездушием и наглостью отца.

И у него была Джеки. Каждый вечер он говорил матери, что идет гулять с мальчишками, а на самом деле все свободное время проводил с Джеки. Он показывал ей город, устраивал пикники на берегу, ему даже удалось одолжить моторную лодку и повезти ее кататься. Никто не связывал ее с той девицей в банном халатике, выходящей из номера в «Риц-Карлтоне» на расплывчатой фотографии в газете. Но чаще всего они проводили теплые летние вечера, занимаясь сексом – жарко, исступленно, с упоением, путаясь в протертых простынях на узкой кровати в ее маленькой квартирке. Они решили, что пожениются сразу же, как только станут достаточно взрослыми.

Сегодня он решил повести ее на бал в яхт-клуб.

Достать билеты было невероятно трудно, но Грег подкупил школьного приятеля.

Он купил Джеки новое платье – розовое, атласное. Грег получал от матери немало денег на карманные расходы, да и отец то и дело баловал его пятидесятидолларовой купюрой, так что у него всегда имелось больше денег, чем было нужно.

В глубине души он чувствовал беспокойство. Джеки будет на балу единственной негритянкой, не разносящей напитки. Сама она очень не хотела идти, но Грег ее уговорил. Мальчишки будут ему завидовать, но старшие могут принять враждебно. Начнутся пере-

шептывания... Но красота и обаяние Джеки должны преодолеть предрассудки, думал он. Кто сможет устоять перед ней? А если какой дурак напьется и нахамит ей, Грег ему на кулаках растолкует, как надо себя вести.

Размышляя об этом, он услышал, как мама ему говорит не вести себя как влюбленный осел. Но не может же человек всю жизнь жить по указке матери.

Он шел по Кэнал-стрит во фраке и белом галстуке, предвкушая, как увидит ее сейчас в новом платье, а может, опустившись на колени, приподнимет подол, чтобы взглянуть на трусики и пояс с резинками.

Он вошел в дом – это было старое здание, поделенное на отдельные квартиры. На лестнице лежал старый вытертый ковер, пахло жареными специями. Он вошел в квартиру, отперев дверь своим ключом.

Пусто.

Это было странно. Куда она могла пойти без него?

С замершим сердцем он открыл шкаф. Там одиноко висело розовое атласное платье. Остальной ее одежды не было.

– Не может быть! – сказал он вслух. Что могло случиться?

На шатком деревянном столе лежал конверт. Он взял его и увидел свое имя, написанное аккуратным почерком школьницы. Его охватил ужас.

Трясущимися руками он разорвал конверт и прочитал короткое письмо:

*«Мой дорогой Грег!
Последние три недели были самыми счастливыми в моей жизни.
В глубине души я понимала, что мы никогда не сможем пожениться,
но так хорошо было мечтать об этом.
Ты чудесный мальчик и станешь хорошим человеком, если не во всем
будешь следовать примеру отца».*
Неужели Лев узнал, что Джеки живет здесь, и как-то заставил ее уехать? Он бы не стал этого делать. Или – стал бы?
*«Прощай и не забывай меня.
Твой Подарок,
Джеки».*

Грег скомкал письмо и заплакал.

IX

– Ты выглядишь замечательно, – сказала Ева Ротман Дейзи Пешковой. – Была бы я мальчиком, сразу бы влюбилась.

Дейзи улыбнулась. Ева и так была немножко влюблена в нее. И Дейзи действительно выглядела замечательно в льдисто-голубом шелковом платье из органди, от которого ее голубые глаза казались еще ярче. Нижний край платья спереди был отделан оборочками, закрывавшими ноги ниже щиколоток, а сзади задорно приподнимался до лодыжек, давая соблазнительную возможность взглянуть на ножки в тонких чулках.

Дейзи надела сапфировое кольцо матери.

– Это купил мне твой отец, – сказала Ольга. – Еще в те времена, когда хорошо ко мне относился. – Но поторапливайся, Дейзи, из-за тебя мы все опоздаем.

Ольга была в приличествующем старшему возрасту темно-синем платье, а Ева – в красном, что очень шло к ее темным глазам и волосам.

Дейзи спустилась по лестнице словно на крыльях счастья.

Они вышли из дома. Садовник Генри, сегодня исполняющий роль шофера, открыл перед ними дверцы черного сверкающего старенького «стутца».

Для Дейзи это был великий вечер. Сегодня Чарли Фаркуарсон должен сделать ей официальное предложение. Он преподнесет ей алмазное кольцо из фамильных драгоценностей – она его видела и одобрила, и его уже подогнали по размеру ее пальца. Она примет его предложение, и они объявят о своей помолвке всем присутствующим на балу.

Она села в автомобиль, чувствуя себя Золушкой.

Только Еве не нравилось то, что должно было произойти.

– Я думала, ты найдешь кого-нибудь более подходящего, – сказала она.

– Ты хочешь сказать, такого, который не позволит мне вертеть им как хочу? – ответила Дейзи.

– Нет, но больше похожего на тебя – яркого, обаятельного, интересного.

Это было необычно резкое для Евы высказывание: подразумевалось, что Чарльз – невзрачен, лишен обаяния и скупен. От неожиданности Дейзи не нашла, что ответить.

Ее выручила мать.

– Я вот вышла замуж за яркого, обаятельного и интересного, – сказала она. – И он сделал меня совершенно несчастной.

На это Ева ничего не ответила.

Когда машина подъехала к яхт-клубу, Дейзи мысленно поклялась вести себя сдержанно. Она не должна показывать своего торжества. Когда маме предложат вступить в Общество леди Буффало, она должна вести себя так, будто ничего необычного не происходит. И показывая девчонкам кольцо с огромным бриллиантом, она мило заявит, что недостойна такого замечательного человека, как Чарли.

Она сделает его еще более замечательным. Как только закончится их медовый месяц, они с Чарли займутся созданием своего конного завода. Через пять лет их будут ждать самые знаменитые скачки всего мира: Саратога-Спрингс, Лонгшам, Роял Аскот.

Лето переходило в осень, и когда автомобиль подъехал к пристани, уже опускались сумерки.

– Боюсь, Генри, что мы можем сегодня задержаться допоздна, – радостно сказала Дейзи.

– Ничего страшного, мисс Дейзи, – ответил Генри. Он обожал ее. – У вас сейчас такое прекрасное время...

У дверей Дейзи заметила, что за ними в клуб идет Виктор Диксон. Чувствуя расположение ко всем вокруг, она сказала ему:

– Ну что, Виктор, твоя сестра встречалась с королем Англии? Поздравляю!

– М-м... да... – неловко сказал он.

Они вошли в клуб. Первой, кого они встретили, была Урсула Дьюар, согласившаяся принять Ольгу в свой элитарный клуб. Дейзи тепло ей улыбнулась и сказала:

– Добрый вечер, миссис Дьюар!

Урсула словно растерялась.

– Прошу прощения, одну минутку... – сказала она и метнулась прочь через вестибюль. «Считает себя королевой, – подумала Дейзи, – но разве это значит, что хорошие манеры уже не нужны?» Когда-нибудь буффальским обществом будет править Дейзи, но она будет относиться ко всем с неизменной благосклонностью, поклялась она.

Дейзи, ее мать и Ева вошли в дамскую комнату и осмотрели себя в зеркало – на случай какого-нибудь непорядка в одежде или причёске, возникшего за те двадцать минут, что они ехали из дома. Тут вошла Дот Реншоу, посмотрела на них и снова вышла.

– Дура, – сказала Дейзи.

Но ее мать забеспокоилась.

– Что происходит? – сказала она. – Мы здесь пять минут – а нас уже трижды проигнорировали.

– Дот ревнует, – сказала Дейзи. – Она хотела сама выйти замуж за Чарли.

– Думаю, на данный момент Дот Реншоу вышла бы замуж уже почти за кого угодно, – сказала Ольга.

– Ну давайте же, идемте развлекаться! – сказала Дейзи и первой направилась к выходу из комнаты.

Когда она вошла в бальный зал, ее приветствовал Вуди Дьюар.

– Ну наконец-то хоть один джентльмен! – сказала Дейзи.

Понизив голос, он сказал:

– Я только хотел сказать, что все не правы, обвиняя вас. Что бы ни совершил ваш отец, вы же ни при чем!

– Тем более что они сами покупали у него алкоголь! – ответила она.

Тут она увидела свою будущую свекровь – в розовом платье с рюшами, которое совершенно не смотрелось на ее угловатой фигуре. Нора Фаркуарсон была не в восторге от выбора сына, но приняла Дейзи и была любезна с Ольгой, когда они обменялись визитами.

– Миссис Фаркуарсон! – сказала Дейзи. – Какое чудесное платье!

Нора Фаркуарсон повернулась к ней спиной и отошла.

Ева ахнула.

Дейзи почувствовала ужас. Она снова обернулась к Вуди.

– Значит, дело не в том, что он был бутлегером?

– Нет.

– А в чем же?

– Вам надо спросить Чарли. Вот он идет.

По лицу Чарли катился пот, хотя было не жарко.

– Что происходит? – спросила его Дейзи. – Все меня обливают презрением!

Он страшно нервничал.

– Все возмущены вашей семьей, – сказал он.

– Почему? – вскричала она.

Несколько человек поблизости услышали ее и обернулись. Ей было все равно.

Чарли сказал:

– Твой отец разорил Дейва Рузрока.

– Ты что, говоришь о той истории в «Риц-Карлтоне»? А какое отношение все это имеет ко мне?

– Все хорошо относятся к Дейву, несмотря на его персидские корни и прочее. И никто не верит, что он мог кого-то изнасиловать.

– Я и не говорила, что он мог!

– Я знаю, – сказал Чарли. Было видно, что он страдает.

Теперь другие откровенно пялились на них: Виктор Диксон, Дот Реншоу, Чак Дьюар.

– Но я тоже в этом виновата. Так? – сказала Дейзи.

– Твой отец сделал ужасную вещь.

Дейзи похолодела от страха. Неужели ее победа в последний миг ускользнет?

– Чарли, – сказала она. – Что ты хочешь сказать? Говори прямо, ради всего святого!

Ева ободряюще обняла ее за талию.

– Мама говорит, это непростительно, – сказал Чарли.

– Что значит – непростительно?

Он смотрел на нее несчастными глазами. Он не мог заставить себя это произнести.

Но это было уже не нужно. Она поняла, что он скажет.

– Все кончено, да? – сказала она. – Ты от меня отказываешься?

Он кивнул.

– Дейзи, едем домой! – сказала Ольга. По ее лицу текли слезы.

Дейзи посмотрела вокруг. Вздернув подбородок, она глядела на них сверху вниз: на злорадно улыбающуюся Дот Реншоу, восхищенного Виктора Диксона, по-мальчишечьи изумленно раскрывшего рот Чака Дьюара – и его брата, сочувственно глядящего Вуди Дьюара.

– Ну и катитесь все к черту, – громко сказала Дейзи. – Я поеду в Лондон и буду танцевать с королем!

Глава третья

1936 год

I

Был солнечный субботний майский день 1936 года, и Ллойд Уильямс заканчивал второй курс в Кембридже, когда меж белых зданий и прямоугольных дворов древнего университета поднял свою злобную голову фашизм.

Ллойд учился в колледже Эммануэля – который называли «Эмма» – на курсе современных языков. Он изучал немецкий и французский, но немецкий ему нравился больше. Он с головой уходил в прекрасную немецкую литературу, читая Гете, Шиллера, Гейне и Томаса Манна, но время от времени отрывал взгляд от стола в тишине библиотеки и с болью наблюдал, как нынешняя Германия погружается в пучину варварства.

Потом местная ячейка Британского союза фашистов объявила, что их лидер, сэр Освальд Мосли, выступит с речью на собрании фашистов в Кембридже. Эта новость заставила Ллойда вспомнить Берлин три года назад. Он снова увидел, как бандиты в коричневых рубашках громят редакцию журнала Мод фон Ульрих; снова услышал скрежещущий, полный ненависти голос Гитлера, когда тот стоял перед парламентом, поливая презрением демократию; вновь содрогнулся, вспоминая окровавленные пасти собак, рвущих тело Йорга с надетым на голову ведром.

Сейчас Ллойд стоял на платформе кембриджского железнодорожного вокзала, встречая маму, которая должна была приехать лондонским поездом. С ним была его приятельница Руби Картер, активистка местной ячейки партии лейбористов. Она помогла ему организовать сегодняшнее собрание на тему «Правда о фашизме». На нем должна была выступать мать Ллойда Этель Леквиз. Ее книга о Германии пользовалась большим успехом; на выборах в 1935 году она выставила свою кандидатуру, и ее избрали в парламент от Олдгейта.

Ллойд волновался перед собранием. В новую политическую партию Мосли вступило много тысяч человек, частично благодаря горячей поддержке «Дейли мэйл», запустившей скандальный лозунг «Ура чернорубашечникам!». Мосли был вдохновенный оратор. Вне всякого сомнения, сегодня они будут принимать в партию новых членов. Было жизненно необходимо, чтобы его соблазнительной лжи противостоял яркий маяк здравого смысла.

Руби, однако, оказалась болтушкой. Развлечениями в Кембридже она была недовольна.

– Как мне надоели здешние мальчишки! – говорила она. – У них одно на уме – пойти в паб и напиться.

Ллойда это удивило. Он думал, что Руби здесь ведет активную жизнь. Одежду она носила недорогую, но всегда тесноватую, облегающую ее пышные формы. Многие посчитали бы ее симпатичной, подумал он.

– А чем ты любишь заниматься? – спросил он. – Кроме организации собраний партии лейбористов.

– Ходить на танцы.

– Наверняка у тебя нет недостатка в желающих пригласить на танец. Ведь в нашем университете на одну девушку приходится двенадцать парней.

– Не хочу, чтобы мои слова показались обидными, но большинство университетских парней – гомики.

Ллойд знал, что в Кембридже учится много гомосексуалистов, но то, что об этом сказала она, было ему неприятно. Руби славилась своей резкостью, но это было слишком даже для нее. Он не представлял себе, что тут можно ответить, поэтому промолчал.

– Но ты же не такой, правда? – сказала Руби.

– Конечно, нет, не говори ерунды!

– Не обижайся. Ты такой красивый, что вполне мог оказаться голубым. Если бы не нос лепешкой.

Он рассмеялся.

– Вот это называется сомнительный комплимент!

– Но ведь так и есть. Ты похож на Дугласа Фэрбэнкса-младшего.

– Ну, спасибо. Но я не голубой.

– А девушка у тебя есть?

Это начинало выглядеть просто неприлично.

– Нет, на данный момент – нет. – Он демонстративно посмотрел на часы и вдаль – в ту сторону, откуда должен был прийти поезд.

– А почему?

– Потому что подходящую еще не встретил.

– Ах, большое спасибо. Конечно.

Он взглянул на нее. Она говорила полушутя, но он понял, что она приняла его слова на свой счет и ее это задело. Ему стало неловко.

– Я вовсе не хотел сказать...

– Хотел, но не важно. Вот и поезд.

Паровоз подъехал к перрону и остановился в клубах дыма. Из поезда начали выходить пассажиры: студенты в твидовых пиджаках, фермерские жены, собравшиеся за покупками, рабочие в плоских кепках. Ллойд всматривался в толпу, пытаясь разглядеть маму.

– Она должна была ехать в вагоне третьего класса, – сказал он. – Это дело принципа.

Руби сказала:

– Придешь ко мне на день рождения? Мне исполняется двадцать один.

– Конечно.

– У моей подруги небольшая квартирка на Маркет-стрит и глухая хозяйка.

Ллойд очень понравился это приглашение, и он замешкался с ответом; тут появилась его мама, хорошенькая, как певчая птичка, в легком красном плаще и кокетливой шляпке. Она обняла Ллойда и поцеловала.

– Ты отлично выглядишь, мой милый! – сказала она. – Но на следующий учебный год я обязательно куплю тебе новый костюм.

– Да нет, мам, и этот хорош. – Он получал стипендию, которая покрывала плату за обучение и основные траты на жизнь, но костюмы сюда не входили. Когда он поступил в Кембридж, его мама залезла в свои сбережения и купила ему дневной твидовый костюм и вечерний для официальных приемов. Твидовый он носил каждый день уже два года, и это начинало сказываться. Он очень следил за своей внешностью и особое внимание уделял тому, чтобы каждый день быть в чистой белой рубашке, с идеально завязанным галстуком и сложенным белым платком в нагрудном кармане: должно быть, кто-то из предков был щеголем. Костюм всегда был тщательно отутюжен, но тем не менее выглядел несколько поношенным, и на самом деле он мечтал о новом, но ему не хотелось, чтобы мама тратила свои деньги.

– Ну, посмотрим, – сказала она. Потом повернулась к Руби, тепло улыбнулась и протянула руку. – Я Эт Леквиз, – сказала она с непринужденной доброжелательностью приехавшей с визитом герцогини.

– Очень приятно. Я Руби Картер.

– Вы тоже студентка, Руби?

– Нет, я служанка в Чимбли, это богатый дом за городом, – сказала Руби с таким видом, словно ей было немного стыдно в этом признаваться. – От него до города пять миль, но обычно мне одалживают велосипед.

– Подумать только! Когда мне было столько же, сколько сейчас вам, я была служанкой в таком доме в Уэльсе.

Руби это ошеломило.

– Вы – служанкой? А теперь вы – член парламента!

– Вот это и есть демократия.

Ллойд сказал:

– Мы с Руби вместе занимались организацией сегодняшнего собрания.

– И как, успешно? – спросила мама.

– Все билеты проданы. На самом деле нам даже пришлось перебраться в помещение побольше.

– Я тебе говорила, что все получится.

Идея провести это собрание принадлежала Этель. Руби и многие другие лейбористы хотели пройти по городу маршем протеста. Ллойд сначала тоже согласился. «Фашизму следует давать отпор при любой возможности!» – сказал он.

Но Этель посоветовала сделать иначе. «Если мы будем устраивать шествие и выкрикивать лозунги, мы будем выглядеть в точности как они, – сказала она. – Надо показать, что мы – другие. Провести тихое, интеллигентное собрание и на нем обсудить подлинную сущность фашизма. – Но Ллойд все еще сомневался, и она сказала: – Если хочешь, я приеду и выступлю с речью».

Ллойд предложил этот вариант кембриджской ячейке. Начался жаркий спор, Руби оказалась во главе противников плана Этель; но в конце концов перспектива приезда на их собрание члена парламента и известной феминистки решила дело.

Ллойд все же был не уверен, что они приняли верное решение. Он помнил, как Мод фон Ульрих в Берлине говорила: «Мы не должны отвечать насилием на насилие». Такой была политика Социал-демократической партии Германии. Для семьи фон Ульрихов и для всей Германии эта политика обернулась катастрофой.

Они прошли под желтыми кирпичными романскими арками вокзала и быстро двинулись по тенистой Стейшн-роуд, улице аккуратных домов среднего класса, построенных из того же желтого кирпича. Этель взяла Ллойда под руку.

– Ну, как поживает мой маленький студент?

Слово «маленький» вызвало у него улыбку. Он был на четыре дюйма выше ее и благодаря тренировкам в университетской команде боксеров довольно мускулист: он мог бы поднять ее одной рукой. Он видел, что она сияет от гордости за него. Мало чему в жизни она так радовалась, как его поступлению сюда. Наверное, именно поэтому ей так хотелось покупать ему костюмы.

– Прекрасно, ты же знаешь, что я очень люблю Кембридж, – сказал он. – Но я буду его любить еще больше, когда здесь будет много простых рабочих ребят.

– И девчат, – вставила Руби.

Они свернули на Хиллз-роуд, главную улицу, ведущую к центру города. С появлением железной дороги город стал расти в южном направлении, к станции, и вдоль Хиллз-роуд стали строить церкви – для жителей новых окраин. Целью их пути сейчас была баптистская церковь, пастор которой – придерживающийся левых убеждений – согласился предоставить им помещение бесплатно.

– Я заключил с фашистами договор, – сказал Ллойд. – Я обещал, что мы воздержимся от шествия, если они пообещают сделать то же.

– Странно, что они согласились, – сказала Этель. – Фашисты обожают шествия.

– Им очень не хотелось. Но я поставил в известность о своем предложении власти и полицию, и фашисты были просто вынуждены согласиться.

– Это ты хорошо придумал.

– А знаешь, мам, кто у них здесь главный? Виконт Эйбрауэн, его зовут Малыш Фицгерберт, сын твоего бывшего хозяина, графа Фицгерберта! – Малышу исполнился двадцать один год, как и Ллойд. Он учился в Тринити, колледже аристократов.

– Что? О боже!

Он не ожидал такой бурной реакции и удивленно взглянул на нее. Она побледнела.

– Тебя это так поражает?

– Да! – она взяла себя в руки. – Ведь его отец – заместитель министра иностранных дел... – Правительство было коалиционным, и реальной властью в нем обладали консерваторы. – Как ему, должно быть, неловко!

– Я думаю, большинство консерваторов в душе поддерживают фашизм. Их не особенно возмущают убийства коммунистов и преследования евреев.

– Может быть, кто-то и за фашизм, но я думаю, ты преувеличиваешь... – она искоса взглянула на Ллойда. – Так значит, ты ходил на встречу с Малышом?

– Ну да... – Ллойд подумал, что, похоже, это для Этель важно, но не мог понять почему. – Мне он показался очень взбалмошным. У него в комнате стоит целый ящик виски, двенадцать бутылок!

– А ты с ним уже встречался, помнишь?

– Нет... Когда?

– Тебе было девять лет. Я взяла тебя с собой в Вестминстерский дворец, вскоре после того, как меня избрали в парламент. И там на лестнице мы встретили Фица с Малышом.

Ллойд помнил плохо. Но для матери по какой-то загадочной причине это было важно.

– Это был он? Забавно.

– Я знаю его, – вставила Руби. – Такая свинья! Горничных лапает...

Ллойда это шокировало, но мама, казалось, нисколько не удивилась.

– Да, ужасно неприятно, но это происходит всегда и везде...

Оттого что она восприняла это с мрачным спокойствием, Ллойд это показалось еще ужаснее.

Они добрались до церкви и вошли через заднюю дверь. Там, в помещении для собраний, сидел Роберт фон Ульрих. У него был удивительно английский вид в коричнево-зеленом костюме в крупную клетку и галстук в полоску. Он встал, и Этель обняла его. На безупречном английском Роберт сказал:

– Милая Этель, какая у вас очаровательная шляпка!

Ллойд представил маму женщинам из местной ячейки партии лейбористов, которые заваривали чай и насыпали в тарелки печенье, чтобы подать после собрания. Он вспомнил, как Этель жаловалась, что организаторы политических мероприятий, наверное, считают, что членам парламента никогда не бывает нужно в туалет, и сказал:

– Руби, прежде чем мы начнем, покажи, пожалуйста, моей маме, где находится дамская комната.

И Руби с Этель вышли.

Ллойд сел рядом с Робертом и, пока было время на разговор, спросил:

– Как ваши дела?

Теперь Роберт был владельцем ресторанчика, очень популярного у молодых людей, на которых жаловалась Руби. Откуда-то он узнал, что в тридцатые годы таким людям пришлось по душе Кембридж, совсем как в двадцатые – Берлин. Его новое заведение носило то же название, что и прежнее, – бистро «Роберт».

– Дела идут, – ответил он. Тень омрачила его лицо – тут же исчезнувшая, все же это была тень настоящего ужаса. – На этот раз, надеюсь, мне удастся сохранить то, что я создал.

– Мы делаем все, что можем, чтобы справиться с фашизмом, – сказал Ллойд. – И один из способов это сделать – такие собрания, как это. Ваш рассказ нам очень поможет, откроет глаза людям. – Роберт собирался рассказать о своей жизни при фашизме. – Многие говорят, что здесь ничего подобного произойти не может, но они ошибаются.

Роберт мрачно кивнул, соглашаясь.

– Фашизм – это ложь, но ложь заманчивая.

Ллойд хорошо помнил поездку в Берлин три года назад.

– Я часто думаю, что стало с тем бистро «Роберт», – сказал он.

– Я получил письмо от друга, – сказал Роберт с печалью в голосе. – Никто из прежних завсегдатаев больше там не бывает. Винный погреб братья Маке пустили с молотка. Теперь их клиентура – полицейские в средних чинах да бюрократы... – Еще более скорбно он добавил: – И скатерти больше не стелют...

Но вот он резко сменил тему:

– Ты бы хотел сходить на бал в Тринити?

Большинство колледжей проводило летние балы в честь окончания экзаменов. Вместе с другими праздниками и пикниками эти балы проходили в Майскую неделю – вопреки логике, она была в июне. Бал в Тринити славился своей роскошью.

– Хотел бы, конечно, но не могу себе этого позволить, – сказал Ллойд. – Ведь билет туда, кажется, стоит две гиней?

– Мне тут дали один билет. Но я могу отдать его тебе. Несколько сотен пьяных студентов, отплясывающих под звуки джаза, – для меня это кошмар.

Искушение было велико.

– Но у меня нет фрака... – На университетских балах следовало быть во фраке и белом галстуке.

– Могу тебе одолжить свой. В талии будет широковат, но роста мы одного.

– Тогда – с удовольствием, большое спасибо!

Вернулась Руби.

– У тебя замечательная мама, – сказала она Ллойд. – Я и представления не имела, что она когда-то была служанкой!

– Я знаю Этель больше двадцати лет, – сказал Роберт. – Она действительно необыкновенная женщина.

– Теперь я понимаю, почему ты до сих пор не встретил подходящую девушку, – сказала Руби Ллойд. – Ты ищешь кого-то вроде нее, а таких не много найдется.

– Уж в этом ты права, – ответил Ллойд. – Таких, как она, больше нет.

Руби поморщилась, как от боли.

– Ты что? – спросил Ллойд.

– Зуб болит.

– Надо сходить к врачу.

Она посмотрела на него так, словно он сказал невесть какую глупость. Он сообразил, что при жалованье горничной она просто не могла себе позволить визит к дантисту, и почувствовал себя дураком.

Он подошел к двери и заглянул в главный зал. Как многие протестантские церкви, это было простое прямоугольное помещение с побеленными стенами. День был теплый, и окна из простого прозрачного стекла были открыты. В зале не осталось свободных стульев, и публика выжидающе притихла.

Когда Этель вернулась, Ллойд сказал:

– Если никто не возражает, я открываю собрание. Потом Роберт выступит со своим рассказом, а мама сделает политические выводы.

Все согласились.

– Руби, будешь поглядывать, не появятся ли фашисты? Если что, дай мне знать.

– Что, в этом есть необходимость? – обеспокоенно нахмурилась Этель.

– Думаю, мы не должны полагаться на их обещания.

Руби сказала:

– Они встречаются в четверти мили вверх по дороге. Я не возражаю выглядывать время от времени.

Она вышла через заднюю дверь, а Ллойд провел остальных в зал. Сцены не было, но в дальнем конце зала стоял стол с тремя стульями и кафедрой сбоку. Этель и Роберт заняли свои места за столом, а Ллойд подошел к кафедре. По залу пронесся шум приглушенных аплодисментов.

– Фашизм наступает, – начал Ллойд. – И что опасно, он выглядит привлекательно. Он дает безработным ложные надежды, он рядится в фальшивый патриотизм, как сами фашисты – в псевдovoенную форму.

К отчаянию Ллойда, британское правительство стремилось умиротворить фашистские режимы. Правительство было коалиционное, и доминировали консерваторы, с небольшим количеством либералов и горсткой отщепенцев-лейбористов, порвавших со своей партией. Всего через несколько дней после того, как они были переизбраны в прошлом ноябре, министр иностранных дел предложил отдать значительную часть Абиссинии итальянским захватчикам и их лидеру-фашисту Бенито Муссолини.

Что еще хуже, Германия перевооружалась и вела себя угрожающе. Лишь два месяца назад Гитлер нарушил версальский договор, послав войска в демилитаризованные рейнские земли, – и Ллойд с ужасом видел, что ни одна страна не собиралась его останавливать.

Все его надежды, что фашизм мог оказаться временным отклонением, уже развеялись. Ллойд считал, что демократические страны – такие, как Франция и Великобритания, – должны быть готовы сражаться. Но в своей сегодняшней речи он этого не сказал, так как его мама и большинство лейбористов были против перевооружения Британии и надеялись, что Лига наций сможет справиться с диктаторами. Они хотели любой ценой избежать повторения страшной бойни Великой войны. Ллойд разделял их желание, но боялся, что это нереально.

Сам он готовился к войне: в школе посещал курсы военной подготовки, а когда приехал в Кембридж, то ходил слушателем на факультет подготовки офицеров – единственный представитель рабочего класса и тем более единственный лейборист.

Он сел, и ему сдержанно похлопали. Он умел говорить ясно и логично, но у него не было маминой способности зажигать сердца, – во всяком случае, пока что не было.

К кафедре подошел Роберт.

– Я австриец, – сказал он. – Во время войны я был ранен, попал в русский плен и был отправлен в лагерь, в Сибирь. Когда большевики заключили мир с Германией, охранники открыли ворота и сказали, что мы свободны. Как мы доберемся – это было не их дело, а наше. От Сибири до Австрии очень далеко, больше трех тысяч миль. Автобусов там нет, и я шел пешком.

По комнате пронесся удивленный смешок, кто-то восхищенно похлопал. Роберт уже их очаровал, подумал Ллойд.

К нему с обеспокоенным видом подошла Руби.

– Только что мимо проехали фашисты, – шепнула она ему. – Малыш Фицгерберт повез Мосли на вокзал, и за машиной с воплями бежала компания удальцов в черных рубашках.

Ллойд нахмурился.

– Они же обещали не устраивать шествий. Про машину и сопровождение бегом они наверняка скажут, что это не в счет.

– Какая разница, хотела бы я знать?

– Какие-нибудь враждебные действия были?

– Нет.

– Продолжай следить.

Руби ушла. Ллойд было беспокоило. Фашисты, несомненно, нарушили если не букву, то дух соглашения. Они появились на улице в форме – а противодействующей демонстрации не было. Социалисты сидели здесь, в церкви, и их было не видно. Все, что выражало их позицию, – это объявление у дверей церкви со словами «Правда о фашизме», написанными большими красными буквами.

– Я счастлив, что нахожусь здесь, – говорил Роберт. – Мне оказали большую честь, пригласив сюда, чтобы выступить перед вами, и мне очень приятно видеть среди слушателей нескольких постоянных клиентов бистро «Роберт». Однако я должен вас предупредить, что слушать мой рассказ будет неприятно, а на самом деле – даже страшно.

Он рассказал, как их с Йоргом арестовали из-за того, что они отказались продать нацистам бистро в Берлине. О Йорге он говорил лишь как о своем шеф-поваре и давнем деловом партнере, не касаясь личных отношений, хотя кто из присутствующих знал достаточно – наверняка догадался.

Когда он начал описывать произошедшее в концлагере, в зале стало очень тихо. Когда рассказ дошел до появления голодных собак, Ллойд услышал сдавленные стоны ужаса. Роберт говорил о мучениях Йорга тихо, но отчетливо, и его голос разносился по всему залу. К тому моменту, когда он дошел до смерти Йорга, несколько человек плакали.

Сам Ллойд, когда он вспомнил эту жестокость, эти страдания, почувствовал злость на таких дураков, как Малыш Фицгерберт, чье ослепление шествиями, песнями и щегольской формой грозило навлечь и на Англию подобные мучения.

Роберт сел, и за кафедру встала Этель. Когда она начала свою речь, появилась Руби. Она была в ярости.

– Я же тебе говорила, что из этого ничего не выйдет! – прошептала она Ллойд на ухо. – Мосли уехал, но мальчишки у вокзала расппевают «Правь, Британия»!

Это было явное нарушение договоренности, возмущенно подумал Ллойд. Малыш не сдержал обещания. Вот оно, слово английского джентльмена.

Этель объясняла, что фашизм предлагает ложные решения, просто-напросто обвиняя в таких сложных проблемах, как безработица и преступность, евреев и коммунистов. Она безжалостно высмеяла идею триумфа воли, сравнивая немецкого фюрера и итальянского дуче с хулиганами на детской площадке. Они заявляли, что их поддерживает народ, а всех своих противников объявляли вне закона.

Ллойд сообразил, что когда фашисты будут возвращаться от вокзала в центр города, их путь будет лежать мимо церкви. Он стал прислушаться к звукам, доносящимся через открытые окна. Он слышал шум проезжавших по Хиллз-роуд легковых автомобилей и грузовиков, в который то и дело вмешивался звонок велосипеда или детский голос. Ему показалось, что он слышит вдали крики, не предвещающие ничего хорошего – словно гомонили задиристые парни, еще совсем юные, с гордостью пробуящие свой новый голос. Он напряженно прислушался, и снова раздался крики. Это шли фашисты.

Когда гвалт снаружи усилился, Этель заговорила громче. Она доказывала, что рабочие люди всех профессий должны объединяться в профсоюзах и партии лейбористов, чтобы построить более справедливое общество, следуя шаг за шагом путем демократии, а не с помощью насильственного переворота, приведшего к таким печальным последствиям и в коммунистической России, и в нацистской Германии.

Вернулась Руби.

– Они идут вверх по Хиллз-роуд, – тихо и встревоженно сказала она. – Нам надо выйти и встретить их лицом к лицу!

– Нет! – шепотом ответил Ллойд. – Партия коллективно решила: никаких демонстраций. Мы должны придерживаться принятого решения. Мы должны соблюдать дисциплину! – он знал, что напоминание о партийной дисциплине на нее подействует.

Фашисты были уже совсем близко, горлая свои речевки. Ллойд подумал, что их, пожалуй, человек пятьдесят или шестьдесят. Ему страшно хотелось принять их вызов. Двое ребят в конце зала встали и подошли к окну – взглянуть, что происходит. Этель призвала всех вести себя осмотрительно.

– В ответ на хулиганскую выходку нельзя тоже становиться хулиганами, – сказала она. – Это лишь даст газетам повод сказать, что одна сторона ничем не лучше другой.

Раздался звон бьющегося стекла, и в окно влетел камень. Вскрикнула женщина, и несколько человек вскочили с мест.

– Пожалуйста, сидите, – сказала Этель. – Я думаю, они сейчас уйдут. – И она продолжила свою речь спокойным и уверенным голосом. Но мало кто ее слушал. Все оглядывались на входную дверь и прислушивались к хохоту и воплям за окнами. Ллойд с трудом заставлял себя сидеть неподвижно. Он смотрел на маму – у нее на лице спокойное выражение застыло, словно маска. Каждая косточка его тела стремилась наружу, ему страшно хотелось надавать хулиганам по шее.

Минуту-другую спустя зрители несколько успокоились. Они снова стали слушать Этель, хотя все еще ерзали и оглядывались.

– Мы как кролики, – прошептала Руби, – забились в нору и дрожим, слушая, как снаружи твоякает лисица... – Ее голос звучал презрительно, и Ллойд почувствовал, что она права.

Но прогноз его мамы сбывлся, и больше камни в окна не летели. Скандирование затихло.

– Для чего фашистам нужны беспорядки? – задала риторический вопрос Этель. – Возможно, что эти парни, идущие по Хиллз-роуд, – просто обычные хулиганы, но кто-то их направляет, и их тактика преследует определенную цель. Они могут заявить, что нарушен общественный порядок и для его восстановления потребуются суровые меры. В эти чрезвычайные меры может войти и запрет политических партий, таких, как партия лейбористов, могут запретить профсоюзные акции и сажать людей в тюрьму без суда – таких людей, как мы, мирных граждан, чье единственное преступление – в несогласии с правительством. Вам это кажется невероятным, невозможным, такого здесь произойти не может? Но именно такую тактику применили в Германии – и она действовала.

Этель продолжила свою речь, говоря о том, как следует противостоять фашизму: с помощью дискуссионных групп, собраний вроде этого, нужно писать письма в газеты, использовать любую возможность предупреждения окружающих об опасности. Но даже у Этель плохо получалось говорить об этом мужественно и решительно.

Ллойда глубоко ранили слова Руби про кроликов. Он почувствовал себя трусом. Он был так расстроен, что едва мог усидеть на месте.

Мало-помалу зал успокоился. Ллойд обернулся к Руби.

– Зато кролики целы, – сказал он.

– Пока – целы, – сказала она. – Но лиса вернется.

II

– Если мальчик тебе нравится, можешь позволить ему целовать тебя в губы, – сказала сидевшая на солнечной лужайке Линди Вестхэмптон.

– А если очень нравится – можно дать потрогать грудь, – сказала ее сестра-близняшка Лиззи.

– Но ниже пояса – ничего!

– Во всяком случае, до помолвки.

Дейзи была озадачена. Она считала, что английские девушки должны быть очень сдержанными, – и ошиблась. Близнецы Вестхэмптон были помешаны на сексе.

Дейзи была вне себя от восторга, что оказалась в гостях в Чимбли, загородном особняке сэра Бартоломью (друзья называли его Бинг) Вестхэмптона. От этого она чувствовала себя так, словно ее уже приняло английское высшее общество. Но с королем она еще не встречалась.

Она вспоминала свой позор в буффальском яхт-клубе с чувством стыда, которое доставляло мучительную боль, словно ожог, оставшийся на коже, когда огня уже давно нет. Но каждый раз, чувствуя эту боль, она представляла себе, как будет танцевать с королем и как все они – Дот Реншоу, Нора Фаркуарсон, Урсула Дьюар – будут рассматривать ее фотографию в «Буффало сентинел», вчитываться в каждое слово статьи, завидовать ей и жалеть, что не могут с полным правом заявить, что всегда были с ней друзьями.

Сначала ей пришлось нелегко. Дейзи приехала в Лондон с матерью и подругой Евой три месяца назад. Отец дал им пачку рекомендательных писем к людям, которые оказались отнюдь не сливками лондонского высшего общества. Дейзи уже начала жалеть о своем столь решительном уходе с бала в яхт-клубе: вдруг у нее ничего не выйдет?

Но Дейзи была целеустремленной и находчивой, из тех, кому достаточно поставить хоть одну ногу в дверь, сделать первый шаг. Даже на более-менее доступных широкой публике развлечениях вроде скачек или оперы она встречала людей, занимающих высокое положение в свете. Она флиртовала с мужчинами, разжигала любопытство матерей, намекая, что богата и не замужем. Многие английские аристократические семьи разорились во время депрессии и приняли бы американскую наследницу большого состояния с распростертыми объятиями, даже не будь она обаятельна и хороша собой. Им нравился ее акцент, они мирились с тем, что она держит вилку в правой руке, и находили забавным, что она умеет водить машину – в Англии за рулем сидели исключительно мужчины. Многие девушки ездили верхом не хуже Дейзи, но мало кто держался в седле с такой задорной самоуверенностью. Кое-кто из дам постарше взирал на Дейзи с подозрением, но она считала, что в конце концов найдет подход и к ним.

С Бингом Вестхэмптоном флиртовать было легко. У этого мужчины, похожего на озорного эльфа, была обаятельная улыбка и зоркий глаз на красивых девушек. Дейзи интуитивно понимала, что будь у него возможность оказаться с ней в сумерках в саду – одними взглядами дело бы не ограничилось. Очевидно, и дочери пошли в него.

Прием в доме Вестхэмптонов входил в число тех нескольких в Кембриджшире, что проводили на Майской неделе. Среди гостей присутствовали граф Фицгерберт, которого все называли Фиц, и его жена Би. Она была, конечно, графиней, но предпочитала свой русский титул княжны. Их старший сын Малыш учился в колледже Тринити.

Графиня Би была одной из светских львиц, у кого Дейзи вызывала сомнения. Избегая настоящей лжи, Дейзи давала в разговоре понять, что ее отец был русским дворянином, потерявшим все в революцию, а не заводским рабочим, бежавшим в Америку от наступающей на пятки полиции. Но Би ей провести не удалось. «Не могу припомнить ни в Санкт-

Петербурге, ни в Москве семью с фамилией Пешковы», – сказала она, даже не делая вид, что это ее удивляет. Дейзи заставила себя улыбнуться, словно не имело никакого значения, что графиня могла припомнить, а что – нет.

Кроме Дейзи и Евы, было еще три девушки их возраста: близнецы Вестхэмптоны и Мэй Мюррей, дочь генерала. Балы продолжались всю ночь, так что спали все потом до полудня, но до вечера гости скучали. Пять девушек слонялись по саду или гуляли в лесу. И сейчас, покачиваясь в своем гамаке, Дейзи спросила:

– А что же можно, когда вы уже помолвлены?

– Можно тереть эту его штуку, – сказала Линди.

– Пока оттуда не польется, – сказала ее сестра.

– Фу, какая гадость! – сказала Мэй Мюррей, не такая сумасбродка, как близнецы. Но это их только раззадорило.

– А еще можно пососать, – сказала Линди. – Это им больше всего нравится.

– Перестаньте! – возмутилась Мэй. – Вы все просто выдумываете.

Они замолчали, считая, что подразнили Мэй достаточно.

– Мне скучно, – сказала Линди. – Чем бы нам заняться?

В Дейзи вселился озорной чертенок, и она сказала:

– А давайте спустимся на обед в мужской одежде!

Тут же она пожалела о своих словах. После подобной выходки лондонское общество могло оказаться закрытым для нее уже в самом начале пути.

Евино немецкое чувство приличия было оскорблено.

– Дейзи, не может быть, чтобы ты говорила серьезно!

– Да нет, – сказала она, – глупая мысль.

У близнецов были прямые светлые волосы, как у матери, а не отцовские темные кудри, но тягу к озорству они унаследовали от него, и обеим эта идея пришлась по душе.

– Вечером все будут во фраках, так что смокинги можно будет стянуть.

– Точно! Сделаем это, пока они будут пить чай.

Дейзи поняла, что поздно идти на попятную.

– Но мы же не можем так пойти на бал! – сказала Мэй Мюррей. После обеда все собирались на бал в Тринити.

– Перед балом мы снова переоденемся, – сказала Лиззи.

Мэй была робким существом, – наверное, ее запугал отец-военный, – и всегда соглашалась с решениями других девочек. Ева оказалась единственной не согласной, так что ее мнение проигнорировали и занялись приведением плана в исполнение.

Когда пришло время переодеваться к обеду, служанка внесла в спальню, которую Дейзи делила с Евой, два вечерних костюма. Служанку звали Руби. Накануне у нее был совершенно несчастный вид – болели зубы, – и Дейзи дала ей денег, чтобы та сходила к врачу. Зуб удалили, и сейчас у Руби глаза оживленно блестели, зубная боль была забыта.

– Вот, дамы, ваши костюмы! – сказала она. – Вам, мисс Пешкова, костюм сэра Бартоломью, он достаточно мал, а для мисс Ротман – костюм мистера Эндрю Фицджерберта.

Дейзи сняла платье и надела сорочку. Руби помогла ей управиться с непривычными запонками. Потом она влезла в брюки Бинга Вестхэмптона, черные, с атласными лампасами. Она заправила внутрь комбинацию и натянула на плечи подтяжки. Застегивая ширинку, она чувствовала себя немножко нахальной.

Завязывать галстук никто из девушек не умел, так что результат был поистине плачевный. Зато Дейзи пришла в голову блестящая мысль. Карандашом для бровей она нарисовала себе усы.

– Чудесно! – сказала Ева. – Так ты выглядишь еще очаровательнее!

Еве Дейзи нарисовала на щеках бакенбарды.

Потом все пятеро собрались в спальне у близнецов. Дейзи вошла размашистой мужской походкой, вызвав у остальных приступ смеха.

Мэй озвучила опасение, которое мучило и Дейзи:

– Надеюсь, у нас не будет из-за этого неприятностей.

– Да если и будут – какая разница! – сказала Линди.

Дейзи решила не обращать внимания на предчувствия и от души повеселиться и первой направилась вниз, в гостиную.

Когда они пришли, в комнате было пусто. Вспомнив, что Малыш Фицгерберт недавно сказал дворецкому, Дейзи произнесла басом, растягивая слова:

– Гримшоу, приятель, налей-ка мне виски! У этого шампанского такой вкус, будто в него нассали!

Остальные повизгивали, пытаясь сдержать смех.

В комнату вошли вместе Бинг и Фиц. Бинг в белом жилете напоминал Дейзи трясогозку, наглуую черно-белую птичку. Фиц был красивый мужчина средних лет, с темными волосами, тронутыми сединой. Из-за ранений, полученных на войне, он ходил, слегка прихрамывая, и один глаз его был полуприкрыт, но эти свидетельства его храбрости на поле боя лишь делали его еще более неотразимым.

Фиц увидел девушек, пригляделся и сказал: «Боже милостивый!» Голос его звучал крайне неодобрительно.

На миг Дейзи запаниковала. Неужели она все испортила? Всем известно, что англичане порой бывают ужасными чистоплюями. Вдруг ее попросят покинуть этот дом? Как это было бы ужасно! А как раскудахтались бы Дот Реншоу и Нора Фаркуарсон, если бы она с позором вернулась домой! Ей легче было бы умереть.

Но Бинг расхохотался.

– Слушайте, это же чертовски здорово! Гримшоу, вы только взгляните!

Пожилый дворецкий, вошедший с бутылкой шампанского в серебряном ведре со льдом, холодно взглянул на них и неискренне, уничижительно произнес:

– Невероятно забавно, сэр Бартоломью.

Бинг продолжал восторженно расточать им похвалы, бросая плотоядные взгляды, и Дейзи поняла – слишком поздно, – что переодевание в одежду противоположного пола могло навести кое-кого из мужчин на не соответствующие действительности мысли о сексуальной раскрепощенности и готовности экспериментировать – мысли, за которыми, несомненно, могли последовать неприятности.

Постепенно и остальные гости спустились на обед, и большинство следовало примеру хозяина, относясь к выходке девочек как к забавной детской шалости, хотя Дейзи видела, что далеко не всем она пришлась по вкусу. Мать Дейзи, увидев их, побледнела от страха и быстро села, словно ее не держали ноги. Графиня Би, туго затянутая в корсет дама лет за сорок – в молодости, возможно, она была симпатичной, – осуждающе наморщила напудренный лоб. Но леди Вест-хэмптон была женщина веселая и к жизни относилась, как к своему непутевому мужу, со снисходительной улыбкой; она от души посмеялась и поздравила Дейзи с обретенными усами.

Мальчишки, пришедшие последними, тоже были в восторге. Сын генерала Мюррея, лейтенант Джимми Мюррей, – не такой поборник приличий, как его отец, – радостно расхохотался. Сыновья Фицгерберта, Малыш и Энди, пришли вместе, и Малыш отреагировал интереснее всех. Он уставился на девушек, будто в гипнотическом трансе. Потом он пытался шутить, похохатывал, как остальные мужчины, но было видно, что зацепило его не на шутку.

За обедом близнецы переняли манеру Дейзи и стали говорить по-мужски, низкими голосами и растягивая слова, что очень веселило окружающих. Линди подняла бокал с вином и сказала:

– Лиз, как тебе нравится этот кларет?

– Знаешь, старина, мне кажется, он несколько водянист, – ответила Лиззи. – И у меня есть подозрение, что Бинг его разбавляет, понимаешь...

В течение всего обеда Дейзи ловила на себе взгляды Малыша. Он не походил на своего красавца-отца, но все равно был симпатичный, с голубыми, как у матери, глазами. Она уже чувствовала себя неловко, словно он на ее грудь глазел. Чтобы избавиться от этого чувства, она спросила:

– А вы, Малыш, сейчас сдаете экзамены?

– Слава богу, нет! – сказал он.

– Слишком занят полетами на своем самолете, чтобы уделять много времени учебе, – произнес его отец. Это было сказано якобы в осуждение, но прозвучало так, словно на самом деле Фиц гордился своим старшим сыном.

Малыш сделал вид, что возмущен.

– Клевета! – заявил он.

– Для чего же вы пошли в университет, если не хотите учиться? – озадаченно спросила Ева.

– Некоторые молодые люди не утруждают себя получением степени, особенно если не чувствуют тяги к наукам, – пояснила Линди.

– И особенно если они богаты и ленивы, – добавила Лиззи.

– Да я учусь! – запротестовал Малыш. – Но я не собираюсь корпеть над книгами, чтобы сдать все экзамены. Мне же не придется зарабатывать на жизнь профессией врача или еще чем-то в этом роде! – Состояние, которое Малыш должен был унаследовать после смерти Фица, было одним из самых больших в Англии.

А его счастливая супруга должна была стать графиней Фицгерберт.

– Минуточку, – сказала Дейзи. – Неужели у вас есть собственный самолет?

– Да, «Хорнет Мос». Я вхожу в университетский аэроклуб. У нас небольшой аэродром за городом.

– Но это же чудесно! Вы должны взять меня с собой!

– Ах, милая, нет! – вскричала мать Дейзи.

– А не испугаетесь? – спросил Малыш Дейзи.

– Нисколько!

– Ну что ж, возьму. Это совершенно безопасно, миссис Пешкова, – сказал он, поворачиваясь к Ольге. – Обещаю, что верну вам дочь в целости и сохранности.

Дейзи была в восторге.

Разговор перешел на самую модную этим летом тему: столь элегантный новый король Англии Эдуард VIII – и его роман с Уоллис Симпсон, американкой, живущей отдельно со своим вторым мужем. Лондонские газеты ничего об этом не писали, кроме информации о том, что она включена в список приглашенных на тот или иной королевский прием. Но мать Дейзи получала газеты из Америки, а там только и делали, что обсуждали – разведется ли Уоллис с мистером Симпсоном и выйдет ли замуж за английского короля.

– Это совершенно исключено, – сурово сказал Фиц. – Король – глава англиканской церкви. Он категорически не может жениться на разведенной.

Когда дамы разошлись, оставляя мужчин за портвейном и сигарами, девушки бросились переодеваться. Дейзи решила подчеркнуть свою исключительную женственность и выбрала бальное платье из розового шелка с узором из крошечных цветочков и в тон ему – жакет с короткими, пышными рукавами.

Ева надела совершенно простое платье черного шелка, без рукавов. За последний год она похудела, изменила прическу и научилась – под руководством Дейзи – одеваться в строгое, не перегруженное деталями стиле, что очень ей шло. Ева стала уже почти членом семьи,

и Ольга находила удовольствие в том, чтобы покупать ей одежду. Дейзи относилась к ней как к сестре, которой у нее никогда не было.

Еще не стемнело, когда все они расселись по машинам и экипажам и поехали в центр города, до которого было пять миль.

Дейзи думала, что никогда не видела такого удивительного места, как Кембридж – с его змеящимися улочками и элегантными зданиями колледжей. У Тринити они вышли из машин, и Дейзи засмотрелась на статую основателя колледжа – короля Генриха VIII. Когда они прошли через кирпичные ворота шестнадцатого века, Дейзи восхищенно ахнула. Ее глазам открылся чудесный вид: большой четырехугольный двор, через подстриженные лужайки идут выложенные камнем дорожки, а в центре – затейливое архитектурное украшение – фонтан. Со всех четырех сторон двор был окружен древними зданиями из золотистого камня, на фоне которых молодые люди во фраках танцевали с девушками в великолепных платьях, и десятки официантов в вечерних костюмах разносили подносы, полные бокалов с шампанским. Дейзи от радости захлопала в ладоши: именно такие вечера она больше всего любила.

Она танцевала с Малышом, потом с Джимми Мюрреем, потом с Бингом, который держал ее слишком близко и позволял себе правой рукой спускаться от талии к выпуклостям бедер. Она решила не возмущаться. Английский оркестр исполнял бледное подобие американского джаза – но играли они быстро и громко и знали все модные новинки.

Опустилась ночь, и двор осветили яркие фонари. Дейзи решила передохнуть и посмотреть, как там Ева – она была не столь уверена в себе и порой нуждалась в том, чтобы ее представили. Но можно было не волноваться: Дейзи застала Еву за разговором с ослепительно красивым студентом в слишком большом для него костюме. Ева представила его как Ллойда Уильямса.

– Мы говорили о фашизме в Германии, – сказал Ллойд, словно Дейзи могла пожелать вступить в беседу.

– Какая невероятно скучная тема! – сказала Дейзи.

Ллойд словно не услышал ее слов.

– Я был в Берлине три года назад, когда Гитлер пришел к власти. Тогда я не встречался с Евой, но, оказывается, у нас есть общие знакомые.

Подошел Джимми Мюррей и пригласил Еву на танец. Ллойд был явно огорчен ее уходом, но о вежливости не забыл и, следуя правилам хорошего тона, пригласил на танец Дейзи. Они направились в сторону оркестра.

– Какая интересная личность – ваша подруга! – сказал он.

– Ах, мистер Уильямс, именно это и мечтает услышать любая девушка от молодого человека, пригласившего ее на танец, – ответила Дейзи. Едва у нее вырвались эти слова, как она пожалела, что они прозвучали так язвительно.

Но ему ее ответ показался забавным.

– Честное слово, вы абсолютно правы, – сказал он, улыбаясь. – Ваш упрек справедлив. Я должен стараться вести себя более галантно.

Оттого что он мог посмеяться над самим собой – а это означало уверенность в себе, – ее отношение к нему немедленно улучшилось.

– Вы, как и Ева, гостите в Чимбли? – спросил он.

– Да.

– Тогда, должно быть, вы та самая американка, что дала Руби Картер денег на врача.

– Господи, а вам-то откуда это известно?

– Она моя приятельница.

Дейзи удивилась.

– И многие студенты дружат с прислугой?

– Боже мой, какой снобизм! Моя мама – член парламента, а когда-то она тоже была служанкой.

Дейзи почувствовала, что краснеет. Снобизм она ненавидела и частенько обвиняла в нем других, особенно в Буффало. И она считала, что уж ее-то никак нельзя упрекнуть в подобном недостойном отношении к людям.

– Пожалуй, я неудачно начала знакомство с вами, да? – сказала она. Танец подошел к концу.

– В общем-то нет, – сказал он. – Вы считаете разговоры о фашизме скучными – но приглашаете в свой дом беженку из Германии и даже берете с собой путешествовать по Англии. Вы думаете, что горничная не вправе дружить со студентом – но оплачиваете Руби дантиста. Я думаю, вы самая загадочная девушка из всех увиденных мной здесь.

– Я полагаю, это комплимент.

– К нам идет ваш приятель-фашист, Малыш Фицгерберт. Хотите, чтобы я его спровадил?

Дейзи почувствовала, что возможность затеять ссору с Малышом доставила бы Ллойдю огромное удовольствие.

– Конечно, нет! – сказала она и, улыбаясь, повернулась к Малышу. Тот коротко кивнул Ллойдю.

– Привет, Уильямс.

– Добрый вечер, – ответил Ллойд. – Мне было очень неприятно, когда ваши фашисты устроили шествие на Хиллз-роуд в прошлую субботу.

– А, да, – сказал Малыш. – Ребята заводные, трудно остановиться...

– Меня это удивило, поскольку вы мне дали слово, что ничего подобного не произойдет.

Дейзи почувствовала под маской холодной вежливости Ллойда настоящий гнев.

Но Малыш не пожелал говорить об этом серьезно.

– Ну извините, – легкомысленно сказал он. И повернулся к Дейзи. – Пойдемте, я покажу вам библиотеку, – сказал он. – Это работа Кристофера Рэна.

– С удовольствием! – сказала Дейзи. Она помахала Ллойдю, прощаясь, и позволила Малышу взять себя за руку. Ей было приятно видеть, что Ллойд, похоже, огорчен ее уходом.

С западной стороны двора отходила дорожка, ведущая в другой двор с одним элегантным зданием в конце. Арки первого этажа привели Дейзи в восхищение. Малыш сказал, что книги находятся на втором этаже, потому что река Кэм может выходить из берегов.

– Пойдемте посмотрим на реку, – сказал он. – Она так красива ночью.

Дейзи было двадцать лет, но, несмотря на свою неопытность, она понимала, что на самом деле Малыш ведет ее не рекой любоваться. Однако ей было интересно – после его реакции, когда он увидел ее в мужском костюме, – неужели он действительно предпочитает девочкам мальчиков? Ей показалось, что сейчас она вполне может это выяснить.

– А вы действительно знакомы с королем? – спросила она, когда он вел ее через второй двор.

– Да. Он, конечно, больше папин друг, чем мой, но иногда приезжает к нам с визитом. И должен вам сказать, ему очень по душе некоторые из моих политических идей.

– Как бы мне хотелось с ним познакомиться... – Она понимала, что ее слова звучат наивно, но это был шанс, и она не собиралась его упускать.

Они прошли через калитку и оказались на ровной лужайке, спускающейся к бегущей меж высоких берегов реке.

– Эта местность называется Бэкс, – сказал Малыш. – А земли на том берегу принадлежат старейшим колледжам Кембриджа. – Подводя ее к маленькому мостику, он обнял ее

за талию. Будто случайно, его рука двинулась вверх, пока указательный палец не оказался под грудью.

На дальней стороне мостика стояли два охранника из прислуги колледжа, по-видимому для того, чтобы отгонять незваных гостей. Один охранник сказал: «Добрый вечер, виконт Эйбрауэн», другой улыбнулся. Малыш ответил едва заметным кивком. «Интересно, сколько девчонок он водил через этот мостик», – подумала Дейзи.

Она понимала, зачем Малыш устроил ей эту экскурсию. И, конечно, он остановился в темноте и положил руки ей на плечи.

– Знаешь, ты выглядела совершенно очаровательно сегодня за обедом, в этом наряде, – его голос звучал низко от волнения.

– Я так рада, что тебе понравилось... – Она знала, что сейчас последует поцелуй, и ждала его с волнением, но была еще не вполне готова. Она положила руку ему на грудь – напряженно, удерживая его на расстоянии. – Я так хочу, чтобы меня представили при дворе короля, – сказала она. – Это трудно устроить?

– Совсем не трудно, – ответил он. – Во всяком случае, для моей семьи. И если речь идет о такой красавице, как ты... – И он жадно склонился к ней.

Она уклонилась.

– А ты бы сделал это для меня? Ты устроишь, чтобы меня представили при дворе?

– Конечно!

Она придвинулась к нему и почувствовала через брюки его эрекцию. «Нет, – подумала она, – он предпочитает девочек».

– Обещаешь? – сказала она.

– Обещаю, – ответил он, задыхаясь.

– Спасибо, – сказала она и позволила себя поцеловать.

III

В субботу в час дня в маленьком домике на Веллингтон-роуд в Эйбрауэне, в Южном Уэльсе, собралась толпа. Дедушка Ллойда с гордым видом сидел за кухонным столом. С одной стороны от него сидел его сын, Билли Уильямс, шахтер, ставший членом парламента от Эйбрауэна. С другой стороны сидел его внук, Ллойд, студент Кембриджского университета. Не хватало дочери, которая тоже была членом парламента. Это была династия Уильямсов. Никто здесь никогда не произнес бы таких слов, само понятие династии было недемократическим, а здесь верили в демократию, как папа римский верит в Бога, – но все равно Ллойд подозревал, что дедушка так думает.

Еще за столом сидел человек, с которым дядя Билли дружил всю жизнь, его помощник Том Гриффитс. Для Ллойда было честью сидеть вместе с такими людьми. Дедушка был ветераном профсоюза шахтеров. Дядя Билли попал под трибунал в 1919 году за сообщение в газеты о тайных военных действиях Британии против большевиков. Том сражался бок о бок с дядей Билли в битве при Сомме. Находиться в этом обществе было куда почетнее, чем обедать с королем.

Бабушка Ллойда, Кара Уильямс, накормила их говяжьим рагу с домашним хлебом, а теперь они пили чай и курили. Как всегда, когда Билли был дома, заходили друзья и соседи, и сейчас с полдюжины человек стояли, прислонившись к стенам, курили трубки и самокрутки, наполняя маленькую кухню запахом мужчин и табака.

Билли был невысок и широкоплеч, как многие шахтеры, но в отличие от них – хорошо одет: в темно-синий костюм и чистую белую рубашку с красным галстуком. Ллойд заметил, что все они часто звали его по имени, словно чтобы подчеркнуть, что он – один из них, наделенный властью благодаря их голосам. Обращаясь к Ллойду, они частенько говорили «маль-

чик мой», давая понять, что студент университета – не такая уж важная птица. Но к дедушке они обращались «мистер Уильямс», вот к нему они испытывали настоящее почтение.

Через открытую заднюю дверь Ллойд видел гору шлака из шахты, вечно растущую и уже добравшуюся до дороги за домом.

Во время летних каникул Ллойд работал на низкооплачиваемой должности организатора в лагере для безработных шахтеров. Они планировали восстановить шахтерскую библиотеку. Ллойд обнаружил, что физическая работа – надо было шкурить, красить, сколачивать книжные полки – после чтения Шиллера на немецком и Мольера на французском – оказывает на него благотворное действие. Пикировки, которые устраивали шахтеры, доставляли ему удовольствие: от матери он унаследовал валлийское чувство юмора.

Все это было здорово, только вот к борьбе с фашизмом это не имело никакого отношения. Каждый раз он морщился, вспоминая, как они сидели, затаившись, в баптистской церкви, пока Малыш Фицгерберт с другими хулиганами распевали на улице и бросали в окна камни. Он жалел, что не вышел и не дал никому по шее. Это было бы глупо, но сейчас ему было бы легче. Он думал об этом каждый вечер, засыпая.

И еще он думал о Дейзи Пешковой в розовом шелковом платье с пышными рукавами.

На Майской неделе он еще раз встретился с Дейзи. Он был на концерте в церкви Королевского колледжа, потому что знакомый, живущий в соседней комнате в Эммануэле, играл там на виолончели. И среди слушателей была Дейзи, вместе с Вестхэмптонами. На ней была соломенная шляпка с загнутыми вверх полями, что делало ее похожей на озорную школьницу. После он ее разыскал и стал расспрашивать об Америке, в которой он никогда не бывал. Ему хотелось узнать о планах администрации Рузвельта относительно Великобритании, но все, о чем могла говорить Дейзи, – это о пикниках с теннисом, о матчах поло и яхт-клубах. Несмотря на это, она еще больше очаровала его. Ему нравилась ее веселая болтовня, тем более что в ней то и дело неожиданно проскакивали всплески язвительного остроумия. Когда он сказал: «Я не хочу оставлять ваших друзей надолго без вашего общества, мне лишь хотелось спросить о Новом курсе», она ответила: «Надо же, как вы умеете сказать девушке приятное!» Однако потом, прощаясь, она сказала: «Позвоните мне, когда будете в Лондоне, Мэйфэр, два-четыре-три-четыре».

Сегодня во второй половине дня он зашел к дедушке с бабушкой перекусить по дороге на станцию. У него было несколько дней, свободных от работы в лагере, и он собрался ненадолго съездить в Лондон. У него была смутная надежда случайно встретить там Дейзи, как будто Лондон был маленький городок вроде Эйбрауэна.

В лагере он отвечал за политическое образование и рассказал дедушке, что организовал серию лекций левых преподавателей из Кембриджа.

– Я им сказал, что это – прекрасная возможность оставить на время их «башню из слоновой кости» и пообщаться с рабочим классом, и им трудно было отказаться.

Дедушка взглянул на него своими светло-голубыми глазами и качнул длинным острым носом:

– Надеюсь, наши мальчики дадут им хоть какое-то представление о том, что такое настоящая жизнь.

– А Ленни тут поспорил с лектором-марксистом, – сказал Ллойд, указывая на сына Тома Гриффитса, который стоял в дверном проеме открытой задней двери и слушал. В шестнадцать лет у него уже пробивалась фамильная гриффитсовская черная борода и щеки оставались темными, даже когда были чисто выбриты.

– Молодец, Лен, – сказал дедушка. Марксизм пользовался популярностью в Южном Уэльсе, который в шутку даже называли «Маленькой Москвой», но дедушка всегда был ярким противником коммунистов.

– Ленни, повтори дедушке, что ты ему сказал, – попросил Ллойд.

– В тысяча восемьсот семьдесят втором году лидер анархистов Михаил Бакунин предупреждал Карла Маркса, что коммунисты, получив власть, станут такими же угнетателями, как аристократы, место которых они займут. После того, что произошло в России, можете ли вы чистосердечно заявить, что Бакунин был не прав? – усмехнулся Ленни.

Дедушка захолопал. За его кухонным столом всегда были рады хорошему дискуссионному вопросу.

Бабушка налила Ллойд еще чаю. Кара Уильямс была седая, морщинистая, с согнутой спиной, как все женщины ее возраста в Эйбрауне. Она спросила Ллойда:

– У тебя еще нет девушки, милый?

Ллойд увидел, что мужчины вокруг улыбаются и подмигивают ему, и покраснел.

– Нет, бабушка, я слишком занят учебой.

Но ему вспомнилось лицо Дейзи Пешковой, а вместе с ним и телефон: Мэйфэр, 2434.

– А как же Руби Картер? – спросила бабушка.

Мужчины засмеялись, а дядя Билли сказал:

– Попался, братец!

Явно им порассказала мама.

– Руби состоит в моей ячейке партии лейбористов, только и всего, – возразил Ллойд.

– Ну да, очень убедительно, – сказал Билли, и все снова засмеялись.

– Тебе, бабушка, не понравилось бы, если бы я ухаживал за Руби, – сказал Ллойд. – Ты бы сказала, что у нее слишком облегающая одежда.

– Тогда она тебе не очень подходит, – сказала бабушка. – Ты же теперь учишься в университете. У тебя должны быть более высокие запросы.

Ллойд подумал, что у бабушки снобизма не меньше, чем у Дейзи.

– Руби Картер – хорошая девушка, – сказал он. – Просто я не влюблен в нее.

– Ты должен жениться на образованной девушке – на учительнице или профессиональной медсестре.

Беда в том, что она права, подумал Ллойд. Ему нравилась Руби, но он никогда не полюбил бы ее. Она была достаточно симпатична и умна, и Ллойд, как любой мужчина, был равнодушен к изящным формам – и все же он знал, что она ему не подходит. Что еще хуже, бабушка своим старым зорким глазом разглядела самую суть проблемы: у Руби был ограниченный кругозор. Она не вызывала у него восхищения. В отличие от Дейзи.

– Ну, хватит болтать о женщинах, – сказал дедушка. – Билли, расскажи-ка нам, какие новости в Испании.

– Плохие, – сказал Билли.

Вся Европа следила за происходящим в Испании. Там произошел военный переворот против левого правительства, выбранного в феврале. Генерала Франко, главу мятежников, поддерживали фашисты, консерваторы и католическая церковь. Новость потрясла континент, подобно землетрясению. После Германии и Италии – не окажется ли под пятой фашизма и Испания?

– Как вам наверняка известно, переворот был подготовлен из рук вон плохо и едва не провалился, – продолжал Билли. – Но на выручку мятежникам пришли Гитлер и Муссолини и спасли восставших, перебросив по воздуху в качестве подкрепления боевые части из Северной Африки.

– А правительство спаслось благодаря профсоюзам! – вставил Ленни.

– Это правда, – сказал Билли. – Правительство действовать не спешило, а профсоюзы стали организовывать рабочих и раздавать им оружие, захваченное в арсеналах, на кораблях, в оружейных магазинах – да везде, где можно было его найти.

– Ну наконец хоть кто-то сопротивляется, – сказал дедушка. – До сих пор фашисты творили что им заблагорассудится. В Рейнскую область и Абиссинию они просто вошли

и расположились, где пожелали. Я скажу так: Господи, благослови народ Испании! У них хватило мужества сказать «нет».

Стоящие вокруг у стен заговорили, соглашаясь.

Ллойд снова вспомнил ту субботу в Кембридже. Он тоже дал фашистам творить, что им заблагорассудится. Его охватило отчаяние.

– Ну а могут они победить? – сказал дедушка. – Сейчас, похоже, дело за оружием, а?

– Именно, – сказал Билли. – Германия с Италией снабжают мятежников оружием и боеприпасами, самолетами да еще и летчиками в придачу. А законному правительству никто не помогает.

– А какого черта ему никто не помогает? – возмущенно воскликнул Ленни.

Кара подняла голову от плиты. Ее темные средиземноморские глаза сердито блеснули, и Ллойд показалось, что он видит черты прекрасной девушки, которой она когда-то была.

– Чтоб я на своей кухне таких слов не слышала! – сказала она.

– Простите, миссис Уильямс.

– Я могу вам рассказать подоплеку, – сказал Билли, и все притихли, приготовившись слушать. – Французский премьер-министр Леон Блюм – социалист, как вам известно, – горел желанием прийти на помощь. У него уже есть по соседству одно фашистское государство, Германия, и меньше всего ему нужно, чтобы и на южной границе установился фашистский режим. Оказание военной помощи испанскому правительству разозлило бы французских правых, и французских католиков-социалистов тоже, но с ними Блюм мог бы справиться, особенно если бы его поддержала Британия и он мог бы заявить, что вооружение испанского правительства – международная инициатива.

– Так что же помешало? – спросил дедушка.

– Наше правительство убедило его этого не делать. Блюм приехал в Лондон, и наш министр иностранных дел, Энтони Иден, сказал ему, что мы его не поддержим.

– А зачем ему наша поддержка? – рассердился дедушка. – Как может премьер-министр – социалист – дать себя запугать консервативному правительству другой страны?

– Затем, что существует опасность военного переворота и во Франции, – сказал Билли. – Пресса там оголтело правая и подстегивает своих фашистов, вгоняя в истерию. Блюм с ними справится с поддержкой Британии, а вот без нее – может и не справиться.

– Значит, снова наше консервативное правительство ведет себя с фашистами слишком мягко!

– У всех этих тори в Испанию вложены деньги: в вино, текстиль, уголь, сталь, – и они боятся, что левое правительство все это экспроприрует.

– А что Америка? Они же стоят за демократию. Они-то должны согласиться продавать в Испанию оружие?

– Ведь правда же, именно такой вывод напрашивается? Но существует еще хорошо финансируемое католическое лобби во главе с миллионером Джозефом Кеннеди, и они выступают против любой помощи испанскому правительству. А демократическому президенту поддержка католиков необходима. Рузвельт не сделает ничего, что может поставить под угрозу его «новый курс».

– Ну, кое-что можем сделать мы сами, – сказал Ленни Гриффитс, и на его лице появилось выражение юношеского упрямства.

– Что же, крошка Лен? – спросил Билли.

– Мы можем отправиться в Испанию сражаться.

– Не пори чушь, Ленни, – сказал его отец.

– Говорят, многие хотят туда поехать, из разных стран, даже из Америки. Говорят, будут создаваться отряды добровольцев и они будут сражаться вместе с регулярной армией.

– Правда? – Ллойд подался вперед. Он впервые об этом слышал. – Откуда ты знаешь?

– Читал в «Дейли геральд».

Ллойд едва усидел на месте. В Испанию едут добровольцы, чтобы драться с фашистами!

– Но ты никуда не поедешь – и точка! – заявил сыну Том Гриффитс.

– А помните, – сказал Билли, – как в Великую войну мальчишки прибавляли себе год-два, чтобы их взяли в солдаты? Тысячи мальчишек...

– И от большинства не было никакого толку! – сказал Том. – Я вот вспомнил одного парнишку, который плакал перед битвой на Сомме... Билли, как его звали?

– Оуэн Бевин. Он даже бежал, да?

– Но не дальше трибунала. Эти ублюдки расстреляли его за дезертирство. Пятнадцать лет ему было, бедняге.

– Мне – шестнадцать, – буркнул Ленни.

– Да уж, – сказал его отец. – Большая разница.

– А Ллойд сейчас, похоже, опоздает на свой лондонский поезд, – заметил дедушка. – До него чуть больше десяти минут.

Ллойд был так потрясен сенсационным сообщением Ленни, что не следил за временем. Он вскочил, поцеловал бабушку и схватил свой маленький чемоданчик.

– Я пройду с тобой до станции, – сказал Ленни.

Ллойд распрощался и торопливо направился вниз по склону холма. Ленни молчал, по-видимому занятый своими размышлениями. Ллойд был рад, что не надо разговаривать: его мысли были в смятении.

Поезд уже стоял. Ллойд купил билет третьего класса до Лондона. Когда он уже хотел войти в вагон, Ленни спросил:

– Скажи, Ллойд, а как сделать паспорт?

– Так ты что, серьезно собрался в Испанию?

– Ну давай, не ходи вокруг да около, мне надо знать.

Раздался свисток. Ллойд вошел в вагон, закрыл дверь и опустил окно.

– Идешь на почту, просишь бланк... – сказал он.

– Если я найду на почту и попрошу бланк, – мрачно сказал Ленни, – моя мама узнает об этом через полминуты.

– Тогда поезжай в Кардифф, – сказал Ллойд, и поезд тронулся.

Он сел на свое место и достал из кармана «Красное и черное» Стендаля на французском. Он долго смотрел на страницу, не понимая, что читает. Он мог думать лишь об одном – об отъезде в Испанию.

Ллойд понимал, что ему должно быть страшно, но чувствовал лишь волнение от возможности сражаться – действительно сражаться, а не просто собрания проводить – против таких же, как те, кто натравил собак на Йорга. Конечно, потом страх придет. Когда он занимался боксом, перед матчем ему никогда не было страшно, пока он был в раздевалке. Но когда он выходил на ринг и видел человека, который хотел избить его до потери сознания, видел его мускулистые плечи, тяжелые кулаки и злое лицо, у него становилось сухо во рту, колотилось сердце и приходилось бороться с желанием повернуться и бежать прочь.

Но прямо сейчас он больше всего беспокоился о родителях. Берни так гордился тем, что его приемный сын учится в Кембридже – он рассказал об этом доброй половине Ист-Энда, – и он будет просто раздавлен, если Ллойд уедет, не получив степень. А Этель придет в ужас при мысли, что ее сына могут ранить или даже убить. Обоих его новость страшно расстроит.

Были и другие проблемы. Как ему добраться до Испании? В какой город ехать? Как он заплатит за билет? Но на самом деле останавливало его лишь одно.

Дейзи Пешкова.

Он говорил себе, что это глупо. Он встречался с ней два раза. И она даже не особенно им интересовалась. Что было правильно с ее стороны, потому что они не подходили друг другу. Она была дочерью миллионера и светской пустышкой, считающей разговоры о политике скучными. Ей нравились парни вроде Малыша Фицгерберта, и уже одно это означало, что Ллойд для нее не подходит. И все же он не мог выбросить ее из головы. Мысль о том, что, уехав в Испанию, он потеряет всякую возможность вновь увидеться с ней, наполняла его сердце печалью.

Мэйфэр, два-четыре-три-четыре.

Он стыдился своей нерешительности, особенно вспоминая прямую целеустремленность Ленни. Не один год Ллойд говорил о том, что надо бороться с фашизмом. А теперь появилась возможность делать это. Как он мог не поехать?

Он прибыл в Лондон, на Пэддингтонский вокзал, доехал на метро до Олдгейта и по Натли-стрит вдоль рядов домов дошел до того, где появился на свет. Он вошел, открыв своим ключом. С самого его детства здесь ничего особенно не изменилось, единственное, что появилось нового, – это телефон на маленьком столике возле вешалки для шляп. Это был единственный телефон на их улице, и соседи относились к нему как к общественной собственности. Рядом с аппаратом стояла коробочка, куда они складывали деньги за звонки.

Мама была на кухне. Она уже надела шляпу, собираясь на собрание партии лейбористов – куда же еще? – где ей предстояло выступать, но тем не менее поставила чайник и сделала ему чай.

– Как там дела в Эйбрауэне? – спросила она.

– На эти выходные приехал дядя Билли, – сказал Ллойд. – На дедушкиной кухне собрались все соседи, как при средневековом дворе.

– Дедушка с бабушкой здоровы?

– Дедушка выглядит как всегда. Бабушка постарела... – он помолчал. – Ленни Гриффитс хочет поехать в Испанию сражаться с фашистами.

– Вот как? – Она неодобрительно поджала губы.

– Я вот думаю, не поехать ли мне с ним. Как ты думаешь?

Он предполагал, что она будет против, но такой реакции не ожидал.

– Черта с два ты поедешь! – яростно сказала она. Этель не разделяла отвращения своей матери к подобным словам. – Чтоб ты не смел даже думать об этом! – она с грохотом опустила чайник на кухонный стол. – Я родила тебя в муках, я тебя растила, обувала-одевала, послала учиться – я прошла через все это не для того, чтобы ты сгинул на какой-то чертовой войне!

Он опешил.

– Вовсе не обязательно я должен там сгинуть. Но я мог бы пойти на риск – во имя того, во что вы учили меня верить.

К его изумлению, она разрыдалась. Она редко плакала – на самом деле Ллойд и припомнить не мог, когда она плакала в последний раз.

– Мам, ну не надо! – сказал он, обнимая ее за вздрагивающие плечи. – Ничего же еще не случилось.

На кухню вошел Берни, приземистый человек средних лет с лысой головой.

– Что тут у вас происходит? – сказал он. Вид у него был несколько испуганный.

– Прости, пап, это я расстроил маму, – сказал Ллойд. Он отступил, давая Берни обнять Этель.

– Он едет в Испанию! – вскричала она. – Его убьют!

– Давайте успокоимся и обстоятельно все обсудим, – сказал Берни. Он был обстоятельным, практичным человеком, в практичном темном костюме и в практичных, много раз чиненных башмаках с практичными толстыми подошвами. Вне сомнения, именно поэтому

народ и голосовал за него: он был политиком, представлявшим Олд-гейт в Совете Лондонского графства. Своего родного отца Ллойд никогда в жизни не видел, но он не мог себе представить, что мог бы любить родного отца больше, чем любил Берни, который, хоть и приемный отец, был очень добр к нему и всегда готов утешить и дать совет, а приказывал и наказывал крайне редко, относился к нему так же, как к своей родной дочери Милли, не делая различий.

Берни усадил Этель за кухонный стол, и Ллойд налил ей чаю.

– Однажды я подумала, что мой брат погиб, – сказала Этель. По ее щекам все еще текли слезы. – Тогда к нам на Веллингтон-стрит пришло много телеграмм, и их должен был разносить этот несчастный мальчишка-рассыльный, он ходил от дома к дому, вручая мужчинам и женщинам эти листки, где было сказано, что их сыновья или мужья погибли... Бедный мальчишка, как его звали? Кажется, Джерент... Но для нас у него телеграммы не было, и я, гадкая женщина, благодарила Бога, что погибли другие, а не наш Билли!

– Никакая ты не гадкая, – сказал Берни, глядя ее по плечу.

Из своей комнаты спустилась Милли, сводная сестра Ллойда. Ей было шестнадцать, но выглядела она старше, особенно когда на ней было – как сегодня вечером – элегантное черное платье и маленькие золотые сережки. Она проработала два года в олдгейтском магазине дамского платья, но, поскольку она была умной и честолюбивой, несколько дней назад нашла работу в шикарном универмаге Вест-Энда.

– Мам, что случилось? – сказала она, посмотрев на мать. Говорила она с акцентом кокни.

– Твой брат собрался ехать в Испанию, чтоб его там убили! – вскричала Этель.

Милли с упреком взглянула на Ллойда.

– Что ты тут наговорила? – Милли всегда готова была напустить на старшего брата, которого все так любили – на ее взгляд, незаслуженно.

– Ленни Гриффитс из Эйбрауэна собирается в Испанию, сражаться с фашистами, – ласково и терпеливо ответил Ллойд, – и я сказал маме, что думаю, не поехать ли мне с ним.

– Скажешь тоже! – с отвращением буркнула Милли.

– Я думаю, туда так просто и не попадешь, – Берни подошел к делу, как всегда, практично. – В конце концов, там в полном разгаре гражданская война.

– Я могу поездом доехать до Марселя. Барселона не так далеко от французской границы.

– Восемьдесят или девяносто миль. К тому же идти пешком через Пиренеи будет холодно.

– Но из Марселя в Барселону должны ходить корабли. По морю там не так далеко.

– Это правда.

– Берни, прекрати! – воскликнула Этель. – Ты говоришь так, словно обсуждаешь, как быстрее добраться до Пиккадилли. Он же собирается на войну! Я этого не допущу!

– Вообще-то ему двадцать один год, – сказал Берни. – Мы не можем ему запретить.

– Я отлично знаю, сколько ему лет!

Берни взглянул на часы.

– Нам пора на собрание. Главная речь – твоя. Сегодня-то Ллойд в Испанию не поедет.

– Откуда ты знаешь? – ответила она. – Может, вернемся домой – а тут только записка, что он уехал парижским поездом...

– Давайте сделаем так, – сказал Берни. – Ллойд, пообещай матери, что как минимум месяц ты еще будешь дома. Это не такая уж плохая мысль – нужно обстоятельно обо всем разузнать, а не лезть на рожон. Пусть мама успокоится, хотя бы на время. А там мы снова поговорим об этом.

Это был типичный для Берни компромисс, рассчитанный на то, чтобы дать каждому отступить, не уступая; однако связывать себя обещаниями Ллойд не хотелось. С другой стороны, не мог же он просто запрыгнуть в отходящий поезд. Ему надо было выяснить, что предпринимает испанское правительство, готовясь принять волонтеров. В идеале ему бы хотелось поехать вместе с Ленни и остальными. Понадобится виза, иностранная валюта, башмаки, наконец...

– Хорошо, – сказал он. – В течение месяца я буду здесь.

– Обещаешь? – сказала мама.

– Обещаю.

Этель успокоилась. Минуту спустя она напудрилась – и выглядела уже почти как обычно. Она допила чай. Потом надела пальто, и они с Берни ушли.

– Ну ладно. Я тоже ухожу, – сказала Милли.

– А ты куда? – спросил Ллойд.

– В «Гэйети».

Это был мюзик-холл в Ист-Энде.

– А шестнадцатилетних разве пускают?

– Это кому шестнадцать? – она бросила на него озорной взгляд. – Уж не мне, конечно. Во всяком случае, Дейв идет, а ему всего пятнадцать, – она говорила о Дейве Уильямсе, сыне дяди Билли и тети Милдред.

– Ну, хорошего вам вечера.

Она направилась к двери, но вернулась.

– Смотри, чтоб тебя и правда там не убили, дуралей! – Она крепко обняла его и вышла, больше ничего не сказав.

Услышав, как хлопнула наружная дверь, он подошел к телефону.

Ему не нужно было долго вспоминать номер. Он отчетливо помнил прощание с Дейзи – как она обернулась, уходя, и, обаятельно улыбнувшись из-под соломенной шляпки, сказала: «Мэйфэр, два-четыре-три-четыре».

Он поднял трубку и набрал номер.

Что он собирался сказать? «Вы сказали, чтобы я позвонил, – вот я и звоню»? Это было глупо. Сказать правду? «Не то чтобы я вами восхищался, но просто не могу выкинуть вас из головы...» Можно было бы ее куда-нибудь пригласить, но куда? На собрание партии лейбористов?

Ответил мужской голос.

– Добрый вечер. Вы позвонили миссис Пешковой.

Ллойд подумал, что, судя по почтительному тону, трубку снял дворецкий. Ну конечно, мать Дейзи арендовала в Лондоне дом с прислугой.

– Это Ллойд Уильямс... – он хотел добавить что-то, объясняющее или оправдывающее его звонок, и сказал первое, что пришло на ум: – Из колледжа Эммануэль. – Это ничего не значило, но он надеялся, что произведет впечатление. – Могу я поговорить с мисс Дейзи Пешковой?

– К сожалению, ее нет, профессор Уильямс, – сказал дворецкий, решив, что звонит преподаватель. – Все ушли в оперу.

Ну конечно, разочарованно подумал Ллойд. Ни одна светская особа не станет вечером сидеть дома, тем более в субботу.

– Да, я вспомнил, – солгал он. – Она мне говорила, что пойдет, но я забыл. Ковент-гарден, не так ли? – он затаил дыхание.

Но дворецкий ничего не заподозрил.

– Да, сэр. Насколько я помню, они пошли на «Волшебную флейту».

– Благодарю вас, – сказал Ллойд и положил трубку.

Он пошел к себе в комнату и переоделся. В Вест-Энде обычно надевали вечерний костюм, даже когда шли в кино. Но что он будет делать, когда окажется там? Денег на билет у него не было, к тому же опера скоро кончится.

Он поехал на метро. Лондонский Королевский дом оперы располагался неприлично близко к фруктовому и овощному рынку. Два этих учреждения ладили, так как часы их работы не пересекались: рынок начинал работать с трех-четырех часов утра, когда даже самые большие любители развлечений отправлялись по домам, и закрывался до начала первого спектакля.

Ллойд прошел мимо закрытых досками рыночных рядов и заглянул через стеклянные двери в ярко освещенный вестибюль Дома оперы. Там было пусто, и до него донеслись приглушенные звуки музыки Моцарта. Он зашел внутрь. Со свойственной аристократам небрежностью он спросил служащего:

– Во сколько опускается занавес?

Будь он в своем твидовом костюме – ему бы наверняка ответили, что это не его дело. Но смокинг был одеждой аристократии, и служащий ответил:

– Минут через пять, сэр.

Ллойд сдержанно кивнул. Если бы он сказал «спасибо», он бы выдал себя.

Он вышел из здания и прошелся по кварталу. Сейчас было затишье. В ресторанах заказывали кофе, в кино мелодрамы приближались к кульминации. Скоро все изменится – на улицах появятся толпы людей, зовущих такси, направляющихся в ночные клубы, целующихся, расставаясь на автобусных остановках, и спешащих на последний пригородный поезд.

Он вернулся к Дому оперы и вошел внутрь. Оркестр молчал, публика только что начала выходить из зала. Освободившись после долгого сидения в своих креслах, все оживленно беседовали, хвалили певцов, критиковали костюмеров и планировали поздний ужин.

Он увидел Дейзи почти сразу.

Она была в лавандово-лиловом платье с открытыми плечами и в маленькой накидке из меха норки цвета шампанского и выглядела восхитительно. Она вышла из зала во главе небольшой компании парней и девушек ее возраста. Ллойд огорчился, узнав в идущем рядом с ней по лестнице, застеленной красным ковром, Малыша Фицгерберта. Тот нашептывал ей что-то, и она весело смеялась. Следом за ней шла та интересная немецкая девушка, Ева Ротман, в сопровождении высокого молодого человека в парадном военном мундире.

Ева узнала Ллойда и улыбнулась. Он обратился к ней по-немецки:

– Добрый вечер, фройляйн Ротман. Надеюсь, вам понравилась опера?

– Очень понравилась, спасибо, – ответила она. – Я не заметила вас раньше в зале.

– Эй, народ, говорите по-английски! – благодушно окликнул их Малыш. Судя по голосу, он был слегка нетрезв. Он был по-своему обаятелен, этаким беспутный гуляка, похожий на мрачноватого, но симпатичного подростка или породистую собаку, получающую слишком много лакомств. У него была приятная манера общения и наверняка он мог и очаровывать, когда ему это было нужно.

– Виконт Эйбрауэн, – сказала Ева, – это – мистер Уильямс.

– Мы с ним знакомы, – сказал Малыш. – Он учится в «Эмме».

– Здравствуйте, Ллойд! – сказала Дейзи. – А мы идем в трущобы!

Ллойд уже слышал это выражение. Это означало – ходить по забегаловкам Ист-Энда и развлекаться среди рабочих такими зрелищами, как, например, собачьи бои.

– Я уверен, что Уильямс знает такие места, – сказал Малыш.

Ллойд задумался лишь на миг. Готов ли он был терпеть Малыша ради того, чтобы быть в компании с Дейзи? Конечно, готов!

– Вообще-то знаю, – сказал он. – Показать вам?

– Отлично!

К ним подошла женщина в возрасте и сказала, погрозив Малышу пальцем:

– Вы должны доставить девочек домой к полуночи. И, пожалуйста, ни секундой позже!

Ллойд догадался, что это, должно быть, мать Дейзи.

Высокий юноша в военном мундире ответил:

– На армию можно положиться, миссис Пешкова! Мы будем вовремя.

За миссис Пешковой шел граф Фицгерберт с толстой женщиной – видимо, это была его жена. Ллойд пожалел, что нельзя расспросить графа о политике правительства относительно Испании.

Снаружи их ждали два автомобиля. Граф, его жена и мать Дейзи сели в кремово-черный «Роллс-ройс» «Фантом-3». Малыш со своей компанией погрузились во второй автомобиль, синий лимузин «Даймлер Е-20» – любимая марка королевской фамилии. Вместе с Ллойдом их было семеро. Ева, похоже, была с военным, который представился Ллойдом как лейтенант Джимми Мюррей. Третья девушка была его сестрой, ее звали Мэй, а еще один юноша – более худощавый и тихий вариант Малыша Фицгерберта – оказался Энди Фицгербертом.

Ллойд рассказал водителю, как ехать к «Гэйети».

Он заметил, как Джимми Мюррей невзначай обнял Еву за талию. В ответ она придвинулась к нему. Было очевидно, что он за ней ухаживает. Ллойд обрадовался за нее: она была не очень хороша собой, но умна и обаятельна. Она ему нравилась, и ему было приятно, что она нашла себе высокого военного. Но ему было интересно, как отреагирует высшее общество, если Джимми объявит, что собирается жениться на беженке из Германии, наполовину еврейке.

Ему показалось, что остальные тоже разбились на парочки: Энди – с Мэй, а Малыш – к его досаде – с Дейзи. Лишь он был один и, не желая глазеть на них, рассматривал дверцу, обшитую изнутри полированным красным деревом.

Автомобиль поднялся по Ладгейт-Хилл к собору Святого Павла.

– Теперь на Чипсайд, – сказал Ллойд водителю.

Малыш сделал большой глоток из плоской серебряной фляжки. Вытирая рот, он сказал:

– Ты хорошо знаешь местность, Уильямс.

– Я здесь живу, – ответил Ллойд. – Я родился в Ист-Энде.

– Надо же, как здорово! – сказал Малыш, и Ллойд не понял, то ли это бездумная вежливость, то ли грубая насмешка.

В «Гэйети» все места были заняты, но для готовых постоять места было достаточно, а зрители все время ходили туда-сюда, приветствовали друзей, заходили в бар. Все были разодеты – женщины в ярких, красочных нарядах, мужчины – в лучших костюмах. В зале было жарко и накурено, сильно пахло пролитым пивом. Ллойд нашел для своей компании место в конце зала. По их одежде можно было понять, что эти посетители – из Вест-Энда, но они были не одни такие: мюзик-холлы пользовались популярностью у всех классов.

На сцене актриса средних лет в красном платье и белокуром парике выступала с избыточными двусмысленностями.

– А я ему говорю: «Я вас в свой проход не пушу!» – Слушатели покатались со смеху. – А он мне говорит: «Мне и отсюда видно, детка». А я ему: «Не суйте свой нос куда не следует!» – она изобразила возмущение. – А он мне: «Да, похоже, прочистить бы не помешало». Можете себе представить?

Ллойд увидел, что Дейзи широко улыбается. Он наклонился к ней и шепнул ей на ухо:

– А вы заметили, что это мужчина?

– Нет... – сказала она.

– Посмотрите на руки.

– Ну надо же! – сказала она. – Действительно, она – мужчина!

Мимо прошел двоюродный брат Ллойда, Дэвид. Заметив Ллойда, он вернулся.

– Чего это вы все так разodelись? – сказал он с акцентом кокни. Сам он был в легкой кепке и завязанном на узел шарфе.

– Привет, Дейв, как жизнь?

– Я поеду в Испанию с тобой и Ленни, – сказал Дейв.

– Нет, не поедешь, – ответил Ллойд. – Тебе пятнадцать лет.

– В Великую войну мальчишки моего возраста сражались.

– Но пользы от них не было, спроси своего отца. Да и кто сказал, что я поеду?

– Твоя сестра Милли, – ответил Дейв и пошел дальше.

– Уильямс, а что здесь обычно пьют? – спросил Малыш.

Ллойд подумал, что Малышу пить больше не стоит, но ответил:

– Мужчины – светлый эль, девушки – портвейн с лимонадом.

– С лимонадом?

– Ну да, разведенный.

– Какая отвратительная гадость! – и Малыш исчез.

Комедиант достиг кульминации своего выступления.

– А я ему говорю: «Идиот! Это же не тот проход!»

И он – или она – спустился со сцены под бурю аплодисментов.

Перед Ллойдом появилась Милли.

– Привет! – сказала она. Посмотрела на Дейзи и спросила: – Которая твоя подружка?

Ллойд было приятно, что Милли выглядит так хорошо: в изысканном черном платье, с ниткой искусственного жемчуга и почти незаметным макияжем. Он сказал:

– Мисс Пешкова, позвольте вам представить мою сестру, мисс Леквиз. Милли, это Дейзи.

Они обменялись рукопожатием.

– Я очень рада познакомиться с сестрой Ллойда, – сказала Дейзи.

– Сводной сестрой, если уж на то пошло, – сказала Милли.

– Мой отец погиб в Великую войну, я его никогда не видел, – сказал Ллойд. – И когда мама снова вышла замуж, я был совсем маленьким.

– Ну, не стану мешать смотреть! – Милли собралась идти и на прощание шепнула Ллойд: – Теперь я понимаю, что у Руби Картер нет никаких шансов.

Ллойд внутренне застонал. Наверняка мама рассказала всей семье, что у них с Руби роман...

– А кто это – Руби Картер?

– Служанка в Чимбли. Вы дали ей деньги на врача.

– Да, я помню. Значит, вас с ней связывают романтические отношения?

– В воображении моей мамы.

Дейзи рассмеялась, видя его смущение.

– Значит, вы не собираетесь жениться на горничной?

– Я не собираюсь жениться на Руби Картер.

– Возможно, она бы вам очень подошла.

Ллойд взглянул ей прямо в глаза.

– Но мы же не всегда влюбляемся в тех, кто нам очень подходит, правда?

Она перевела взгляд на сцену. Шоу подходило к концу, и весь состав запел знакомую песню. Зрители с воодушевлением подхватили. Стоящие сзади посетители взяли за руки и стали раскачиваться в такт музыке, и компания Малыша тоже.

Опустился занавес, а Малыш все не появлялся.

– Пойду поищу его, – сказал Ллойд. – Кажется, я знаю, где он может быть.

В «Гэйети» был женский туалет, а мужской находился на заднем дворе: ямы в земле с поставленными в них располовиненными металлическими бочками. Ллойд нашел Малыша блюющим в одну из этих бочек.

Он дал Малышу платок, чтобы тот вытер рот, а потом взял за руку и повел через пустеющий театр на улицу, к лимузину «даймлер». Остальные их ждали. Все забрались внутрь, и Малыш сразу же заснул.

Когда они вернулись в Вест-Энд, Энди Фицгерберт велел водителю ехать сперва к дому Мюрреев, расположенному на тихой улочке возле Трафальгарской площади. Выходя вместе с Мэй из машины, он сказал:

– Вы поезжайте. Я провожу Мэй до дверей, а потом пройдусь пешком.

Ллойд предположил, что Энди рассчитывает на романтическое прощание на пороге дома Мэй.

Они поехали на Мэйфэр. Когда они приближались к Гроувнер-сквер, где жили Дейзи с Евой, Джимми обратился к шоферу:

– Остановите у поворота, пожалуйста!

Потом он тихонько сказал Ллойд:

– Послушайте, Уильямс, не могли бы вы проводить до дома мисс Пешкову, а мы с фройляйн Ротман на полминутки задержимся.

– Конечно.

Было ясно, что Джимми хочется на прощанье поцеловать Еву в машине. Малыш об этом ничего не узнает: он храпит вовсю. А шофер, рассчитывая на чаевые, ничего не заметит.

Ллойд вышел из машины и подал руку выходящей Дейзи. Ее прикосновение он почувствовал словно легкий удар тока. Она взяла его под руку, и они медленно пошли по тротуару. Там, где свет уличных фонарей был слабее всего, Дейзи остановилась.

– Давайте дадим им побольше времени, – сказала она.

Ллойд ответил:

– Я так рад, что у Евы появился кавалер.

– Я тоже, – сказала Дейзи.

Ллойд собрался с духом.

– Но про вас с Малышом я этого сказать не могу.

– Он устроил, чтобы меня представили при дворе! – сказала Дейзи. – И я танцевала с королем в ночном клубе, это было во всех американских газетах.

– И из-за этого вы позволяете ему за вами ухаживать? – ошеломленно спросил Ллойд.

– Не только. Ему нравится все, что и мне, – приемы, скаковые лошади и красивая одежда. И с ним так весело! У него даже есть свой аэроплан!

– Все это ничего не значит, – сказал Ллойд. – Бросьте его. Будьте моей девушкой.

Она рассмеялась, хотя было видно, что ей приятно.

– Вы с ума сошли, – сказала она. – Но вы мне нравитесь.

– Я серьезно, – в отчаянии сказал он. – Я не могу перестать о вас думать, хотя невозможно себе представить более неподходящей для меня невесты.

Она снова засмеялась.

– В жизни не слышала ничего более грубого! Не знаю, почему я с вами вообще разговариваю. Наверное, вы мне кажетесь все-таки славным, несмотря на ваше бестактное поведение.

– На самом деле я не бестактный. Только с вами.

– Верю. Но я не собираюсь выходить замуж за нищего социалиста.

Ллойд открыл свое сердце – а его изящно отвергли, и он почувствовал себя совершенно несчастным. Он оглянулся на «даймлер».

– Интересно, долго они еще там будут? – убитым голосом произнес он.

Дейзи сказала:

– Но поцеловать социалиста я бы могла. Просто чтобы знать, каково это.

В первый момент он не отреагировал. Он подумал, что она говорит теоретически. Но девушка никогда не говорит такие вещи просто «теоретически». Это было предложение. И он по глупости чуть не пропустил его.

Он придвинулся, положил ладони на ее тонкую талию. Она подняла к нему лицо, и от ее красоты у него перехватило дыхание. Он наклонился и легонько поцеловал ее в губы. Она не закрыла глаза, и он тоже. Глядя в ее голубые глаза и касаясь губами ее губ, он почувствовал огромное желание. Она приоткрыла рот, и он коснулся раздвинувшихся губ кончиком языка. В следующий миг он почувствовал ответное движение ее языка. Она все еще смотрела на него. Он был в раю, и ему хотелось стоять так, держа ее в объятиях, вечно. Она прижалась к нему. Он почувствовал эрекцию и подался назад, чувствуя неловкость, опасаясь, что она заметит, – но она теснее прижалась к нему, и, глядя ей в глаза, он понял, что ей хочется чувствовать, как его пенис прижимается к ее нежному телу. Когда он это осознал, желание стало невыносимым. Он почувствовал, что сейчас кончит, и ему даже показалось, что ей этого хочется.

Но тут он услышал звук открывающейся дверцы «даймлера» и неестественно громкий, словно предупреждающий, голос Джимми Мюррея. Ллойд оторвался от Дейзи.

– Ну что же, – с удивлением в голосе пробормотала она, – это было неожиданно приятно.

– Я бы сказал, более чем приятно, – хрипло произнес Ллойд.

Джимми и Ева уже были рядом, и они все вместе вошли в двери дома миссис Пешковой. Это было большое здание с лестницей, поднимающейся к крытому крыльцу. У Ллойда мелькнула мысль, не окажется ли крыльцо достаточно укромным для еще одного поцелуя, но, когда они поднялись по лестнице, дверь открылась изнутри. Их встречал человек в вечернем костюме, наверное, дворецкий, с которым Ллойд говорил по телефону. Как же хорошо, подумал Ллойд, что он позвонил!

Обе девушки с наигранной скромностью пожелали спокойной ночи, ничем не выдавая, что лишь несколько секунд назад обе были в страстных объятиях; потом дверь за ними закрылась.

Ллойд и Джимми спустились по ступенькам.

– Я пройду пешком, – сказал Джимми. – Хотите, скажу шоферу, чтобы он вас доставил назад в Ист-Энд? Должно быть, до вашего дома три-четыре мили. А Малышу все равно, я думаю, он не проснется до завтрака.

– Благодарю вас за заботу, Мюррей, но – хотите верьте, хотите нет, а я предпочел бы прогуляться. Надо о многом подумать.

– Как пожелаете. Ну что ж, тогда спокойной ночи.

– Спокойной ночи, – ответил Ллойд и со смятением в мыслях и медленно успокаивающимся телом он повернул на восток и направился к дому.

IV

В Лондоне сезон приемов заканчивался в середине августа, а Малыш Фицгерберт все еще не сделал Дейзи Пешковой предложения.

Дейзи обижалась и недоумевала. Все знали, что он за ней ухаживает. Они встречались почти каждый день. Граф Фицгерберт относился к Дейзи как к дочери, и даже его подозрительная супруга стала говорить с Дейзи теплее. Малыш целовал ее при любом удобном случае, но о будущем не заговаривал.

Длинная череда щедрых застолий, блистательных приемов, балов, спортивных праздников и пикников с шампанским, из которых состоял лондонский сезон, резко завершилась. Многие из новых друзей Дейзи внезапно уехали из города. Большинство отправились в свои загородные дома, где, насколько она могла предположить, собирались проводить время, загоняя лис, выслеживая оленей и стреляя птицу.

Дейзи и Ольга остались на свадьбу Евы Ротман. В отличие от Малыша, Джимми Мюррей поспешил жениться на любимой девушке. Церемония проходила в приходской церкви в Челси, где жили его родители.

Дейзи чувствовала, что отлично поработала над Евой. Она научила подругу выбирать подходящую одежду, модные вещи – но без оборочек, простые яркие цвета, гармонизовавшие с ее темными волосами и карими глазами. Обретя уверенность в себе, Ева научилась извлекать пользу из своей природной доброты и сообразительности и очаровывала и мужчин, и женщин. И Джимми в нее влюбился. Пускай он не кинозвезда, с резкими чертами лица, но красив и высок. Он был из семьи военного, со скромным состоянием, и Ева будет жить хоть и не богато, но в достатке.

Англичане были не меньше других склонны к предрассудкам, и сначала генерал Мюррей и его супруга были не в восторге от перспективы, что их сын женится на беженке из Германии и полуеврейке. Их Ева покорила быстро, но многие их друзья продолжали выражать завуалированные сомнения.

На свадьбе Дейзи услышала, что невеста – «экзотическая», жених – совершил «смелый поступок», а Мюррей – «люди удивительно широких взглядов»: окружающие на все лады иносказательно выражали свое отношение к этому неравному браку.

Джимми написал в Берлин доктору Ротману и получил от него официальное разрешение сделать Еве предложение; но германские власти не позволили семье Ротманов приехать на свадьбу.

– Раз они так сильно ненавидят евреев, то должны быть счастливы, когда евреи покидают их страну! – со слезами сказала Ева.

Эти слова услышал Фиц, отец Малыша, и потом напомнил о них Дейзи.

– Скажите вашей подруге, чтобы она пореже говорила о евреях, когда можно этого избежать, – сказал он тоном, каким дают дружеский совет. – Видите ли, наличие жены-полуеврейки вряд ли хорошо скажется на военной карьере Джимми.

Это неприятное предупреждение Дейзи не передала.

На медовый месяц счастливая чета отправилась в Ниццу. Дейзи с чувством вины поняла, что она рада сбыть Еву с рук. Малыш со своими партийными друзьями так ненавидели евреев, что с такой подругой, как Ева, становилось все труднее. Дружба Малыша и Джимми уже закончилась: Малыш отказался быть его свидетелем на свадьбе.

После свадьбы Фицгерберты пригласили Дейзи и Ольгу на охоту в свое поместье в Уэльсе. Надежды Дейзи окрепли. Теперь, когда под ногами не путалась Ева, ничто не мешало Малышу сделать ей предложение. Граф и графиня, должно быть, и имели в виду, что он вот-вот его сделает. Может быть, они запланировали, что это произойдет в эти выходные.

Утром в пятницу Дейзи с Ольгой отправились на Пэддингтонский вокзал и сели в поезд, идущий на запад. Они ехали через самое сердце Англии, богатые холмистые земли, усыпанные деревушками – и над каждой поднимался шпиль каменной церкви, утопающей в зелени древних деревьев. В вагоне первого класса они были одни, и Ольга спросила Дейзи, как она думает, что собирается делать Малыш.

– Он знает, что он мне нравится, – сказала Дейзи. – Я достаточно часто давала ему себя поцеловать.

– А не проявляла ли ты интереса к кому-нибудь еще? – проницательно спросила Ольга.

Дейзи подавила чувство вины от воспоминания о той глупой выходке с Ллойдом Уильямсом. Малыш никак не мог узнать об этом, да и все равно она больше не виделась с Ллойдом и не ответила ни на одно из трех писем, которые он ей послал.

– Нет, ни к кому, – ответила Дейзи.

– Значит, он не делал предложение из-за Евы, – сказала Ольга. – Но теперь-то ее нет.

Поезд нырнул в длинный туннель под устьем реки Северн, а когда снова выехал на поверхность, они были уже в Уэльсе. На склонах холмов паслись грязные овцы, и в глубине каждой долины лежал маленький шахтерский городок, с вращающимся колесом над каждой шахтой и рассыпанными вокруг уродливыми промышленными строениями.

На станции Эйбрауэна их ждал черно-кремовый «Роллс-Ройс» графа Фицгерберта. Городок выглядел жалко, думала Дейзи, с крошечными каменными домишками, рядами стоящими по склонам холмов. Они выехали из городка и, проехав с милю, прибыли в дом Фицгербертов, Ти-Гуин.

Когда они миновали ворота, Дейзи ахнула от восторга. Ти-Гуин был огромен и элегантен, с длинными рядами высоких окон и совершенным классическим фасадом. Вокруг раскинулись тщательно ухоженные сады, полные цветов, кустарников и деревьев, каждое из которых, несомненно, было предметом гордости самого графа. Какое счастье, должно быть, чувствовать себя хозяйкой этого дома, подумала она. Возможно, британская аристократия больше и не правит миром, но в искусстве жить они достигли совершенства, и Дейзи страстно желала быть в их числе.

Название Ти-Гуин означало «белый дом», но на самом деле все здесь было серым, и Дейзи поняла почему, едва коснулась рукой каменной стены: на кончиках пальцев осталась угольная пыль.

Ее поселили в так называемой «Жасминовой комнате».

Вечером, перед обедом они с Малышом сидели на террасе и смотрели, как солнце скрывается за пурпурной горной вершиной. Малыш курил сигару, а Дейзи потягивала шампанское. На время они остались одни, но Малыш не заговаривал о браке.

К концу выходных ее беспокойство возросло. У Малыша было множество возможностей поговорить с ней наедине – уж она за этим следила. В субботу мужчины поехали на охоту, но ближе к вечеру Дейзи вышла им навстречу, и они с Малышом вернулись пешком через лес. Утром в воскресенье Фицгерберты и большинство их гостей отправились в англиканскую церковь, находящуюся в городе. После службы Малыш повел Дейзи в паб с названием «Две короны», где приземистые, широкоплечие шахтеры в плоских кепках глазели на нее и на ее бледно-лиловое кашемировое пальто так, будто Малыш привел не девушку, а леопарда на поводке.

Она сказала ему, что ей с матерью скоро придется возвращаться в Буффало, но он не уловил намека.

А может быть, она ему просто нравится, но не настолько, чтобы он на ней женился?

Ко времени воскресного ланча она уже пришла в отчаяние. Завтра ей с матерью надо будет возвращаться в Лондон. Если к тому моменту Малыш не сделает предложения, его родители решат, что он не относится к ней всерьез, и больше приглашений в Ти-Гуин не будет.

Такая перспектива ее испугала. Ведь она решила выйти замуж за Малыша! Она хотела быть виконтессой Фицгерберт, а потом когда-нибудь – и графиней Фицгерберт. Она всегда была богатой, но она жаждала уважения, преклонения, которые сопровождали людей с титулом. Она желала, чтобы к ней обращались «ваше сиятельство». Она мечтала об алмазной диадеме графини Би. Она хотела, чтобы к ее друзьям можно было причислить членов королевской фамилии.

Она знала, что нравится Малышу, а когда он ее целовал – у нее не было сомнений в его желании.

– Ему нужен какой-то толчок, – тихонько сказала ей Ольга, когда после ланча они вместе с другими дамами пили кофе в утренней гостиной.

– Но какой?

– Есть средство, которое на мужчин действует всегда.

– Секс? – приподняла брови Дейзи. Они с матерью говорили почти обо всем, но эту тему обычно обходили.

– Беременность была бы кстати, – сказала Ольга, – но наверняка она случается, только когда не нужна.

– Тогда что же?

– Надо дать ему ощутить близость земли обетованной – но не пускать туда.

Дейзи покачала головой.

– Я не уверена, но мне кажется, что он уже, наверное, побывал на земле обетованной с кем-то еще.

– С кем?

– Ну не знаю... С какой-нибудь служанкой, актрисой, вдовой... Это просто мое предположение, но он не производит впечатления невинного мальчика.

– Не производит, ты права. Значит, ты должна предложить ему что-то, чего он не получит от других. Что-то такое, ради чего он будет готов на все.

Интересно, мельком подумала Дейзи, откуда у матери такая мудрость, ведь сама она провела всю жизнь в браке без любви. Может быть, она много думала, пытаясь понять, как вышло, что у нее увела мужа его любовница Марга. Но все равно вряд ли Дейзи могла предложить Малышу что-то такое, чего он не мог получить от других девиц... Или – могла?

Дамы допивали кофе и расходились по своим комнатам, чтобы вздремнуть. Мужчины все еще сидели в столовой, курили сигары, но через четверть часа они тоже разойдутся.

Дейзи встала.

– Что ты собираешься делать? – спросила Ольга.

– Пока не знаю, – сказала Дейзи. – Но я что-нибудь придумаю.

Она вышла из гостиной. Она собиралась пойти в комнату Малыша, но не хотела об этом говорить, боясь, что мать будет против. Когда он придет в свою комнату отдыхать, она будет ждать его. Слуги в это время дня тоже отдыхали, так что вряд ли в комнату мог войти кто-нибудь еще.

Значит, она будет с Малышом наедине. Но что она скажет? Или сделает? Она не знала. Придется придумывать на ходу.

Она пошла к себе в Жасминовую комнату, почистила зубы, смочила шею духами «Жан Нате» и тихо пошла по коридору к комнате Малыша.

Никто не видел, как она вошла.

Спальня у него была просторная, с видом на туманные горные вершины. Было видно, что эта комната принадлежит ему уже много лет. Здесь были кожаные стулья, какие предпочитают мужчины, на стене – рисунки аэропланов и скаковых лошадей, кедровый ящик полон ароматных сигар, на столике рядом с кроватью – графины с виски и бренди и поднос с хрустальными рюмками. Она открыла выдвижной ящик стола – и увидела бумагу для писем, бутылочку чернил и ручки с карандашами. Бумага была голубая, с гербом Фицгербертов. Может быть, когда-нибудь это будет ее герб?

Интересно, что скажет Малыш, когда увидит ее здесь? Обрадуется ли он, обнимет ее, станет целовать? Или рассердится за это вторжение на его личную территорию и спросит, что она тут вынюхивает? Но ей придется рискнуть.

Она прошла в смежную гардеробную. Здесь стояла маленькая раковина с зеркалом над ней. На мраморной столешнице раковины лежали бритвенные принадлежности. Дейзи подумала, что ей было бы приятно научиться брить своего мужа. Это было бы так интимно.

Она открыла дверцы гардероба и оглядела его одежду: дневной деловой костюм, твидовые костюмы для верховой езды, кожаная куртка пилота на меховой подкладке и два вечерних костюма...

И тут у нее появилась мысль.

Она вспомнила, какое впечатление на Малыша произвело, когда она и другие девчонки переоделись в мужские костюмы – тогда, в июне, у Бинга Вестхэмптона. В тот вечер он впервые поцеловал ее. Она не знала точно, что именно его так взволновало, – обычно такие вещи объяснить невозможно. Лиззи Вестхэмптон говорила, что кое-кому из мужчин нравится, когда женщина шлепает его по задку, – и вот как это можно объяснить?

Может быть, ей стоит сейчас переодеться в его костюм...

«Что-то такое, ради чего он будет готов на все», – сказала мама. Может быть, это оно и есть?

Она обвела взглядом ряд костюмов на вешалках, пачку сложенных белых сорочек, начищенные кожаные туфли, каждый на своей деревянной колодке. Подействует ли? И успеет ли она?

А что ей терять?

Можно выбрать одежду, которая ей понадобится, унести в Жасминовую комнату, переодеться там – а потом быстренько назад, надеясь, что никто ее не увидит по дороге...

Нет. На это времени не было. Не такая длинная у него сигара. Переодеваться придется здесь, и быстро – или вообще не начинать.

Она решилась.

И стянула с себя платье.

Вот теперь она рисковала. До этого момента она могла объяснить свое присутствие здесь – чтобы это звучало более-менее правдоподобно – тем, что она заблудилась во многомильных коридорах Ти-Гуина и зашла в чужую комнату по ошибке. Но ни одна девушка не могла сохранить репутацию, если ее обнаружили в комнате мужчины в одном белье.

Она взяла из стопки верхнюю сорочку. И застонала: к таким сорочкам требовались съемные воротники, крепящиеся запонками. В выдвижном ящике она нашла дюжину накрахмаленных воротников и коробочку запонок и прикрепила воротник к сорочке. Потом натянула ее через голову.

Она услышала снаружи в коридоре тяжелые мужские шаги – и застыла. Сердце застучало как большой барабан; но шаги стихли вдали.

Она решила надеть дневной деловой костюм. Полосатые брюки были без подтяжек, но несколько пар подтяжек она нашла в другом ящике. Она разобралась, как их пристегнуть, – и надела брюки. Они оказались так широки, что места хватило бы и на двух Дейзи.

Потом, не переодевая чулки, она сунула ноги в сияющие черные туфли и завязала шнурки.

Затем застегнула сорочку и надела серебристый галстук. Узел был не такой, как нужно, но это не имело значения, тем более что она все равно не умела правильно его завязывать, и оставила как есть.

Она надела двубортный бежевый жилет и черный фрак и посмотрела на себя в большое зеркало на внутренней стороне дверцы шкафа.

Одежда сидела мешковато, но все равно Дейзи смотрелась мило.

Теперь, когда оставалось время, Дейзи вдела в рукава сорочки золотые запонки, а в нагрудный карман фрака положила белый платок.

Чего-то не хватало. Она смотрела на себя в зеркало, пока не сообразила, что же еще ей было нужно.

Шляпа.

Она открыла другой шкаф и увидела на верхней полке ряд шляпных коробок. Она нашла серый цилиндр и нахлобучила на затылок.

Потом вспомнила про усы. Карандаша для бровей у нее с собой не было. Она вернулась в спальню Малыша и наклонилась к камину. Было еще лето, и огня не разводили. Она сунула кончик пальца в сажу, вернулась к зеркалу и осторожно нарисовала над верхней губой усы.

Она была готова.

Дейзи села в одно из кожаных кресел и стала его ждать.

Ее инстинкт говорил, что она все делает правильно, но по здоровом размышлении все это казалось дикостью. Однако нельзя же объяснить, что нас возбуждает. Сама она вдруг почувствовала, что у нее влажно внутри, когда он катал ее на своем самолете. Нежничать в облаках было совершенно невозможно, он был сосредоточен на управлении самолетом, и это было к лучшему, потому что лететь в небе было так прекрасно и она наверняка позволила бы ему все, что угодно.

Однако мальчишки непредсказуемы, и она боялась, что он мог рассердиться. Когда это происходило, его красивое лицо искажала отвратительная гримаса, он начинал быстро при-топтывать одной ногой и мог повести себя действительно жестоко. Однажды, когда хромой официант принес ему не тот напиток, он сказал:

– А теперь ковыляй обратно в бар и принеси мне виски, который я заказал. Хоть ты и калека, но не глухой, правда?

Несчастный официант покраснел от стыда.

Интересно, подумала она, что он скажет, если рассердится, что она пришла в его комнату?

Он явился через пять минут.

Она услышала снаружи его шаги – и поняла, что уже знает его так хорошо, что узнает его походку.

Открылась дверь, и он вошел, но ее пока не заметил.

– Привет, старина, как дела? – низким голосом сказала она.

– О господи! – вздрогнув, сказал он. Потом, присмотревшись, воскликнул: – Дейзи!

– Она самая, – сказала она своим обычным голосом, вставая с кресла. Он все еще смотрел на нее в изумлении. Она сняла цилиндр и с легким поклоном добавила: – К вашим услугам. – И снова надела цилиндр, сдвинув немного набок.

Он долго молчал, потом оправился от потрясения и широко улыбнулся.

Слава богу, подумала она.

– Слушай, как тебе идет этот цилиндр, – сказал он.

– Я его надела, потому что знала, что тебе понравится, – сказала она, придвигаясь ближе.

– Должен сказать, это чертовски мило с твоей стороны.

Она маняще подняла к нему лицо. Ей нравилось с ним целоваться. На самом деле ей нравилось целоваться почти со всеми мужчинами. В глубине души ей было даже стыдно, что это ей так нравится. Ей нравилось целоваться даже с девчонками – в школе, где они неделями не видели мужчин.

Он склонился к ней, и она почувствовала на губах его губы. Ее шляпа упала, и они оба хихикнули. Он тут же сунул язык ей в рот. Она расслабилась, наслаждаясь. Он любил все чувственные удовольствия, и ей нравилась его готовность к ним.

Она напредила себе про свою задачу. Все шло прекрасно, но ей нужно было, чтобы он сделал предложение. Достаточно ли ему будет поцелуя? Надо, чтобы он захотел большего. Часто, если у них было больше времени, чем несколько секунд, он начинал ласкать ее грудь.

Многое зависело от того, сколько вина он выпил за ланчем. У него была страстная натура, но порою наступал момент, когда весь его пыл исчезал.

Она покачнулася, прижалась к нему всем телом. Он положил руку ей на грудь, но на ней был широкий жилет из шерстяной ткани, и под одеждой он не нашел ее маленькую грудь. Он разочарованно застонал.

Тогда его рука скользнула по ее животу – и под пояс болтающихся на ней брюк.

Никогда еще она не позволяла ему трогать ее там.

Вот только на ней была еще шелковая нижняя юбка и плотные хлопковые панталоны, так что он мало что мог почувствовать. Однако он положил руку ей между ног и крепко прижал. Несмотря на все слои одежды, она почувствовала острое удовольствие.

Но отодвинулася от него.

– Я слишком далеко зашел? – спросил он, тяжело дыша.

– Заприть дверь.

– О господи... – Он пошел к двери, повернул ключ в замке и вернулся. Они снова обнялись, и он начал с того, на чем прежде остановился. Она коснулася его брюк, нашла через одежду напряженный пенис и сжала. Он застонал от удовольствия.

Она вновь отодвинулася.

По его лицу скользнула тень раздражения. Она вдруг вспомнила один неприятный случай. Однажды, когда она заставила одного мальчишку, Тео Кофмана, убрать руку со своей груди, он разозлился и обозвал ее кайфоломщицей. Она больше никогда с ним не встречалась, но почему-то ей было необъяснимо стыдно от этого оскорбления. И сейчас она испугалась, что Малыш тоже разозлится и скажет что-нибудь подобное.

Но он взглянул на нее с нежностью и сказал:

– Ты же знаешь, я от тебя без ума.

Вот он, тот самый момент. Сейчас – или никогда, сказала она себе.

– Нам не следует этого делать, – сказала она с сожалением, которое если и было преувеличенным, то ненамного.

– Ну почему?

– Мы ведь даже не помолвлены.

Слово повисло в воздухе, и наступило долгое молчание. Для девушки это было равносильно предложению. Она следила за его лицом, с ужасом думая, что сейчас он испугается, отвернется, начнет бормотать извинения и попросит ее уйти.

Он ничего не сказал.

– Я хочу, чтобы тебе было хорошо... – сказала она, – но...

– Я же так люблю тебя, Дейзи, – сказал он.

Этого было недостаточно. Она улыбнулась ему и сказала:

– Правда?

– Безумно люблю.

Она ничего не ответила, выжидательно глядя на него.

Наконец он сказал:

– Ты будешь моей женой?

– О да! – сказала она и снова его поцеловала. Все еще целуя его, она расстегнула его ширинку, пробралась под белье, нашла его пенис и вынула. Его кожа была гладкой и горячей. Она погладила его, вспомнив разговор с близняшками Вестхэмптон. «Можно потерять его», – сказала Линди, а Лиззи добавила: «Пока из него не польется». Дейзи было любопытно и хотелось заставить мужчину сделать это. Ее движения стали тверже.

Потом она вспомнила, что еще говорила Линди: «А еще можно пососать его. Это им нравится больше всего».

Она прервала поцелуи и тихо сказала ему на ухо:

– Для своего мужа я сделаю что угодно.

И она опустилась на колени.

V

Это была самая великолепная свадьба года. Бракосочетание Дейзи и Малыша происходило в церкви Святой Маргариты в Вестминстере, в субботу, третьего октября 1936 года. Дейзи очень жалела, что не в Вестминстерском аббатстве, но ей сказали, что там могут происходить бракосочетания лишь членов королевской фамилии.

Ее свадебное платье было от Коко Шанель. Во время депрессии в моду вошли простые линии, а излишества сведены к минимуму. Платье Дейзи было до пола, косого кроя, с рукавами «бабочка» и с коротким шлейфом – чтобы его нести, требовался только один паж.

Ее отец, Лев Пешков, ради церемонии бракосочетания пересек Атлантику. И мать, чтобы сохранить лицо, согласилась сидеть рядом с ним в церкви и вообще делать вид, что они – более-менее счастливая супружеская пара. Дейзи мучили кошмары, что в какой-то момент появится и Марга под ручку с незаконным сыном Льва Греггом, – но этого не произошло.

Подружками невесты были близнецы Вестхэмптон, Мэй Мюррей и, единственная уже замужняя, Ева Мюррей. Малыш начал ворчать, что Ева полувейрейка, – он вообще не хотел приглашать ее на свадьбу, – но Дейзи настояла.

И вот она очутилась в древней церкви, зная, что выглядит невыносимо прекрасно, и была счастлива отдать свое тело и душу Малышу Фицгерберту.

«Дейзи Фицгерберт, виконтесса Эйбрауэнская», – поставила она свою подпись в журнале регистрации браков. Она неделями тренировалась писать эти слова, тщательно разрывая потом бумагу на нечитаемые клочки. Теперь она получила это имя. Оно принадлежало ей.

Покидая церковь в торжественной процессии, Фиц любезно предложил Ольге руку, а графиня Би шла на расстоянии не меньше ярда от Льва.

Графиня Би вообще не являлась приятной особой. К матери Дейзи она относилась достаточно благосклонно, а если в ее тоне и проскальзывали отчетливые нотки снисходительности, то Ольга их не замечала, и отношения у них были хорошие. Но Лев графине не понравился.

Теперь Дейзи понимала, что отцу не доставало светской респектабельности. Он ходил и говорил, ел и пил, курил, смеялся и чесался – как гангстер, и ему было все равно, что подумают люди. Он делал что пожелает, потому что он был американский миллионер, – точно так же, как Фиц делал что пожелает, потому что он был английский граф. Дейзи всегда знала это, но сейчас ощутила вдвое острее, когда увидела отца рядом со всеми этими английскими аристократами на торжественном завтраке в честь ее бракосочетания в большом бальном зале отеля «Дорчестер».

Но теперь это было не важно. Она была леди Эйбрауэн, и этого у нее теперь не отнять.

Тем не менее постоянная враждебность Би в отношении Льва раздражала Дейзи, как раздражает не сильный, но неприятный запах или далекий шум, – Дейзи чувствовала некоторое беспокойство. Сидя рядом со Львом за главным столом, Би все время слегка отворачивалась. Когда он к ней обращался, она отвечала кратко, не глядя в глаза. Он, казалось, не обращал внимания – улыбался и пил шампанское, – но Дейзи, сидящей напротив него, было видно, что все эти мелочи были им замечены. Он был простоват, но не глуп.

Когда тосты смолкли и мужчины начали закуривать, Лев – как отец невесты, счет оплачивал он – взглянул через стол на Фицгерберта и спросил:

– Ну что, Фиц, я надеюсь, вам понравилась еда? Вина соответствовали вашим требованиям?

– Вполне, благодарю вас.

– А на мой вкус – так это чертовски хорошая подборка.

Би довольно громко издала неодобрительное восклицание. Мужчинам не полагалось произносить такие слова в ее присутствии.

Лев повернулся к ней.

Он улыбался, но Дейзи заметила в его глазах опасный блеск.

– Что, княжна, я вас оскорбил?

Она не желала отвечать, но он смотрел на нее выжидательно, не отводя взгляда. Наконец она произнесла:

– Я бы предпочла не слышать столь грубой речи.

Лев достал из своего ящичка сигару. Он не зажег ее сразу, сначала понюхал и покатал в пальцах.

– Позвольте, я расскажу вам одну историю, – сказал он и взглянул в одну и в другую сторону стола, чтобы убедиться, что все слушают: Фиц, Ольга, Малыш, Дейзи и Би. – Когда я был ребенком, моего отца обвинили в том, что он пас скот на чужой земле. Подумаешь, большое дело, скажете вы. Даже если он был виновен. Но его арестовали, и управляющий велел построить на северном лугу виселицу. Потом пришли солдаты, схватили меня, брата и маму и повели туда. Отец стоял на помосте с петлей на шее. Потом приехал наш помещик.

Дейзи отец никогда этого не рассказывал. Ольга, похоже, была также удивлена.

Теперь маленькая группа за столом сидела очень тихо.

– Нас заставили смотреть на казнь моего отца, – сказал Лев. – И вы знаете, какая странность... – он повернулся к Би. – Там еще была сестра нашего помещика... – Он сунул сигару в рот, намочил кончик и вынул.

Дейзи заметила, что Би побледнела. Неужели это о ней?

– Сестре было девятнадцать лет, она была княжной, – сказал Лев, рассматривая свою сигару. Дейзи услышала, как Би тихонько ахнула, и поняла, что это действительно о ней. – Она стояла и наблюдала за казнью, холодна как лед, – сказал Лев. Потом он посмотрел в упор на Би. – Вот это действительно были грубые, черствые, жестокие люди, – сказал он.

Наступило долгое молчание.

Лев снова сунул в рот сигару.

– Дайте кто-нибудь огоньку! – сказал он.

VI

Ллойд Уильямс сидел за кухонным столом в родительском доме в Олдгейте и взволнованно изучал карту.

Было четвертое октября 1936 года, и сегодня должен был произойти бунт.

Древний римский город Лондон, построенный на холме возле реки Темзы, был теперь финансовым центром и назывался Сити. На запад от этого холма располагались дворцы богатей, а также построенные для них театры, магазины и церкви. Дом, в котором сейчас был Ллойд, находился восточнее холма, в районе портовых доков и трущоб. Здесь веками оседали волны эмигрантов, готовых работать до седьмого пота, чтобы их внуки смогли когда-нибудь переселиться из Ист-Энда в Вест-Энд.

Карта, которую так внимательно рассматривал Ллойд, была в специальном издании «Дэйли уоркер», газеты коммунистической партии, и там был обозначен маршрут сегодняш-

него шествия Британского союза фашистов. Они планировали встретиться возле лондонского Тауэра, на границе Сити с Ист-Эндом, и потом пойти на восток...

Прямоком в район Степни, где жили в основном евреи.

Если их не остановят Ллойд и другие, разделяющие его убеждения.

Газеты писали, что в Великобритании 330 000 евреев и половина их живет в Ист-Энде. Большинство были беженцами из России, Польши и Германии, где они жили в страхе, что в любой день полиция, солдаты или казаки могли пойти по городу, врываясь в дома, грабя, избивая стариков, насилая женщин, расстреливая их отцов и братьев.

Здесь, в лондонских трущобах, евреи обрели место, где у них было такое же право на жизнь, как у всех остальных. Что бы они почувствовали, если бы, выглянув в окно, увидели уже здесь марширующую по их улице толпу громил в форме, клянувшихся стереть их с лица земли? Этого просто нельзя допустить, думал Ллойд.

В газете отмечалось, что существуют два маршрута, которыми может пойти шествие от Тауэра. Один шел через Гардинерз-корнер, пересечение пяти улиц, известное как «Ворота в Ист-Энд», а второй – по Роял-Минт-стрит и узкой Кейбл-стрит. Существовала еще дюжина путей, но там можно было пройти в одиночку, а никак не шествием. Сент-Джордж-стрит вела скорее в католический Уоппинг, а не в еврейский Степни, а потому была фашистам не нужна.

Газета «Уоркер» призывала перекрыть живой стеной Гардинерз-корнер и Кейбл-стрит – и остановить шествие.

Газета часто призывала к каким-нибудь действиям, которые не осуществлялись: к забастовкам, переворотам, а недавно – объединить все левые партии и создать Народный фронт. Возможно, живая стена – просто еще одна из подобных фантазий. Чтобы действительно перекрыть дороги Ист-Энда, потребуется много тысяч человек. Ллойд не имел представления, придет ли достаточно народа.

Одно он знал наверняка: будут беспорядки.

За столом вместе с Ллойдом сидели родители Берни и Этель, его сестра Милли и шестнадцатилетний Ленни Гриффитс из Эйбрауэна в воскресном костюме. Ленни приехал с отрядом валлийских шахтеров, прибывших в Лондон, чтобы поучаствовать в демонстрации протеста.

Берни поднял голову от газеты и сказал:

– Фашисты заявляют, что всем приехавшим валлийцам билеты на поезд до Лондона купили большие люди из евреев.

Ленни доел кусок яичницы и ответил:

– Я и не знаю никаких больших евреев, – разве что миссис Леви Кондитерка, она довольно толстая. Но я-то сюда приехал в кузове грузовика, везущего в Смитфилд на ярмарку шестьдесят валлийских ягнят.

– Вот почему от тебя так пахнет, – сказала Милли.

– Милли! – сказала Этель. – Как тебе не стыдно!

Ленни спал в одной комнате с Ллойдом и сообщил ему, что после демонстрации не собирается возвращаться в Эйбрауэн. Они с Дейвом Уильямсом отправятся в Испанию и присоединятся к интернациональным бригадам, которые там сейчас формируют для борьбы с фашистскими мятежниками.

– А паспорт ты получил? – спросил Ллойд. Получить паспорт было нетрудно, но, обратившись за ним, следовало представить справку от священника, доктора, адвоката или другого должностного лица, так что молодому человеку было нелегко сохранить получение паспорта в тайне.

– Незачем, – ответил Ленни. – Мы отправимся на вокзал Виктории и возьмем билеты до Парижа на выходные, туда и обратно. В этом случае не нужен паспорт.

Ллойд вроде что-то такое слышал. Это была лазейка для удобства преуспевающего среднего класса. Но сейчас ею пользовались антифашисты.

– И сколько стоит билет?

– Три фунта пятнадцать шиллингов.

Ллойд приподнял брови. У безработного шахтера вряд ли могла найтись такая сумма.

– Но мой билет оплатила Независимая партия лейбористов, а билет Ленни – Коммунистическая партия.

Должно быть, они соврали про свой возраст.

– А что потом, когда вы прибудете в Париж?

– Там на Гэйр-дю-Норд, – так Ленни произнес название вокзала Гар-дю-Нор (он по-французски не знал ни слова), – нас встретят французские коммунисты. Оттуда в их сопровождении мы поедем на испанскую границу.

Ллойд свой отъезд пока отложил. Он говорил всем, что делает это, чтобы родители не так волновались, но на самом деле он никак не мог отказаться от мыслей о Дейзи. Он все еще мечтал, что она бросит Малыша. Это было безнадежно, – она даже не отвечала на его письма, – но перестать о ней думать он не мог.

А тем временем Британия, Франция и США договорились с Германией и Италией о политике невмешательства в Испании, и это означало, что никто из них не будет поставлять оружие ни одной из сторон. Уже одно это приводило Ллойда в ярость: должны же демократические страны поддерживать законно избранное правительство? Но что еще хуже, Германия и Италия каждый день нарушали свое соглашение, и об этом мама Ллойда и дядя Билли говорили при обсуждении обстановки в Испании на многих собраниях, проводившихся той осенью в Великобритании. Граф Фицгерберт, как ответственный государственный министр, стойко защищал политику правительства, заявляя, что вооружать испанское правительство не следует, поскольку существует опасность, что Испания может стать красной.

Это было самоисполняющееся пророчество, говорила в язвительной речи Этель. Единственной страной, которая соглашалась поддерживать правительство Испании, был Советский Союз, и для испанцев было бы естественно тянуться к единственной стране в мире, которая помогала им.

А правда заключалась вот в чем: консерваторы считали, что Испания выбрала правительство, опасно склоняющееся влево. И такие, как Фицгерберт, не были бы особенно несчастны, если бы правительство Испании было с применением силы низложено и на его место встали бы правые экстремисты. Ллойд был вне себя от отчаяния.

А потом у него появилась эта возможность бороться с фашизмом дома.

– Это нелепо, – сказал Берни неделю назад, когда объявили о шествии. – Городская полиция должна их заставить изменить маршрут. У них, конечно, есть право на проведение шествия, но не в Степни.

Однако полиция ответила, что не имеет власти помешать абсолютно законной демонстрации.

К министру внутренних дел сэру Джону Симону обратилась делегация, в которую входили Берни, Этель и мэры восьми районов Лондона. Они просили его запретить проведение шествия или по крайней мере направить в другую сторону, но он тоже заявил, что не в силах ничего изменить.

Вопрос, что делать дальше, внес раскол и в партию лейбористов, и в еврейское сообщество, и в семью Уильямсов.

Еврейский народный совет против фашизма и антисемитизма, который основали Берни и другие три месяца назад, призывал к массовой демонстрации протеста, которая сможет не допустить фашистов на улицы, где живут евреи. Их лозунгом стала испанская фраза «No pasaran», что означало «Они не пройдут» – клич антифашистов, защитников Мад-

рида. Совет представлял собой маленькую организацию с громким именем. Он занимал две верхние комнаты в здании на Коммершл-роуд, и у него был дупликатор «Гестетнер» и пара старых печатных машинок. Но в Ист-Энде он пользовался огромной поддержкой. В сорок восемь часов он собрал немыслимые сто тысяч подписей под петицией, призывающей запретить шествие. Но правительство по-прежнему бездействовало.

Лишь одна крупная политическая партия поддержала проведение альтернативной демонстрации, и это были коммунисты. Протест также поддержала фракция лейбористов, Независимая рабочая партия, в которой состоял Ленни. Остальные партии были против.

– А «Джуиш кроникл» советует своим читателям сегодня не выходить на улицы, – сказала Этель.

Ллойд думал, что в этом-то и проблема. Многие считают за лучшее держаться подальше от неприятностей. Но это лишь развяжет руки фашистам.

– Как ты можешь цитировать мне эту «Джуиш кроникл»? – сказал Берни, пусть не религиозный, но еврей. – По их мнению, евреи вовсе не должны выступать против фашизма. Лишь против антисемитизма. Какой в этом политический смысл?

– Я слышала, что Совет еврейских депутатов Великобритании говорит то же самое, что и «Кроникл», – настойчиво сказала Этель.

– Все эти так называемые депутаты – богачи с Голдерс-Грин, – презрительно сказал Берни. – Уж на них-то никогда не нападали на улице хулиганы в фашистской форме.

– Но ты же лейборист! – с упреком сказала Этель. – Наша политика – не устраивать на улицах стычек с фашистами. Где твоя солидарность?

– А по отношению к евреям я не должен проявлять солидарность? – сказал Берни.

– Ты еврей, только когда тебе это нужно. И на тебя никогда не нападали на улице.

– Все равно лейбористы совершают политическую ошибку.

– Не забывай только, что, если позволить фашистам спровоцировать применение силы, пресса обвинит в этом левых, независимо от того, кто на самом деле начал первым.

– Если мальчишки Мосли начнут драку, то получат сполна, – запальчиво сказал Ленни. Этель вздохнула.

– Ленни, подумай вот о чем. У кого в этой стране больше оружия: у вас с Ллойдом и лейбористов – или у консерваторов, на стороне которых армия и полиция?

– Ой, – сказал Ленни. Об этом он явно не думал.

– Как ты можешь так говорить? – сердито сказал матери Ллойд. – Ты же была в Берлине три года назад – и ты видела, как все происходило. Немецкие левые пытались противостоять фашизму мирным путем – и смотри, чем это для них кончилось.

– Немецким социал-демократам не удалось создать вместе с коммунистами народный фронт, – вставил Берни. – Это и позволило взять их поодиночке. Вместе они могли бы победить.

Берни очень сердился, что местные лейбористы отказались от предложения коммунистов создать коалицию, чтобы противостоять шествию.

– Союз с коммунистами – опасная штука, – сказала Этель.

На этот счет они с Берни расходились во мнениях. На самом деле этот вопрос внес раскол в партию лейбористов. Ллойд думал, что Берни прав, а Этель – нет.

– Для борьбы с фашизмом мы должны использовать все ресурсы! – сказал он и дипломатично добавил: – Но мама права, для нас будет лучше, если все пройдет без применения силы.

– Для вас будет лучше, если вы все останетесь дома и будете бороться с фашизмом нормальными способами демократической политики, – сказала Этель.

– Ты пыталась добиться нормальными путями демократической политики равной оплаты труда для женщин, – сказал Ллойд, – и у тебя ничего не вышло.

Лишь в апреле этого года женщины-парламентарии лейбористов выдвинули законопроект, гарантирующий государственным служащим женского пола равную с мужчинами оплату за равный труд. Но законопроект не прошел, потому что почти все голосовавшие в палате общин были мужчины.

– Но мы же не отказываемся от демократии каждый раз, когда проигрываем на выборах! – твердо сказала Этель.

Ллойд знал: беда в том, что эти размежевания могут ослабить силы, противостоящие фашизму, что приведет их к гибели, как случилось в Германии. Сегодня предстояла суровая проверка. Политические партии могли попробовать повести за собой, но люди сами будут выбирать, за кем идти. Останутся ли они дома, как призывают боязливые лейбористы и «Джуиш кроникл»? Или выйдут на улицы и скажут «нет!» фашизму? До вечера Ллойд уже получит ответ.

В заднюю дверь постучали, и вошел их сосед Шон Долан – он был одет так, как одевался всегда, когда шел в церковь.

– После службы я к вам присоединюсь, – сказал он Берни. – Где мы встретимся?

– На Гардинерз-корнер, и не позднее двух, – сказал Берни. – Мы надеемся, придет достаточно народу, чтобы остановить там фашистов.

– Портовые рабочие будут все до единого, – сказал Шон восторженно.

– А почему? – спросила Милли. – Разве фашисты вас ненавидят? Ведь нет?

– Милая девочка, вы слишком молоды, чтобы это помнить, но евреи нас всегда поддерживали, – пояснил Шон. – Во время портовой забастовки тысяча девятьсот двенадцатого года, когда мне было всего девять лет, наш отец не мог нас прокормить, и нас с братом взяла к себе миссис Исаакс, жена пекаря с Нью-роуд, да благословит ее господь за большое, доброе сердце. Тогда сотни ребятишек портовых рабочих оказались в еврейских семьях. И так же было в тысяча девятьсот двадцать шестом. И мы не позволим этой фашистской мрази появиться на наших улицах, – извините за выражение, миссис Леквиз.

Ллойд приободрился. В Ист-Энде были тысячи докеров. Если все придут, это значительно пополнит их ряды.

Снаружи раздался мужской голос, усиленный рупором.

– Не пустим Мосли в Степни! – сказал он. – Собираемся в два часа дня на Гардинерз-корнер!

Ллойд допил чай и встал. Сегодня ему отводилась роль наблюдателя, надо было узнавать, где находятся фашисты, и сообщать о происходящем Берни, в Еврейский народный совет. Его карманы были набиты большими коричневыми пенни, чтобы звонить из телефона-автомата.

– Я, пожалуй, пойду, – сказал он. – Фашисты наверняка уже собираются.

Мама встала и пошла за ним к двери.

– Смотри не ввязывайся в драку, – сказала она. – Помнишь, чем это кончилось в Берлине?

– Я буду осторожен, – пообещал Ллойд.

– Если тебе выбьют зубы, – попыталась пошутить мама, – ты перестанешь нравиться своей богатой американке.

– Я ей и так не нравлюсь.

– Не верю. Какая девушка перед тобой устоит?

– Мам, ну ничего со мной не случится, – сказал Ллойд. – Ну правда.

– Ладно, надо радоваться хотя бы тому, что ты не едешь в эту проклятую Испанию.

– Сегодня точно не еду. – Ллойд поцеловал маму и вышел.

Было ясное осеннее утро, солнце было не по сезону жарким. Посередине Натли-стрит несколько человек возвели платформу-временку, и один говорил в рупор:

– Жители Ист-Энда! Мы не обязаны стоять и молчать, когда нас оскорбляет толпа наглых антисемитов! – Ллойд узнал в выступающем местного активиста Национального движения безработных. Из-за Депрессии тысячи еврейских портных оказались без работы. Каждый день они ходили на Сеттл-стрит отмечаться на бирже труда.

Не прошел Ллойд и десяти метров, как его догнал Берни и вручил ему бумажный пакет со стеклянными шариками, какими любят играть дети.

– Я много бывал на демонстрациях, – сказал он. – Если на толпу набросится конная полиция, бросай шарики под копыта лошадям.

Ллойд улыбнулся. Отчим был миротворцем, но при этом не был размазней.

Однако он сомневался, брать ли шарики. Он мало имел дело с лошадьми, но они казались ему терпеливыми, неопасными животными, и ему не хотелось, чтобы они падали на землю.

Берни правильно понял выражение его лица и сказал:

– Лучше пусть свалится лошадь-другая, чем они затопчут моего мальчика.

Ллойд положил пакет с шариками в карман, подумав при этом, что это еще не обязывает его ими воспользоваться.

Его радовало, что на улицах уже полно народу. Заметны были и другие обнадеживающие признаки. Везде, куда ни глянь, – написанный мелом по-английски и по-испански лозунг «Они не пройдут!». Повсюду коммунисты раздавали листовки. На многих подоконниках он увидел красные флаги. Группа мужчин с медалями Великой войны несли транспарант, на котором было написано: «Еврейская ассоциация отставных военных». Фашисты ненавидели, когда им напоминали, сколько евреев сражалось за Великобританию. Пять еврейских солдат получили Крест Виктории, высшую государственную награду за доблесть.

Ллойд начал думать, что, возможно, в конце концов у них и получится остановить это шествие.

Гардинерз-корнер представлял собой широкий перекресток пяти улиц, названный так по названию шотландского магазина одежды, «Гардинер и К°», занимавшего угловое здание с отличительной особенностью – часовой башней. Дойдя до места встречи, Ллойд понял, что неприятности ожидаются. Он увидел несколько медпунктов и сотни волонтеров в форме Ассоциации медицинской помощи святого Иоанна. Во всех переулках стояли машины «скорой помощи». Ллойд надеялся, что получится обойтись без драки, – но лучше пойти на этот риск, думал он, чем позволить фашистам без помех проводить свое шествие.

Он прошелся вокруг, чтобы осмотреться, и подошел к Тауэру с северо-запада, чтобы не догадаться, что он житель Ист-Энда. Подходя, еще издали он услышал звуки духовых инструментов.

Тауэр, дворец, стоящий на берегу реки, восемь веков символизировал власть и угнетение. Вокруг него тянулась длинная стена из старого светлого камня, словно краску смыло веками лондонских дождей. С наружной стороны стены шел парк с названием «Тауэр-гарденз». Именно здесь договорились встретиться фашисты. Ллойд прикинул, что их там уже, должно быть, около двух тысяч, их колонна тянулась на запад, в финансовый район. То и дело они затягивали речевку:

Раз, два, три, четыре, пять,
Всех жидов пора прогнать!
Жидов! Жидов!
Всех жидов пора прогнать!

Они несли флаги Великобритании. И почему это, подумал Ллойд, когда кто-то стремится разрушить все лучшее в стране, они сразу же начинают размахивать ее флагом?

У них был внушительный вид военных – с широкими черными кожаными поясами и черными рубашками, и они выстроились на траве в ровные колонны. Их офицеры были в щегольской форме: черный китель военного кроя, серые брюки для верховой езды, черная кепка с сияющим козырьком и черно-белая нарукавная повязка. Несколько мотоциклистов в форме демонстративно разъезжали вокруг и, обмениваясь фашистским приветствием, передавали распоряжения. Прибывали все новые участники шествия, некоторые в бронированных фургонах с проволочной сеткой на окнах.

Это была не политическая партия. Это была армия.

Целью всей этой показухи было создать ложное впечатление власти. Они хотели выглядеть так, словно имели право закрывать собрания и опустошать здания, врывать в дома и учреждения и арестовывать людей, бросать их в тюрьмы и лагеря, избивать, допрашивать и мучить их, как коричневорубашечники в Германии, при нацистском режиме, которым так восхищался Мосли и владеец «Дэйли мэйл», лорд Ротермер.

Они пойдут наводить ужас на жителей Ист-Энда, людей, чьи отцы и деды бежали от преследований и погромов – из Ирландии, Польши, России.

Выйдет ли народ Ист-Энда на улицы, чтобы их остановить? Если нет, если сегодняшнее шествие пройдет как задумано – на что могут решиться фашисты завтра?

Он пошел по периметру парка – делая вид, что он один из сотни праздных зрителей. Боковые улицы расходились, словно спицы от оси. На одной из них он заметил знакомый черно-кремовый «роллс-ройс». Автомобиль остановился, шофер открыл дверцу, и, к ужасу и отчаянию Ллойда, из машины вышла Дейзи Пешкова.

У него не было сомнений в том, зачем она приехала. На ней была прекрасно пошитая женская форма с длинной серой юбкой вместо брюк, из-под черной шапочки выпущены светлые волосы. Как ни ненавидел Ллойд эту форму, но он не мог не признать, что Дейзи выглядит в ней непреодолимо привлекательно.

Он остановился, глядя на нее. Удивляться было нечему: Дейзи ведь говорила ему, что ей нравится Малыш Фицгерберт, и его политические взгляды определенно ей не мешали. Но, увидев, что она открыто поддерживает фашистов, когда они выступают против лондонцев еврейской национальности, он окончательно убедился в том, насколько далека она от всего, что имело какое-то значение в его жизни.

Ему следовало просто повернуться и уйти, но он не мог. Она торопливо пошла по тротуару, но он преградил ей путь.

– Какого черта вам здесь нужно? – грубо спросил он.

– Я могу задать вам тот же вопрос, мистер Уильямс, – спокойно сказала она. – Не думаю, чтобы вы собирались участвовать в нашем шествии.

– Вы что, не понимаете, что это за люди? Они прерывают мирные политические собрания, они запугивают журналистов, они бросают в тюрьму своих политических противников. Вы же американка, как вы можете быть против демократии?

– Не всегда демократия оказывается самой подходящей политической системой. Не для любой страны и не в любое время.

Ллойд догадался, что она повторяет слова пропаганды Мосли.

– Но эти люди истязают и убивают всех, кто с ними не согласен! – сказал он и подумал о Йорге. – Я видел это сам, в Берлине. Я попал в один из их лагерей, ненадолго. Меня заставили смотреть, как обнаженного человека загрызли насмерть голодные собаки. Вот чем занимаются ваши друзья-фашисты.

Ее это не тронуло.

– А кого именно фашисты убили в последнее время, здесь, в Англии?

– Британские фашисты еще не получили власти. Но ваш Мосли восхищается Гитлером. И если только у них появится возможность, они будут делать ровно то же, что и нацисты.

– Вы хотите сказать, они покончат с безработицей и вернут людям гордость и надежду? Его влекло к ней с такой силой, что у него сердце разрывалось, когда он слышал, как она повторяет всю эту чушь.

– Вы же знаете, как фашисты поступили с семьей вашей подруги Евы.

– А Ева вышла замуж, вы знаете? – сказала Дейзи нарочито оживленным тоном человека, пытающегося перевести светскую беседу в более удобное русло. – За этого милого Джимми Мюррея. Теперь она английская замужняя дама.

– А ее родители?

Дейзи отвела взгляд.

– Я их не знаю.

– Но вы знаете, как с ними поступили нацисты! – Ева все рассказала Ллойд на балу в Тринити. – Ее отцу запрещено заниматься врачебной деятельностью, и он работает помощником аптекаря. Он не имеет права войти в парк, в библиотеку. В его родной деревне имя его отца сбито с памятника погибшим в войне! – Ллойд заметил, что почти кричит. – Как вы можете стоять бок о бок с людьми, которые творят такое? – гораздо тише сказал он.

Было видно, что ей неловко, но на его вопрос она не ответила. Вместо этого она сказала:

– Я уже опаздываю. Прошу меня простить...

– То, что вы делаете, простить нельзя.

Тут вмешался шофер:

– Ладно, сынок, хватит.

Это был грузный человек средних лет, и было очевидно, что он ведет малоподвижный образ жизни. Ллойд его нисколько не испугался, но начинать драку ему не хотелось.

– Я ухожу, – сказал он примирительно. – Только я вам не сынок.

Шофер взял его за руку.

– Лучше уберите руки, – сказал Ллойд, глядя прямо в лицо шоферу. – Я уйду, но прежде могу и двинуть.

Шофер заколебался. Ллойд напрягся, приготовившись действовать, ожидая, как на ринге, признаков, что противник готов напасть. Если шофер захочет его ударить, то размахнется изо всех сил, и уклониться не составит труда.

Но шофер или ощутил решимость Ллойда, или почувствовал на руке, которую сжимал, крепкие мускулы. По той или иной причине, но он подался назад и отпустил руку, сказав: «Не надо угрозы».

Дейзи ушла.

Она спешила к рядам фашистов, а Ллойд смотрел на ее спину, которую отлично облежала черная форма. С глубоким вздохом разочарования он повернулся и пошел в другую сторону.

Он попытался сосредоточиться на деле, которым нужно было сейчас заняться. Каким дураком он был, что стал угрожать этому шоферу. Если бы завязалась драка, его наверняка арестовали бы, потом он провел бы день в камере – и как бы это помогло бороться с фашизмом?

Было уже половина первого. Он ушел с Тауэр-хилл, нашел телефонную будку, позвонил в Еврейский народный совет и поговорил с Берни. Когда он рассказал, что видел, Берни велел ему приблизительно подсчитать, сколько полицейских на улицах между Тауэром и Гардинерз-корнер.

Он перешел в восточную часть парка и стал осматривать расходящиеся лучами переулки. Увиденное его ошеломило.

Он ожидал, что полицейских будет около сотни. А на самом деле их были тысячи.

Они стояли шеренгами вдоль тротуаров, ждали в дюжинах припаркованных автобусов, сидели верхом на могучих конях, стоявших удивительно ровными рядами. Для желающих пройти по улице оставался совсем узкий проход. Полицейских было больше, чем фашистов.

Из одного автобуса полицейский в форме приветствовал его гитлеровским салютом.

Ллойд почувствовал ужас. Если все эти полицейские приехали поддержать фашистов, как сможет им противостоять демонстрация протеста?

Это было хуже, чем просто фашистское шествие, это было фашистское шествие с поддержкой полиции. Что это должно значить для евреев Ист-Энда?

На Мэнселл-стрит он увидел знакомого патрульного, Генри Кларка.

– Привет, Нобби! – сказал он. Почему-то всех Кларков принято было звать прозвищем «Нобби». – А мне тут полицейский отсалютовал по-гитлеровски.

– Они не отсюда, – тихо сказал Нобби, словно открывая тайну. – Они не живут рядом с евреями, как я. Я говорю им, что евреи – такие же, как все остальные, в основном – законопослушные граждане, среди них очень мало преступников и хулиганов. Но мне не верят.

– Но все же... гитлеровский салют?

– Может, это была такая шутка.

Ллойд в этом сомневался.

Он попрощался с Нобби и пошел дальше. Он увидел, что там, где переулки подходят к Гадинерз-корнер, полицейские выстраивают оцепление.

Он зашел в паб с телефоном – накануне он заметил все доступные телефоны в этом районе – и сказал Берни, что в округе как минимум пять тысяч полицейских.

– Нам не выстоять против такого количества полицейских, – сказал он мрачно.

– Подожди с выводами, – сказал Берни. – Взгляни на Гардинерз-корнер.

Ллойд нашел обходной путь мимо оцепления и присоединился к демонстрации протеста. Но только когда он попал на середину улицы перед башней с часами, он смог оценить размер толпы.

Такого количества народа он не видел никогда в жизни.

На перекрестке было не протолкнуться, и это были еще цветочки. На восток по Уайтчепел-хай-стрит толпа простиралась, насколько хватало глаз. На Коммершл-роуд, ведущей на юго-восток, народ стоял стеной. На улицу Леман-стрит, где находился полицейский участок, невозможно было зайти.

«Да здесь, должно быть, тысяч сто!» – подумал Ллойд. Ему захотелось подкинуть шапку в воздух и закричать. Жители Ист-Энда вышли все вместе, чтобы прогнать фашистов. Теперь-то не было сомнений, что они обо всем этом думают.

На середине перекрестка неподвижно застыл трамвай, брошенный и пассажирами, и водителем.

Ничто не могло преодолеть эту толпу, понял Ллойд с крепнущей надеждой.

Он увидел своего соседа Шона Долана – тот залез на фонарный столб и прицепил на самый верх красный флаг. Играл духовой оркестр Еврейской юношеской бригады – наверняка без ведома своих респектабельных и консервативных организаторов. Над головой летал полицейский самолет; хоть какая-то авиация, подумал Ллойд.

Возле витрин Гардинерз он столкнулся со своей сестрой Милли и ее подругой Наоми Эвери. Ему не хотелось, чтобы Милли попала в какую-нибудь свалку; от одной мысли об этом он похолодел.

– А папа знает, что вы здесь? – укоризненно спросил он.

– Не задавай глупых вопросов, – беззаботно ответила она.

Он вообще не ожидал, что она окажется здесь.

– Ты же обычно не очень-то интересуешься политикой, – сказал он. – Я думал, тебя больше интересует, как зарабатывать деньги.

– Обычно – да, – сказала она. – Но это особый случай.

Ллойд представил себе горе Берни, если с Милли что-нибудь случится.

– Я думаю, тебе надо вернуться домой.

– Почему это?

Он огляделся. Толпа казалась мирной и доброжелательной. Полиция держалась на расстоянии, фашистов нигде видно не было. Понятно, что никакого шествия сегодня не будет. Приверженцам Мосли не пробиться через толпу в сто тысяч человек, собравшуюся, чтобы их остановить, и если в полиции работают не сумасшедшие, они не дадут им даже попытаться. Наверняка Милли ничто не угрожает.

Но пока он об этом думал, все изменилось.

Пронзительно зазвучали свистки. Взглянув в ту сторону, откуда свистели, Ллойд увидел, что конные полицейские выстроились в угрожающую цепь. Кони, волнуясь, били копытами и раздували ноздри. Полицейские взяли на изготовку длинные дубинки, похожие на мечи.

Казалось, они готовятся пойти в атаку – но ведь этого не могло быть!

В следующий миг они двинулись в наступление.

Раздались яростные возгласы, испуганные крики. Все бросились с дороги огромных лошадей. В толпе образовался проход, но те, кто стоял по краям, попали под тяжелые копыта. Полицейские били своими длинными дубинками направо и налево. Ллойда стали теснить назад, и он ничего не мог поделать.

Он пришел в ярость. Понимают ли они, что делают, эти полицейские? Неужели они круглые дураки и считают, что можно таким образом очистить путь для Мосли с его шествием? Они действительно представляют себе, что две или три тысячи фашистов пройдут через сотысячную толпу своих жертв, распевая оскорбительные речевки, – и народ не взбунтуется? Неужели начальство полиции – идиоты или полиция вышла из повиновения? Он не знал, что хуже.

Развернув храпящих лошадей, они отошли назад и перегруппировались в ломаный строй, а когда прозвучал свисток, прищипорили своих лошадей, посылая их в новую безумную атаку.

Теперь Милли испугалась. Ей было всего шестнадцать, и вся ее бравада улетучилась. Она закричала от страха, когда толпа стала напирать, вжимая ее в стекло витрины магазина «Гардинер и К°». Манекены в дешевых костюмах и зимних пальто смотрели на перепуганную толпу и воинственных всадников. От шума тысяч голосов, кричащих от страха и ярости, Ллойд едва не оглох. Он встал перед Милли и всеми силами пытался сдержать напор, загородить ее – но все зря. Несмотря на все усилия, его снесли и прижали к ней. Сорок или пятьдесят человек оказались прижатыми к витрине, и страшное давление все росло.

Ллойд с яростью понял, что полицейские намерены проложить путь через толпу во что бы то ни стало.

В следующий миг раздался ужасный грохот и звон бьющегося стекла, и витрина рухнула. Ллойд упал сверху на Милли, а на него упала Наоми. Десятки людей закричали от ужаса и боли.

Ллойду удалось подняться на ноги. Было просто чудо, что он остался невредим. Он стал лихорадочно оглядываться в поисках сестры. Его бесило, что было трудно разобрать, где человек, а где манекен. Но вот он заметил лежащую среди осколков Милли. Он схватил ее за руки и помог подняться. Она плакала.

– Спина! – произнесла она.

Он повернул ее к себе спиной. Все ее пальто было располосовано на ленточки и пропиталось кровью. У него сжалось сердце от жалости. Он нежно обнял ее за плечи.

– Там за углом медпункт, совсем рядом, – сказал он. – Ты сможешь идти?

Не прошли они и нескольких ярдов, как снова раздались полицейские свистки. Ллойд со страхом подумал, не сметут ли их с Милли снова в витрину магазина. Потом он вспомнил про сверток, который дал ему Берни, и вынул из кармана бумажный пакет со стеклянными шариками.

Полиция снова пошла на толпу.

Ллойд размахнулся и бросил бумажный пакет через головы толпы навстречу лошадям. Не он один так подготовился, еще несколько человек тоже бросили шарики. Когда лошади дошли до этого места, раздались звуки, похожие на взрывы хлопушек. Одна лошадь поскользнулась и упала. Другие останавливались и поднимались на дыбы, испуганные звуком стрельбы. Атака превратилась в хаос. Наоми Эвери как-то протолкалась в первые ряды, и Ллойд увидел, как она разорвала перед носом у лошади пакетик с перцем, отчего лошадь бросилась в сторону, исступленно мотая головой.

Давка стала меньше, и Ллойд довел Милли до угла. Ей было больно, но плакать она перестала. У медпункта уже выстроилась целая очередь, ожидающая, когда волонтеры Ассоциации святого Иоанна уделят им внимание: плачущая девочка, по-видимому со сломанной рукой; несколько парней с разбитыми лицами и головами; на земле сидела женщина средних лет, держась за распухшее колено. Подходя к медпункту, Ллойд с Милли увидели отходящего Шона Долана с перебинтованной головой – он направился напрямик назад, в толпу.

Медсестра, посмотрев спину Милли, сказала:

– Это серьезно... Вам надо ехать в больницу. Мы отвезем вас в машине «скорой помощи»... – Она посмотрела на Ллойда. – Хотите с ней поехать?

Ллойд хотел, но он должен был звонить и докладывать обстановку. Он колебался.

Решение за него приняла сама Милли – по обыкновению, резко.

– Даже не думай ехать! – сказала она. – Мне ты там не поможешь, а здесь у тебя важное дело.

Она была права. Он помог ей забраться в припаркованную машину «скорой помощи».

– Ты уверена?..

– Да, уверена. Смотри сам не угоди в больницу.

Он решил, что оставляет ее в лучших руках. Он поцеловал ее в щеку и вернулся на поле боя.

Полицейские изменили тактику. Народ отбил конную атаку, но полиция была намерена все же проложить путь через толпу. Когда Ллойд протиснулся в первые ряды, они стали наступать пешим строем, нанося удары дубинками. Безоружные демонстранты шарахались от них, как опавшие листья под порывом ветра, но потом бросались вперед, тесня строй в другом месте.

Полицейские начали арестовывать людей, может быть надеясь, что если не будет заводи, то решимость толпы ослабеет. В Ист-Энде арест был не простой формальностью. Мало кто возвращался оттуда без синяка под глазом или нескольких дырок на месте зубов. Особенно плохой репутацией отличался участок на Леман-стрит.

Перед Ллойдом стояла горластая молодая женщина с красным флагом. Он узнал Олив Бишоп, жившую по соседству на Натли-стрит.

– Еврейская шлюха! – крикнул полицейский и ударил ее дубинкой по голове. Она не была еврейкой и уж точно не была шлюхой; на самом деле она играла на пианино в доме молитвы «Голгофа». Но она забыла заповедь Христову о том, что нужно подставить другую щеку, и съездила рукой ему по физиономии, оставив на коже параллельные красные полосы. Двое других полицейских схватили ее за руки, а поцарапанный снова ударил ее дубинкой по голове.

Это зрелище – трое здоровых мужиков, набросившихся на одну девчонку, – привело Ллойда в бешенство. Он двинулся вперед и встретил нападавшего правым хуком, вложив в него всю ярость. Удар пришелся полицейскому в висок. Оглушенный, тот покачнулся и упал.

На место действия подоспели еще полицейские, наугад раздавая удары дубинками, попадая по рукам, ногам и головам. Четверо схватили Олив за руки и за ноги. Она кричала и отчаянно извивалась, но освободиться не могла.

Но окружающие не стояли сложа руки. Они набросились на полицейских, что тащили девчонку, и попытались вырвать ее у них. «Еврейские ублюдки!» – кричали полицейские, отбиваясь, хотя далеко не все их противники были евреями, а один даже оказался чернокожим моряком из Сомали.

Полицейские оставили Олив, бросив на дорогу, и начали обороняться. Олив протолкалась через толпу и скрылась. Полицейские отступили, – отходя, они били дубинками любого, кто оказывался в зоне досягаемости.

Ллойд с радостным волнением понял, что стратегия полиции не действует. Несмотря на жестокость их атак, попытки пробиться через толпу потерпели полное поражение. Полицейские снова пошли в атаку, размахивая своими дубинками, но обозленная толпа подалась им навстречу, теперь готовая к схватке.

Ллойд решил, что пришло время очередного доклада. Он снова выбрался из толпы и нашел телефонную будку.

– Пап, я думаю, у них ничего не выйдет! – радостно сказал он Берни. – Они пытаются пробить дорогу через толпу, но безуспешно. Нас слишком много.

– Мы направляем людей на Кейбл-стрит, – сказал Берни. – Полицейские могут изменить направление удара, решив, что там у них вероятность успеха больше, так что мы посылаем туда подкрепление. Сходи туда, посмотри, что там происходит, – и сообщи.

– Ладно, – сказал Ллойд и повесил трубку прежде, чем сообразил: ведь он не сказал отчиму, что Милли увезли в больницу. Но может быть, лучше его сейчас не волновать.

Прогулка на Кейбл-стрит обещала стать делом нелегким. От Гардинерз-корнер прямо на юг шла Леман-стрит и менее чем через полмили пересекалась с ближним концом Кейбл-стрит, – но дорога была перекрыта демонстрантами, дерущимися с полицией. Придется Ллойдю пойти не таким прямым путем. Он пробился через толпу на восток, на Коммершл-роуд. Оказавшись там, он увидел, что идти дальше будет не намного легче. Там полиции не было, а значит, не было драки, но толпа была почти такая же густая. Ллойд пал духом, но был вознагражден мыслью, что никогда полиции не пройти там, где людей так много.

Интересно, подумалось ему, что сейчас делает Дейзи Пешкова? Сидит, наверное, в машине и ждет, когда начнется шествие, нетерпеливо притоптывая носком дорогой туфельки по ковру на полу «Роллс-Ройса». Мысль, что он мешает ее намерениям осуществиться, принесла ему злорадное удовольствие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.